ISSN 0131—0097

№ 7 ФЕВРАЛЬ 1990

А ЧТО ЗА ПОВОРОТОМ?..

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 7 (3264)

10 — 17 февраля

Издатель — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Нагорный Карабах.

Фото Владимира СУМОВСКОГО

Оформление Е. М. КАЗАКОВА
при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп.,
на полгода — 10 руб. 38 коп.,
на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 22.01.90. Подписано к печати 07.02.90. А 00221. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 1829. Цена 40 копеек.

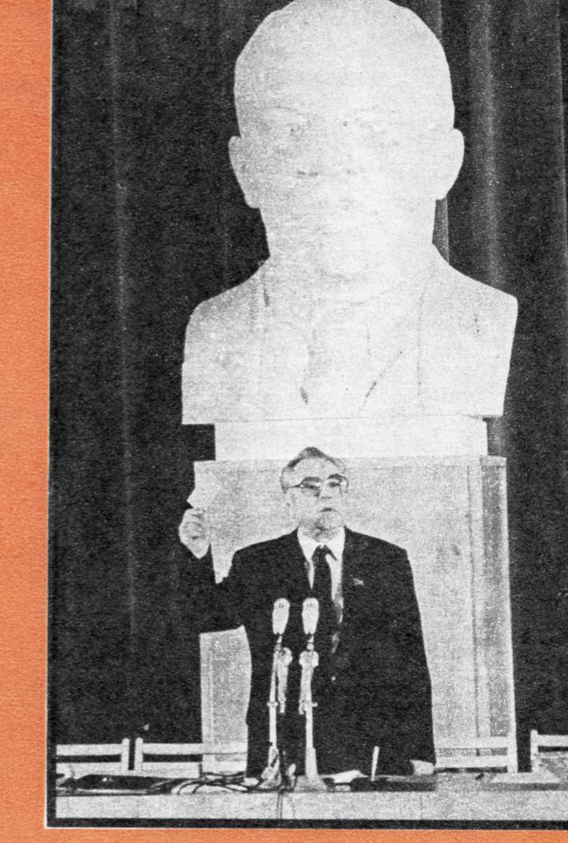
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ОТСТАВКА

«Вчера состоялся VI пленум обкома КПСС. На рассмотрение пленума обкома КПСС была вынесена следующая повестка дня:

1. О заявлении первого секретаря обкома КПСС тов. Калашникова В. И.

2. Об общественно-политической ситуации в области в связи с публикацией статьи «Претендент» в журнале «Огонек» и доверии бюро обкома КПСС.

3. О подготовке XXVI областной отчетно-выборной партийной конференции.

Заслушав заявление В. И. Калашникова, пленум принял постановление: освободить тов. Калашникова В. И. от обязанностей первого секретаря и члена бюро обкома КПСС согласно поданному заявлению в связи с уходом на пенсию...

Пленум считает, что в статье «Претендент» в журнале «Огонек» отдельные факты изложены предвзято и некорректно по отношению к областной партийной организации...

Пленум вывел из бюро обкома КПСС, как не получивших доверия, В. Н. Амелина, А. М. Анипкина, В. М. Баландина,

Фото Павла КРИВЦОВА

В. Г. Гаврилова, из кандидатов в члены бюро — В. П. Ермакова и В. А. Хмелькова.

Пленум постановил: возложить временно исполнение обязанностей первого секретаря обкома КПСС на В. Г. Роньшина».

(Из Информационного сообщения о VI пленуме обкома КПСС, опубликованного в областной газете «Волгоградская правда» 25 января 1990 г.)

«И вот вечером в минувшую субботу была прервана передача местного телевидения. С экстренным заявлением выступил секретарь обкома партии В. Катунин». «Учитывая, что решения состоявшегося пленума вызвали негативную реакцию в партийных организациях, коммунисты выражают недоверие нынешнему составу бюро обкома и требуют досрочного созыва областной партийной конференции,— сказал он.— Бюро приняло решение всем составом уйти в отставку. Пленум для формирования оргбюро по подготовке к конференции назначен на 30 января».

(«Труд», 30 января 1990 г.)

«Состоялось заседание пленума Волгоградского обкома КПСС. Принята отставка всего состава бюро обкома партии. Избрано временное бюро, которому поручена подготовка внеочередной областной партийной конференции.

Пленум заслушал информацию о мерах, принятых по справке КПК при ЦК КПСС «О фактах нарушения порядка получения жилья и принципов социальной справедливости некоторыми руководителями Волгоградской области».

Секретари обкома КПСС В. Баландин, В. Катунин, В. Роньшин, В. Хватов освобождены от занимаемых должностей».

(«Правда», 31 января 1990 г.)

Было бы наивным предполагать, что выступление журнала против первого секретаря Волгоградского обкома КПСС Владимира Ильича Калашникова останется без внимания, пройдет как бы незамеченным. Слишком сильную фигуру мы поставили под удар критики, слишком на высокий и непререкаемый авторитет замахнулись, пытаясь развенчать его в статье Игоря Гамаюнова. Да и коллеги из центральных изданий, дело прошлое, нас дружно предостерегали: зря суетитесь, братцы, ничего у вас не выйдет, в свое время Калашников оказался «не по зубам» даже центральному органу ЦК КПСС — газете «Правда». Критика в его адрес в статье «Иллюзия ускорения» в 1986 году получила единодушное и безоговорочное осуждение пленума обкома партии, который признал ее предвзятой, искажающей истинное положение дел в сельском хозяйстве области. И оргвыводы в отношении «чересчур смелого» корреспондента были, как полагается, сделаны. Так что на штиль мы не рассчитывали, но тем не менее буря, поднявшаяся на берегах Волги после публикации статьи «Претендент», превзошла все ожидания.

Весь прошлый месяц редакцию буквально захлестывал поток писем, телеграмм, телефонных звонков. Одни горячо благодарили «Огонек» за смелое выступление, требовали продолжения разговора, высказывали готовность предоставить редакции новые и новые факты, неопровержимо доказывающие провал политики Калашникова в области, другие обвиняли нас в клевете на властного и пробивного хозяина, круто повернувшего состояние дел в лучшую сторону.

Сейчас, когда в общем-то точки над «i» расставлены и нет необходимости, как говорится, размахивать кулаками после драки, хотелось бы все-таки высказать ряд принципиальных соображений и по поводу ответа В. И. Калашникова «Кому это выгодно?», опубликованного в «Волгоградской правде», и по поводу последовавшего за ним самого пленума обкома партии, принявшего отставку первого секретаря.

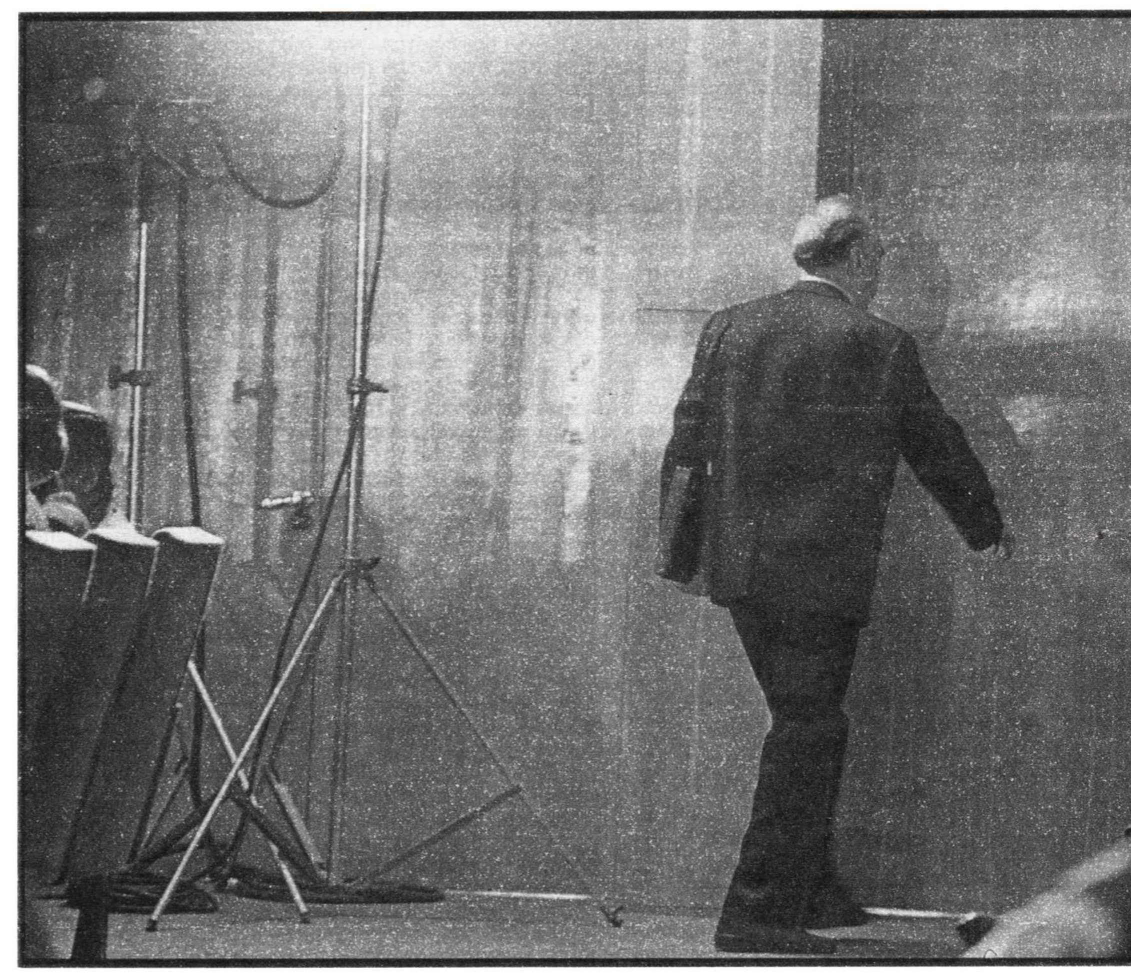
Оставим на совести В. И. Калашникова оскорбительные выпады в адрес журнала: «провокаторские утверждения», «злобный тон» и т. д. Партийный руководитель, вошедший в историю советской журналистики как автор крылатой фразы, публично брошенной с высокой трибуны в адрес прессы, «Собака лает — караван идет», может и не то себе позволить. Нам показалось любопытным иное... В своем ответе, кстати, целиком выдержанном в безапелляционном, наступательном и агрессивном тоне, герой нашей статьи неоднократно намекает на какие-то темные силы, которые якобы двигают «Огоньком». Звучит этот пассаж, в частности, в таком контексте. Почему порочат человека? Далее дословно: «Не потому ли, что этот человек — партийный работник, член ЦК КПСС, а кое-кому, чьи интересы представляет журнал «Огонек», хотелось бы построить глухую стену вражды и недоверия, разделяющую партию и народ, партийное руководство и рядовых коммунистов».

Не сразу поймешь, чего здесь больше намешано — демагогии или нескрываемого раздражения тем обстоятельством, что открытость общества, гласность, провозглашенные перестроечными процессами, позволили сделать достоянием широких масс как и провальную политику бывшего первого секретаря, так и его личные злоупотребления служебным и партийным положением. Не надо передергивать, товарищ Калашников, журнал «Огонек» представляет интересы миллионов советских людей, которые искренне хотят, чтобы партийные работники, в том числе и члены ЦК КПСС, жили по законам совести, на земле, рядом с народом, а не в суперкомфортабельном замке на набережной, вызывающем в условиях острого жилищного кризиса у волго-

«ПРЕТЕНДЕНТА»

или о событиях, происшедших в Волгограде после публикации в журнале «Огонек» № 1 за 1990 г.

градцев только жгучую неприязнь. Это к вопросу о глухой стене между руководителями и рядовыми.

Теперь о пленуме обкома партии, состоявшемся 24 января. Много мы услышали недобрых слов в адрес журнала от его участников. Одно из таких выступлений Центральное телевидение поспешило передать в программе «Время» на следующий день, причем отрицательное отношение к статье в «Огоньке» было названо однозначным. А вот это неправильно. Если бы у телевизионщиков нашлось бы еще полминуты экранного времени, то они могли бы передать в эфир и выступления иного рода. Ну, например, могли бы показать директора совхоза «Краснодонский» Иловлинского района В. И. Водянникова, который держал слово с трибуны от имени партийно-хозяйственного актива своего района. «Актив,— сказал он,— определил: по форме статья резкая, по содержанию — правильная. Гласность и демократия — для людей, имеющих совесть. К сожалению, у нас этот «товар» стал дефицитом. Особенно в последнее время». В комментарии можно было бы назвать и другие коллективы, придерживающиеся такой же точки зрения, такие, как института «ВолгоградНИПИнефть», партийной организации ремонтно-механического цеха завода им. Петрова, коммунистов проектно-конструкторского института автоматизации и механизации НПО «Комплекс», экспериментального цеха тракторного завода и многих других.

Но не в этом суть дела. Пленум, как нам показалось, продвигался вперед медленно, на ощупь, будто бы с оглядкой на сидящего в президиуме бывшего первого секретаря. Реверансы в его адрес сыпались щедро. Критика же положения дел в области за некоторым исключением носила, если так можно выразиться, мягкий, скорее косметический, нежели конструктивный характер. Но были, как выразился один из ораторов, и явно консервативные и архиреакционные выступления.

Мы частенько сетуем на пассивность молодежи, обвиняя ее в нежелании вмешиваться в бурные политические процессы, происходящие в стране. Волгоградские комсомольцы таких упреков не заслуживают. А реакция на активность молодых была определенная. Надо было видеть, с каким злорадством захлопывалась речь второго секретаря обкома ВЛКСМ, народного депутата СССР А. Киселева, как многим нетерпелось согнать его с трибуны. А выражал комсомольский лидер в общем-то мнение большинства. Он говорил, что политическое искусство убеждать в областной партийной организации до сих пор подменяется командой и приказами, в итоге коммунистам, которых принято называть рядовыми, лишь остается исполнять указания монопольно владеющих властью партийных органов и их аппарата, настаивал на проведении в ближайшее время областной отчетно-выборной конференции, призывал сделать ее подлинно демократической гласной кампанией.

Не всем понравилось и выступление первого секретаря Волгоградского горкома КПСС А. М. Анипкина. Кульминацией беспринципности нынешнего состава бюро он назвал его постановление о представлении товарища Калашникова к званию Героя Социалистического Труда накануне его 60-летия. В свое время А. М. Анипкин резко выступил против такого решения, хотя поддержки не получил, наоборот, кое-кто заподозрил его в личных антипатиях и амбициозности. Да и сейчас на пленуме некоторые ораторы прозрачно намекали, что откровенность Анипкина не бескорыстна, что, мол, дескать, он метит на место Калашникова... О времена, о наши нравы!..

Но высшей точкой накала страстей на пленуме стал разбор так называемых «квартирных дел», коснувшихся многих сидящих в президиуме. Показалось даже, что мы присутствуем на странном нелепом спектакле с детективной интригой, где действующие лица и исполнители разыгрывают между собой кошмарный фарс на каком-то непонятном, доступном только им языке. Сначала было сказано, что есть записка Комитета партийного контроля при ЦК КПСС по этим делам. Потом кто-то объяснял, что записку обнародовать нельзя, ибо ее еще не проверил обком, на что ему резонно возразили, что документы подобного характера обком разбирать не правомочен. Потом оказалось, что самой записки в зале пленума нет — участники потребовали отправить за ней посыльного. В это время один за другим поднимались на трибуну секретари обкома — одни признавались и каялись в незаконном присвоении жилья, другие оправдывались и доказывали, что их вины нет.

Наконец секретарь обкома В. Катунин зачитывает справку партийных контролеров о фактах нарушения порядка получения жилой площади и принципов социальной справедливости некоторыми руководителями Волгоградской области.

«В то время как в Волгограде ежегодно срываются планы по вводу домов и более 60 тысяч семей состоят на учете остронуждающихся в получении квартир, секретари обкома КПСС В. Калашников, В. Баландин, В. Роньшин, В. Хватов в 1989 году вне очереди отселили в отдельные благоустроенные квартиры семьи своих детей, улучшили для себя жилищные условия. Жилплощадь для этих целей обком КПСС получил у местного Совета как участник в долевом строительстве».

А через несколько дней на многолюдном митинге, организованном городским клубом избирателей, и товарищ Катунин признается, что его московская квартира после переезда в Волгоград пока не сдана, хотя на пленуме утверждал обратное.

На что надеялись эти люди? На что надеялся первый секретарь обкома В. И. Калашников, уверенно заверявший в своем ответе на нашу статью «Претендент», что он чист перед законом, как непорочный ангел? Неужели на то, что правда, надежно спрятанная за толстыми стенками обкомовских сейфов, навсегда останется тайной за семью печатями? Или он серьезно решил, что перестройка — это тоже своего рода «помидорная кампания», о которой через какое-то время забудут, и можно будет сказать, что «все это было в прошлом и осталось в нем».

Мы говорим об обновлении, очищении партии, и это уже не только слова, но и напряженное поле конкретных дел и поступков партийного руководителя. Может быть, не самая сильная, но отрадная победа перестройки — ложь народ сейчас никому не прощает. Люди могут простить руководителю ошибки, просчеты, временные и даже долговременные трудности, но никогда не простят, если он не считает их за людей. Поняли ли это бывший первый секретарь и другие бывшие члены бюро?

Нам не страшно за партию, которая самоочищается, отторгая скомпрометировавших себя руководителей, даже если они в ранге члена ЦК. Но когда на пленуме областного партийного комитета, трансляция с которого идет на всю область, начинается, простите за выражение, базар и второй секретарь обкома В. Баландин кричит на другой конец президиума другому партийному секретарю: «А у тебя самого квартира 74 метра...» — вот тогда за партию становится страшно.

«Кому это выгодно? — переспросил поднявшийся в зале пленума старый учитель, пенсионер, инвалид войны, вступивший в партию в окопах, В. А. Панков — да нам это выгодно, рядовым коммунистам, выгодно всей партии, освобождающейся от карьеристов и хапуг».

Что еще к этому добавить?

ОТДЕЛ ПУБЛИЦИСТИКИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

Николай ПОПОВ,
доктор исторических наук

КРИЗИС ДОВЕРИЯ — КРИЗИС ВЛАСТИ

Маятник оценок настроений в стране качнулся, сделал полный мах — от провозглашений «всенародного одобрения курса» в начале перестройки до предсказаний «революции снизу», взрыва недовольства, причем в ближайший год. Все говорят от имени народа: «народ за», «народ против», в народе нетерпение, в народе брожение. Что же происходит в сознании народа на самом деле?

Общество не монолитно, оно поляризовано, состоит из многих социальных слоев и групп с разными, часто противоположными интересами. Догматический подход к теории классов затмил реальность: за двумя «дружественными классами» и «прослойкой» скрылись реальные социальные слои — бюрократия с ее верхушкой-номенклатурой, рабочие и техники высокой квалификации, рабочие неквалифицированные, торговые работники, люмпен-пролетарии и бездомные, специалисты технического и гуманитарного профиля с высшим образованием, колхозники, кооператоры и многие другие слои со своими интересами и взглядами. Заклинания о том, что их роднит отсутствие частной собственности, не могли скрыть от людей неравенство в доходах и уровне жизни, а официальная пропаганда с обещаниями скорого наступления коммунизма лишь усиливала неверие в лозунги и чувство отчуждения. В реальности вместо одной идеологии у каждого социального слоя сформировалась своя система взглядов, своя жизненная философия и моральные нормы.

Сюрпризом для многих стали национальные столкновения, национальная неприязнь или вообще разговоры о необходимости национального возрождения. Казалось бы, вопрос давно решен — расцветает традиционная дружба, национальные различия стираются, советский народ создан. Не получилось этого. Чем больше стирались на бумаге различия (в том числе и для народов, насильно согнанных со своей земли), тем сильнее становилось стремление сохранить и отстоять национальную самобытность и независимость. То, что заметалось под ковер или клеймилось как национализм, вышло наружу, заявило о себе в полный голос.

Добавьте к этому различие между Востоком и Западом страны, между Европой и Азией, между центром и провинцией, Крайним Севером, Дальним Востоком, учтите существование необъятного, неучтенного «дна» — бездомных, бедных, безработных, скрытых и явных, огромного преступного мира — и вы получите картину не «монолитного единства», а «вавилонского» скопления слоев, групп и народов с различными, а порой конфликтующими интересами. Может быть, нечто подобное было в Священной Римской империи, или в Австро-Венгрии, или в Британской империи. Но они не претендовали на «морально-политическое единство». Иными словами, гетерогенность нашего общества и соответственно разброс взглядов людей несравнимы с другими развитыми странами.

Если мы представим наше общество на подходе к перестройке, пять лет назад, то мы должны вспомнить еще об одной важной черте нашего массового сознания; ее можно было бы назвать конформизмом страха. Вся та разноголосица взглядов, о которой мы говорим сейчас, была неслышна еще и потому, что люди боялись. Десятилетия террора, репрессий приучили целые поколения скрывать свои мысли, прилюдно повторяя газетные штампы. Что еще важнее, выросли поколения, в которых индоктринация с детского сада, подкрепленная страхом, выработала норму не иметь собственного суждения по любому поводу, быть как все, и тем более отучила рассуждать или размышлять о политике, политической деятельности. Отсюда политическая апатия, политическая неграмотность, в целом низкая политическая культура общества.

В перестройку наш народ вошел с мощным потенциалом недовольства жизнью, негодования по поводу растущих проблем, экономических и социальных, и недоверия к органам власти, ответственным за положение дел. На этом фоне произошли смена руководства в апреле 1985 года и последовавшие за ней перемены, важные для массового сознания своим символизмом: отказ от показухи и парадности, обещание ускорения, ориентация на решение социальных проблем, подъем жизненного уровня. И все это через призму харизматического лидера, «доброго вождя», вера в которого соединилась с надеждой на улучшение жизни.

В этом важная черта массового сознания последних лет — вера в вождя и недоверие основным институтам власти. В этом противоречии изначально была заложена опасность для успешности и быстроты предпринятых грандиозных реформ.

Жизнь наша последние четыре года вся шла скачками: съезд, пленумы, новые законы — о соцпредприятии, кооперации, поездки и выступления М. С. Горбачева, наконец, партконференция, выборы, первый Съезд народных депутатов, второй; и подорожание, «вымывание», исчезновение, дефициты, наркомания, преступность. Демократизация — и рост экономических и социальных проблем. Перефразируя известные слова нашего тирана, можно сказать: «жить стало хуже, жить стало веселее».

Прошедший год войдет в историю как год политической реформы. Такого у нас еще не было: выборы, парламент, законы. В то же время недовольство жизнью, недоверие властям, неудовлетворенность ходом перестройки и неверие в ее успех достигли небывало высокого уровня. Часть недовольства можно объяснить тем, что многие наши провалы и кризисы стали виднее из-за гласности. Демократизация позволяет людям говорить о них без особого страха; в любом случае все больше людей осознает, что жить так дальше нельзя.

Для демократической формы правления критика и оппозиция неизбежны и естественны. Уровень недовольства в обществе показывает степень поддержки выбранного курса. В то же время весьма сложно проводить радикальные реформы при падении их поддержки народом. В прошлом году появилась возможность измерять поддержку или неодобрение, доверие или недоверие народа более точно с началом массовых опросов общественного мнения, проводимых Всесоюзным центром изучения общественного мнения. Они показывают быстро меняющуюся и противоречивую картину массовых взглядов и настроений.

КТО ВИНОВАТ?

На этот вопрос не так легко ответить: многие считают, что виновата система, другие видят причину наших трудностей в нашей лени и неумении работать, третьи обвиняют перестройку. Выступая в январе прошлого года на встрече с представителями творческой интеллигенции, М. С. Горбачев обратился к ним с призывом помочь ему объяснить народу, что перелом к лучшему в экономике не сделаешь за день, что причины наших трудностей в ошибках предыдущих руководителей, которые нелегко исправить. В это же время письма в ЦК и правительство предупреждали, что недовольство народа медлительностью перестройки дошло до предела.

Письма трудящихся, как у нас принято было говорить, или письма избирателей, как говорят в странах, где выборы основной канал демократии,— это, конечно, важный барометр настроений людей. Но поскольку, как известно, писать письмо сядет не каждый, опросы общественного мнения все же надежнее. Так вот опросы того периода показали следующую картину. Считали, что «в экономических трудностях виновата перестройка»,— 4%; что «экономические трудности вызваны ошибками прошлого»,— 57%; что «экономические трудности являются неизбежным следствием экономической системы социализма»,— 18%; остальные затруднились ответить или назвали другие причины.

Прошло полгода. Вера в перестройку еще несколько снизилась. Опрос, проведенный в конце августа, показал, что 47% ожидают улучшения положения благодаря идущей перестройке, но в основном незначительного, 35% полагали, что все останется, как есть, то есть плохо, или ситуация еще более ухудшится, остальные затруднились высказать какую-либо оценку.

Эта степень пессимизма и недовольства хоть и велика, но еще далека от большинства. Однако важно знать, насколько недовольны недовольные, как неудовлетворенность проявляется в политических оценках и в практических действиях людей.

Выборы, несомненно, стали испытанием на прочность важных институтов власти и их представителей. Некоторая часть кандидатов, особенно в Москве и Ленинграде, представила яркие программы, которые помогли избирателям сделать выбор. Но в большинстве случаев люди голосовали на основе должности и биографии и часто голосовали против «истэблишмента». Как известно, среди не попавших в число депутатов была значительная группа руководителей всех рангов, в том числе и секретари обкомов и крайкомов партии. Крупное начальство отсеялось бы еще больше, не попади оно в спасительные списки делегатов от партии и других общественных организаций. После выборов многие отмечали — кто с удивлением, кто с негодованием,— что впервые в нашей истории принадлежность к руководящим, и прежде всего к партийным, органам вместо того чтобы служить пропуском к еще большей власти, как это было раньше, вдруг стала недостатком, пороком, сигналом для избирателей, что этого человека надо провалить.

Потерпевшие и их коллеги пытались найти различные причины своего поражения — от своей чрезмерной занятости и непривычности к публичной риторике до происков антисоветских сил. Последнее сформулировал на апрельском Пленуме ЦК В. К. Месяц, первый секретарь Московского обкома партии: «Открыто заявила о себе выползшая на улицы накипь, решившая нанести удар по перестройке, по партии, ее руководящим органам».

Дело, наверное, обстоит хуже. На выборах народ, отвергая разного рода руководителей, выразил недоверие всей административно-командной системе, ее аппарату, или иначе тому, что в сознании народа объединяется в емкое понятие «власть», которая завела страну в глубочайший кризис. Все достаточно просто и известно всему миру: вы лишаете народ мяса, сахара, мыла — народ лишает вас голосов на выборах.

В опросе общественного мнения эти настроения проявились так (процент поддержки тех или иных положений анкеты):

— Все изменится, если каждый будет добросовестно и честно трудиться — 37%

— Поскольку люди, которые завели нас в это состояние, по-прежнему у власти, необходимо полностью сменить руководство, оставшееся с прошлых времен — 30%

— С прежней силой действует командно-административная система, нужно менять всю систему управления обществом — 30%

— Все заработает, как только через демократические выборы к власти придут истинные представители народа — 25%

— Нужно довести до конца экономическую реформу, чтобы реально заработали аренда, кооперативы, ИТД — 16%

— Социализм в его нынешнем виде исчерпал себя; вывести страну из тупика могут только новые условия хозяйствования — частная собственность, рыночная экономика — 14%

— Нас может выручить только твердая рука, железная дисциплина, как это было при Сталине — 8%

(Участвовавшие в опросе могли называть несколько позиций, поэтому сумма больше 100%.)

Большинство хочет так или иначе сменить систему управления обществом, органы власти или их руководство. К каким институтам власти высказывается наибольшее недоверие? Вопрос в анкете звучал так: **«Как вы считаете, какие организации в настоящее время наиболее активно выражают интересы народа, пользуются наибольшим доверием у населения?» Ответы распределились следующим образом (в %):**

	полное доверие	частичное доверие	отсутствие доверия
Правоохранительные органы (милиция, суд, прокуратура)	**10**	**49**	**41**
Местные Советы	**16**	**57**	**27**
Верховные Советы	**32**	**53**	**15**
Профсоюзы	**16**	**48**	**36**
Партия	**22**	**47**	**31**
Комсомол	**11**	**39**	**50**
Религиозные организации	**22**	**45**	**33**
Министерства, Совет Министров СССР	**14**	**48**	**38**
Пресса, телевидение, радио	**30**	**60**	**10**
Неформальные объединения	**27**	**47**	**26**

Среди этих институтов можно выделить три группы по степени доверия или недоверия к ним. Наименьшим доверием народа пользуются комсомол, правоохранительные органы, министерства и профсоюзы — у них «полное недоверие» больше чем в два раза превышает «полное доверие». Другая группа — партия, религиозные организации, местные Советы — здесь недоверие также заметно перевешивает полное доверие. И третья группа, в которой полное доверие преобладает над недоверием, это неформальные объединения, Верховные Советы и пресса, которая пользуется наибольшим доверием.

Это данные на конец августа. По сравнению с февралем потеряли в доверии профсоюзы, правоохранительные органы и местные Советы.

Августовский опрос был первым развернутым изучением политических взглядов населения в масштабе всей страны. Полученная с его помощью картина массовых политических взглядов и настроений остается в силе и сейчас — основные базовые представления народа быстро не меняются, хотя каждое новое событие политической жизни вызывает ту или иную реакцию людей. В то же время частичные зондажи политических взглядов продолжаются. Опрос в начале января показал, в частности, что работа второго Съезда народных депутатов особого энтузиазма у народа не вызвала: полное удовлетворение «результатами работы» Съезда выразили лишь 7%, частичное — 52%, остались совсем неудовлетворенными — 28%, остальные затруднились ответить. Как и летом, примерно половина населения выражает частичное доверие руководству страны и около четверти доверия не испытывает. Пресловутая 6-я статья Конституции, которую Съезд не решился обсуждать, вызывает негативное отношение народа. Хотя четверть не знала, в чем суть дела, а 20% затруднились ответить, остальные высказались вполне определенно: 7% считали, что этот вопрос не следовало обсуждать на Съезде, 8% сочли, что Съезду следовало высказаться за сохранение этой статьи в Конституции, и 38% высказали мнение, что «Съезду следовало отменить эту статью». Помимо всего прочего, это говорит и о том, что Съезду народных депутатов на автоматическую поддержку населения, избирателей надеяться не приходится.

Собственно из органов власти только Верховные Советы пользуются значительным доверием населения, и прежде всего Верховный Совет СССР; остальные институты власти и основные общественные организации, включая «правящую партию», как было принято говорить, испытывают значительное недоверие народа. Массовое сознание отражает в этом фактически сложившуюся политическую ситуацию — двоевластие, когда действует выбранный народом — со всеми издержками первых демократических выборов — законодательный орган, а реальную власть по-прежнему удерживает партийно-государственный аппарат, оставшийся с эпохи застоя, который выборы пока не затронули. Борьба за реальную власть между этими силами ведется с переменным успехом: у Верховного Совета дальнобойная артиллерия законов, но ее немного и стреляет она нечасто; у аппарата основная сила — пехота, но ее огромное количество.

Народ вполне представляет, что в обществе идет реальная борьба за власть. В опросе вопрос стоял так: «В течение года мы все стали свидетелями острых политических дискуссий. Как вы считаете, отражают ли эти дискуссии развернувшуюся борьбу за власть сторонников перестройки с приверженцами старых командных методов руководства или это скорее состязание единомышленников, которые различаются лишь подходами к решению проблем?» Ответы распределились так: считали, что идет борьба за власть, 40%, полагали, что это «состязание единомышленников», 23%; 37% затруднились ответить.

В сегодняшней бурной политической жизни особую роль играет М. С. Горбачев, положение которого, с точки зрения массового сознания, весьма противоречиво: с одной стороны, он глава наиболее популярного, избранного народом органа, с другой — руководитель партии, доверие к которой значительно упало. С одной стороны, он автор перестройки и сторонник демократизации, с другой — руководитель страны, состояние которой все ухудшается. Если в начале перестройки личная популярность М. С. Горбачева распространялась и на предлагавшиеся им реформы, то сейчас рост недовольства нагромождающимися одна на другую проблемами неминуемо вызывает снижение популярности лидера страны и поддержки реформ перестройки, которая ассоциируется с Горбачевым. В то же время эта популярность по-прежнему высока по международным стандартам. Мы привыкли к «всенародной» поддержке своих прошлых вождей, созданной услужливым аппаратом. В то же время в нормальных странах верхний предел одобрения деятельности президента или премьер-министра — 60—70%, а 40—50% — это нормальный, «рабочий» уровень. В этой связи 43%, назвавших в августе М. С. Горбачева «самым выдающимся политическим деятелем страны», отражают высокий уровень поддержки лидера. В США, например, популярность президента колеблется очень сильно. Рейган, начав первый президентский срок с уровня в 60 с лишним процентов, через год спустился до 21% — в разгар экономического кризиса, чтобы снова набрать почти 60% к следующим выборам.

ПАРЛАМЕНТ ИЛИ БУНТ

В наших условиях сегодня наиболее важная проблема — падение доверия к власти вообще. Популярность Верховного Совета СССР высока прежде всего по сравнению с низким уровнем доверия к другим органам власти. По-прежнему основное политическое качество массового сознания — это политическое отчуждение. Это видно, в частности, из результатов опроса, в котором люди отмечали наиболее созвучные их представлениям высказывания:

Люди, которых мы выбираем в органы власти, быстро забывают о наших заботах, не учитывают в своей работе интересы народа — 45%

Руководство — это особая группа людей, элита, которая живет только своими интересами, до нас им нет дела — 31%

Наши органы власти — народные, у них те же интересы, что и у нас с вами — 14%

Не имели мнения — 10%

Это чувство безвластия, бесправия проявляется также в ответах на вопросы о том, какие группы в обществе пользуются большим, какие меньшим влиянием. Большинство считало недостаточным влияние рабочих, крестьян, пожилых людей, молодежи, интеллигенции, женщин. Отвечая на вопрос, как бы вы оценили влияние на политическую жизнь страны «таких людей, как вы», лишь 2% ответили, что влияние слишком сильное, 11% посчитали влияние достаточным и 56% — недостаточным; 31% затруднились ответить.

Нарастание проблем, с которыми люди ничего не могут сделать — рост цен, дефициты, преступность, разрушение окружающей среды в сочетании с недоверием к власти, нагнетает протест, в котором негодование соседствует с беспомощностью. В силу неразвитости политической культуры и несовершенства форм политического участия в общественной жизни этот протест часто канализуется не в конституционные демократические действия, а в стихийные митинги, демонстрации, забастовки, иногда в форме массового неповиновения властям, насилии, вандализме, преступности. Взрыв массового негодования, вспышка народного гнева — симптомы как тяжести проблем, превысивших предел терпения людей, так и чувства бесправия, распространенного недоверия властям.

Массовая забастовка шахтеров в августе была примером такого взрыва. Фактически она прижала власти к стене — из-за опасности непоправимого ущерба для экономики были удовлетворены все требования бастовавших. Затем были приняты законы, запрещавшие забастовки в важнейших отраслях, Закон о трудовых спорах. Очевидно, необходимы меры, предотвращающие анархию, паралич экономики, однако проблему недоверия они не снимают и потенциал массового протеста не уменьшают.

Два десятилетия назад по поводу несколько иной обстановки, чем у нас сегодня, известный американский социолог Д. Янкелович высказал мысль, гипотезу, что массовое недовольство бывает двух видов, обозначаемых сходными английскими и французскими терминами — «Resentment» и «Ressentiment». Первый означает негодование, которое направлено против конкретного института или органа власти, и, высказывая которое, люди надеются быть услышанными и изменить ситуацию. Второй означает негодование, перешедшее в отчаяние, полное разочарование, когда люди в диалог с властями уже не верят, уговорам не поддаются и протест принимает взрывную, разрушительную форму. Нам это знакомо из нашей же истории, но не вредно знать и зарубежный опыт.

Если народ не верит властям и в старые догмы, то кому и во что он верит? По-прежнему верит прессе. И хотя пресса вовсе не едина в своих оценках людей и событий, если ей удастся сохранять при этом правдивость, она сможет быть посредником в спорах и конфликтах многочисленных слоев, групп и национальностей. Еще народ поверил в выборы как в институт демократии. Если не везде, то по крайней мере в больших городах, на крупных предприятиях. На выборы пришли весной 90% избирателей, впервые без принуждения, хотя накануне выборов, согласно опросу, половина людей не были уверены, что удастся избрать «наиболее достойных, знающих, активных людей». Но решили попробовать и, видимо, в основном не разочаровались. Потому что уже перед Съездом большинство считали, что Съезд и должен «осуществлять реальную верховную власть в нашем обществе» — так считали 61% при 30% полагавших, что эта реальная власть должна принадлежать Верховному Совету СССР и его рабочим органам; за то, чтобы реальная власть осуществлялась «партийно-государственным аппаратом», высказались 10%. Видимо, вера в выборы будет действовать и во время избирательной кампании в республиканские и местные органы власти.

Вообще за год, от манифеста Нины Андреевой до Съезда народных депутатов, народное сознание прошло быстрый путь политизации. Если в дискуссии перед партконференцией приняли участие десятки тысяч, то избирательная кампания затронула миллионы. Возможно, впервые за нашу историю значительная часть населения поверила, что его мнение может что-то значить, что своим участием в выборах оно если и не возьмет власть в свои руки, то по крайней мере сможет участвовать в перераспределении власти между институтами общества, доверие к которым, как мы видели, различно.

Политизация сознания идет неровно, хотя и быстро, опыт демократии накапливается по крупицам. Пока понятны только два полюса — парламент и протест. Надо сказать, что другие каналы пока и не налажены — ни общественные организации, движения, клубы, ни ассоциации или партии; официальные «формы участия в общественной жизни» — партия, комсомол, профсоюзы — большим доверием не пользуются. Кстати, отношение к идее многопартийности противоречивое; взгляды на эту проблему распределились следующим образом:

Многопартийность совершенно необходима, как естественное развитие демократии — 27%
В КПСС существует все многообразие мнений, поэтому другие партии не нужны — 20%
Реальной пользы от многопартийности не будет, лишь больше станет бюрократии, говорильни — 19%
У нас исторически сложилась однопартийная система, и многопартийность будет носить искусственный характер — 11%
Внутри партии уже существуют разные группы и фракции, у нас уже фактически многопартийность — 5%
Идея многопартийности — антисоветская по своей сути; она подбрасывается враждебными элементами для раскола общества — 3%
Не имели мнения — 23%
(Отвечавшие называли несколько позиций, поэтому сумма превышает 100%.)

Эти цифры, как и данные об уровне доверия к различным институтам, можно оценивать по-разному. Однако ясно, что эпоха гарантированного доверия к власти кончилась. Все институты и органы, как выбираемые, так и назначаемые, должны доверие и поддержку народа постоянно зарабатывать, а то и отвоевывать в борьбе за влияние. Ведь сегодня падение доверия к партии — реальность, и в значительной мере ее престиж держится на популярности М. С. Горбачева. В то же время недоверие к партии — это часть общего кризиса доверия к власти, ответственной в глазах народа за бедственное положение страны.

Кризис доверия к власти, ее основным институтам — это кризис самой власти, по крайней мере в демократических обществах. Из мирового опыта нам известны разные формы реакции на недоверие народа: правительства подают в отставку, получив вотум недоверия, партии меняют программы и лидеров, или лидеры учатся убеждать народ в правоте своих идей, в необходимости непопулярных программ. Другие пытаются найти виновного на стороне, «козла отпущения». Похоже, многим нашим политикам эта тактика больше по душе, как это стало очевидным на прошлогоднем апрельском Пленуме. Одни обвиняют прессу, другие — неформалов, третьи — Политбюро за то, что не снабжает их инструкциями, как бороться с теми и другими.

Борьба за доверие ведется на полках магазинов, но также и на страницах прессы, в дискуссионных залах и на площадях. При этом аморфный и абстрактный «советский народ» все чаще выступает в виде конкретных слоев, групп и национальностей, которые не смешиваются в потоке политической жизни. Их взгляды и настроения, в том числе в области доверия к власти, могут быть весьма различны, что, собственно, и рождает плюрализм политических подходов и политических сил — от либеральных до консервативных. Хотя в наших особых условиях, отличных от мировой политической жизни, еще предстоит определиться, чего же хотят либералы и кто такие консерваторы. Но это тема другого разговора.

ЗЕМЛЯ У НАС ОДНА

Фоторепортаж
Валерия ЯКОВА

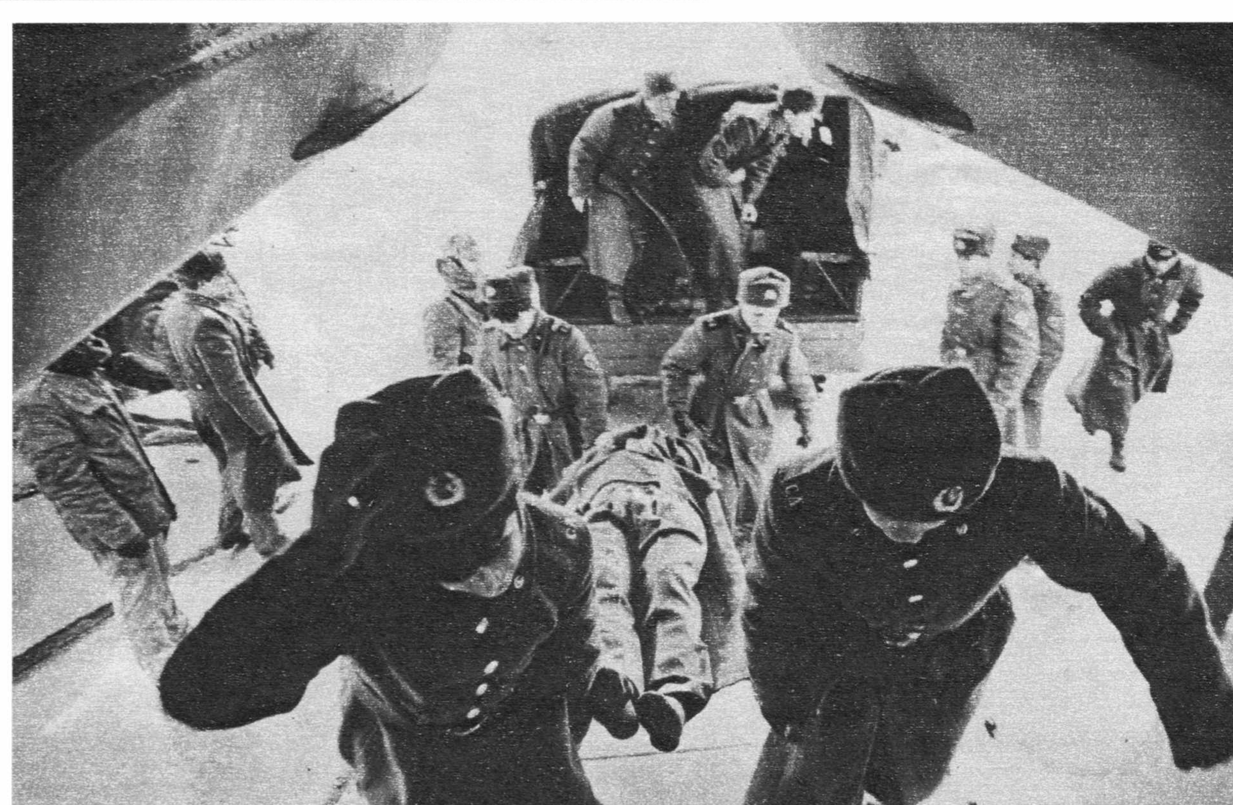
У войны не женское лицо и не мужское — лицо самой смерти. Кто-то, возможно, первым произносит неосторожные слова, а они оборачиваются бедой. Кто-то стреляет первым, но пули порой возвращаются.

Глубока скорбь по безвинно погибшим — армянину, азербайджанцу, русскому... Во имя скорби этой не станем умножать несчастья. Печаль человеческая да не обернется гневом и местью — так завещали нам предки.

Ради детей и будущего брось оружие, вернись домой! Пусть мир и покой пребудут в городах твоих и долинах, пусть никто больше не вздрагивает от стука в двери, телефонного звонка, оклика, вертолета в небесах, грохота сапог.

Вспомним, что мы люди на этой земле, и земля на всех одна.

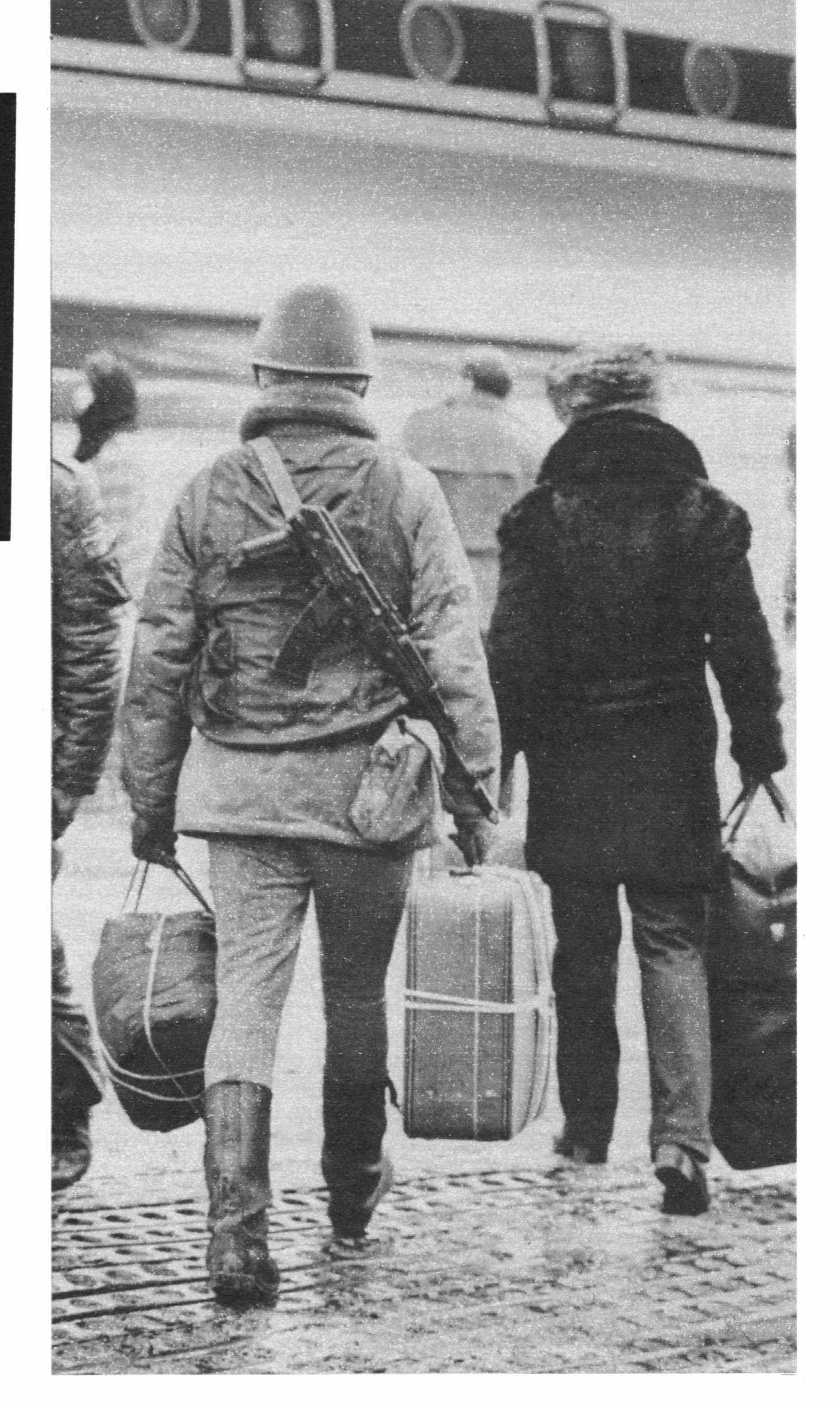

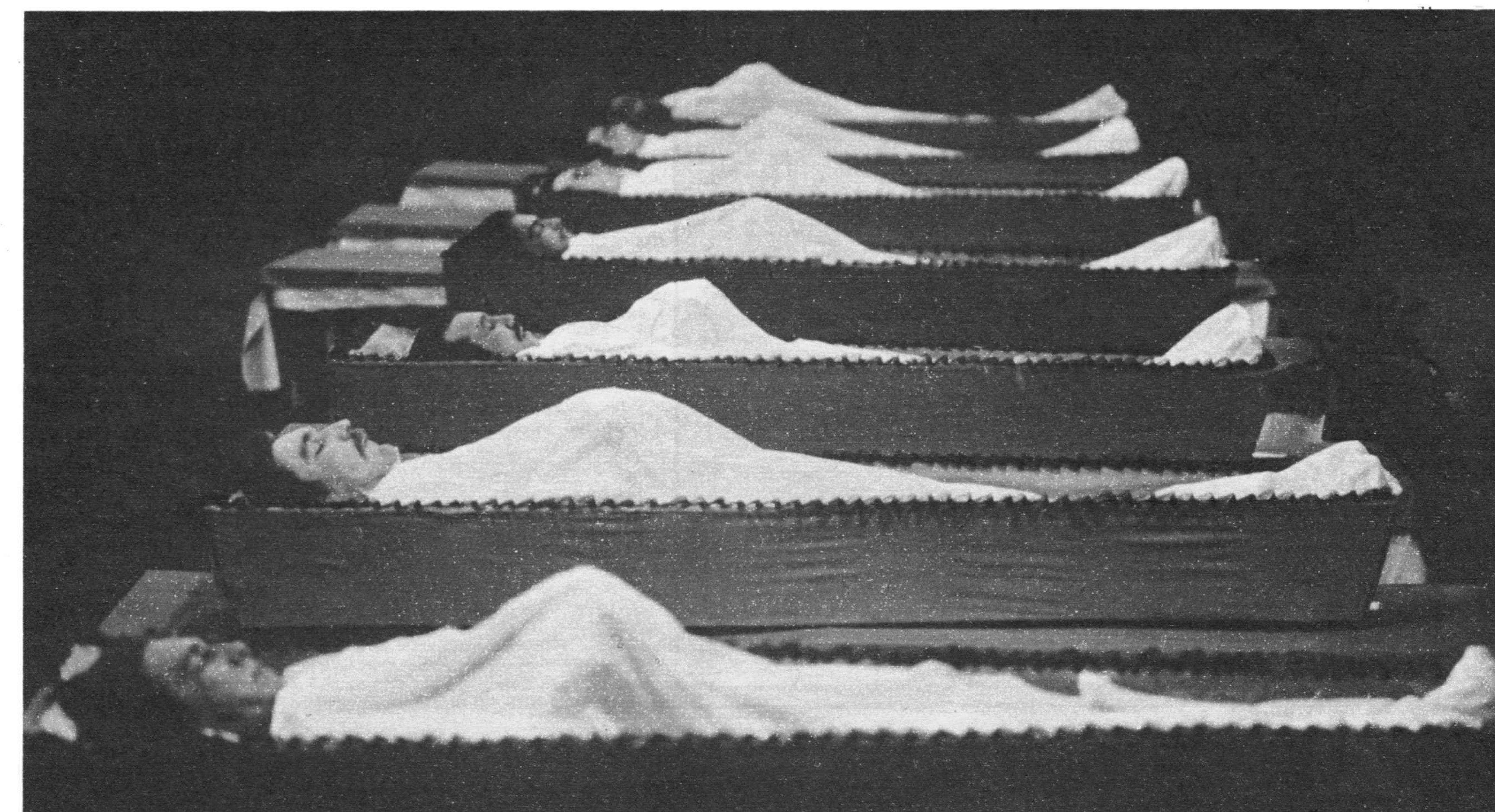

ЗЕМЛЯ У НАС ОДНА

ПЛЕНУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Состоялся очередной Пленум Центрального Комитета КПСС, рассмотревший среди прочих вопрос:

О проекте платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии.

С докладом по этому вопросу на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев.

В работе Пленума приняли участие первые секретари ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов и окружкомов партии, Председатели Президиумов Верховных Советов и Председатели Советов Министров союзных республик, не входящие в состав центральных органов КПСС, группа первых секретарей горкомов, райкомов партии, секретарей парткомов крупных первичных партийных организаций, а также руководители министерств, центральных ведомств, творческих союзов и организаций, ученые, представители Вооруженных Сил СССР, средств массовой информации, шахтеры некоторых угольных бассейнов страны.

Материалы Пленума полностью опубликованы в газете «Правда» и в изложении в других средствах массовой информации.

КОРЕННОЙ ВОПРОС ОБНОВЛЕНИЯ ПАРТИИ — НЕОБХОДИМОСТЬ ОЧИСТИТЬСЯ ОТ ВСЕГО, ЧТО ЕЕ СВЯЗЫВАЛО С АВТОРИТАРНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ, КОТОРАЯ НАЛОЖИЛА ОТПЕЧАТОК НЕ ТОЛЬКО НА МЕТОДЫ РАБОТЫ, НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВНУТРИ ПАРТИИ, НО И НА ИДЕОЛОГИЮ, ОБРАЗ МЫШЛЕНИЯ, НА САМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛИЗМЕ. В ПЛАТФОРМЕ ГОВОРИТСЯ: **НАШ ИДЕАЛ — ЭТО ГУМАННЫЙ, ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ.**

Из доклада М. С. ГОРБАЧЕВА на Пленуме Центрального Комитета КПСС 5 февраля 1990 года

ТЕХНОЛОГИЯ

В этом номере мы собирались опубликовать статью Председателя ВЦСПС С. А. Шалаева — отклик на «Открытое письмо» председателя правления Московского союза кооперативов А. А. Федорова («Огонек» № 44, 1989). Однако руководитель ВЦСПС проявил нетерпение и поместил статью в своей газете «Труд» 23 января этого года. Поскольку тираж у «Труда» огромный, свыше 20 миллионов, то смысла перепечатывать этот материал мы не видим. Но предлагаем вам, уважаемые читатели, ознакомиться с мнением академика ВАСХНИЛ Тихонова — председателя Союза объединенных кооперативов СССР по поводу статьи С. А. Шалаева.

Я ознакомился с ответом С. А. Шалаева на «Открытое письмо» А. А. Федорова, опубликованное в «Огоньке» № 44,1989 г.

Должен сказать, что Степан Алексеевич не сумел ни ответить на оценки А. Федорова, ни опровергнуть его аргументированных доказательств по поводу измышлений некоторых профсоюзных лидеров.

Я не сомневаюсь в искренности Степана Алексеевича, но не могу признать истинности той позиции, которую он обосновывал и в докладе на VI пленуме ВЦСПС. и отстаивает в своем письме. Я не хочу останавливаться на цифрах, характеризующих работу московской кооперации, потому что на них детально остановился председатель правления Московского союза кооперативов т. Федоров.

Думаю, теперь уже настала пора разобраться с экономикой кооперативного сектора обстоятельно и серьезно с цифрами в руках. Для этого наша статистика обладает необходимыми материалами, чего ранее она не имела.

Так вот: если в 1988 году за весь год объем произведенной кооперативной продукции и услуг составил 6,1 млрд. рублей, то за девять месяцев 1989 года он вырос более чем в четыре раза. По моим расчетам, на конец 1989 года он составил не менее 33—34 млрд. рублей.

Какова структура тех 171 тысячи кооперативов, которые ныне действуют в стране? 32 800 кооперативов занимаются строительством, проектированием и изыскательскими работами в сфере производственного и жилищного строительства. 28,5 тысячи — производством потребительских товаров, 32 770 — бытовым обслуживанием населения. Торговой и торгово-закупочной деятельностью, которой очень недоволен Степан Алексеевич, занимаются всего лишь 7,7 тысячи, то есть 4,6 процента от общего их количества. И это очень печально, ибо розничная торговля в нашей хозяйственной жизни — одно из наиболее слабых мест.

Теперь о рабочей силе кооперативов. На конец 1988 года в кооперативах работало 1 миллион 396 тысяч человек, из них членов кооперативов — 898 тысяч и лиц, работающих по трудовым договорам,— 497 тысяч. На 1 октября 1989 года в кооперативном секторе экономики было занято уже 4,1 миллиона человек, из них привлеченных к работе по договорам — 1,4 миллиона, то есть 34 процента от общей численности. Значит, на двух кооператоров приходится один наемный. Степан Алексеевич приводит цифры иные. По его письму можно сделать вывод о том, что на одного члена кооператива приходится до 15 работающих по найму. И делает он из этого непреложный вывод: «На языке экономистов это называется извлечением сверхприбыли путем эксплуатации наемного труда». Такие выводы далеки от «языка экономистов», которые не позволяют на основании отдельного криминального факта выносить обвинение 4 миллионам кооператоров.

Теперь о заработках кооператоров.

Надо сказать, что при всем том уважении к профсоюзным функционерам, которое я всеми силами стараюсь в себе воспитывать, не могу не отметить, что слишком часто конкретные расчеты они подменяют собственными эмоциями. Основаны ли они на слухах или на чьих-то вымыслах, или на отдельных фактах из уголовной хроники, но в официальных заявлениях эмоции преобладают над трезвым расчетом и разумом. Вот и в данном случае помощники, готовившие материал для Степана Алексеевича, перестарались.

Из общей суммы выручки кооперативов (объем произведенной продукции и выполненных услуг) в 25,1 млрд. руб. на оплату труда в кооперативах было израсходовано за 9 месяцев прошлого года 10,8 млрд. рублей. Нетрудно подсчитать, что средний месячный заработок составляет в расчете на одного работника 293 рубля 30 копеек. Безусловно, что это на треть выше, чем в государственном секторе. Думаю, что это хорошо. Если бы над рабочими государственных предприятий не возвышалась огромная пирамида аппарата, да идущие в бюджет деньги не растрачивались бы на грандиозные и бесплодные проекты и стройки, да если бы государственные министерства умерили свои аппетиты, предоставив предприятиям хозяйственную самостоятельность, заработки государственных рабочих были бы не ниже. Надеюсь, что рано или поздно это произойдет. И хотелось бы, чтобы профсоюзы помогали государственным рабочим стать хозяевами своих производств и зарабатывать столько, сколько стоит их труд. А «сто́ит» он по крайней мере вдвое больше, чем то, что они сейчас получают.

С тем чтобы дать рабочим государственного сектора более обширную информацию, приведу уровень заработков кооператоров по некоторым отраслям. Общественное питание — 161 руб. 50 коп., торговля — 294 руб., заготовка

ЧТО ЗАЩИЩАЕТ ЛИДЕР СОВЕТСКИХ ПРОФСОЮЗОВ?

и переработка вторичного сырья — 378 руб. 16 коп., снабженческие кооперативы Госснаба СССР — 404 руб. 45 коп., кооперативы системы Минцветмета СССР — 426 руб., Миннефтепрома — 308 руб. 70 коп. и т. д. Цифры средние. Естественно, что они могут колебаться. но не в той степени, которую как обычное явление приводит Степан Алексеевич. Значит, очевидно, только эти отклонения можно рассматривать как исключение. Таких исключений немало, к сожалению, в любой сфере нашей общественной жизни. Например, я подсчитал по материалам Госкомстата СССР, что общая сумма приписок несуществующего хлопка за 10 лет составила около 9 миллионов тонн. В переводе на деньги это означает не менее шести с половиной миллиардов рублей. Вот где неисчерпаемый источник для финансовых махинаций, воровства, коррупции, взяточничества, которые процветали в Узбекистане во времена Рашидова. Именно из этих фантастических сумм «прилипло» (как доказано судом) к рукам Усманходжаева более 50 тысяч рублей. Каримова — свыше 100 тысяч рублей. Даже мелкая на их фоне пешка Чурбанов сумел урвать 90 тысяч рублей. И это только то, что удалось доказать во время судебного разбирательства. Если следовать логике Степана Алексеевича, то следовало мздоимство этих лидеров распространить на те общественные организации, которые они возглавляли. А цифры, как видите, более чем впечатляющие.

Кто спорит, что в кооперации воровства не меньше, чем в других общественных сферах. Эти болезни надо лечить всеми способами и методами, которые имеются в распоряжении общества. Но нельзя по отдельным фактам криминала давать общую оценку и пропагандировать ее среди неинформированных людей, вызывая удивление, возмущение и озлобление на всю систему кооперативного производства.

Надо сказать, что Степан Алексеевич неоднократно оговаривается, что он, мол, с уважением относится к кооперации вообще. Но это слова. Общий же тон и перечисление реальных и придуманных преступлений кооператоров и кооперативов перекрывают силою воздействия эти слова.

Теперь по поводу оплаты в кооперативах лиц, работающих по трудовым договорам. Здесь Степан Алексеевич снова приводит фантастические цифры. А вот о чем говорит статистика.

Возьмем кооперативы, производящие потребительские товары. На 1.10.89 года в них работало 657,9 тысячи человек, в том числе 212 тысяч совместителей. Членов кооперативов насчитывалось 357,7, а наемных рабочих — 282,2 тысячи человек.

Объем произведенной продукции за девять месяцев составил 4,5 миллиарда рублей, а общий фонд оплаты труда — 1,7 миллиарда. Из них выплачено постоянным работникам 1,3 миллиарда рублей, а совместителям — 400 миллионов.

Среднемесячный заработок постоянно работающего члена кооператива составил 352,2, а наемного рабочего — 307,7 рубля. Разница, как видите, не превышает 14 процентов. Где же это хваленое «извлечение сверхприбыли путем эксплуатации наемного труда»?

Можно, конечно, понять стремление Степана Алексеевича защитить этих «бедолаг». Но приведем другие цифры: в государственной легкой промышленности среднемесячный заработок составляет 194 рубля 80 копеек. В том числе в швейной — 177,3, в текстильной — 205,9, в кожевенной и обувной — 212,7 рубля. Совместители, работающие в кооперации, получают в среднем за месяц 211,2 рубля. В том числе кооператоры — 224,0, а наемные — 192 рубля 20 копеек.

Так вот и возникает вопрос: почему я ни разу не слышал требований профсоюзов повысить заработную плату рабочим геспромышленности хотя бы до уровня кооператоров? Это возможно, заявляю об этом как профессионал. Это необходимо, ибо даже и Степан Алексеевич знает, что на 200 рублей, из которых налоговыми платежами вычитается не менее 14 процентов, современный рабочий прокормить свою семью не сможет. Именно поэтому наиболее квалифицированные идут в кооперативы работать по совместительству или вообще переходят в них на постоянную работу. Профсоюзы же вместе с госведомствами требуют прикрыть эти кооперативы или снизить их заработки до нищенского уровня работников госпромышленности для того, чтобы перекрыть рабочим возможности получения дополнительного заработка. Хороша «защита трудящихся»!

Теперь приоткрою секрет тех цифр, которые приводит Степан Алексеевич. Вот уже полгода, как наше правительство стремится запретить выход наличных денег из Госбанка. Применяют разные способы. Вот и снова повторяется то, что уже было,— распоряжение Госплана выдавать кооперативам наличные деньги только на заработную плату и на закупку сельхозпродуктов у населения. А кооператив не может без наличных денег, ибо от централизованного снабжения производственными ресурсами его отлучили. Помещения ему сдают в аренду только за наличные деньги. Райисполкомы, директора и председатели колхозов при заключении договоров также стремятся получить плату наличными. Сегодня, говорят, на денежном рынке за один наличный рубль дают до пяти безналичных. Председатели с бухгалтерами и кооперативы, стремясь получить свои собственные доходы наличными, сознательно завышают зарплату, записывая на себя фантастические суммы. Были уже не раз такие факты обнародованы. Но, очевидно, до Степана Алексеевича они не дошли. Я, конечно, не оправдываю никакую нелегальщину. Но я полагаю, что не стоит играть теперь с кооперативами в такие финансовые игры, которые выступают как завуалированная форма их уничтожения. Пора уже понять, что объем производства в 30 миллиардов рублей — это вполне приличная часть народной экономики. И уверен: будет кооперативный сектор и дальше развиваться. А грубые его ограничения лишь приведут к расширению криминогенной сферы в государственном секторе. Такие примеры тоже не раз были обнародованы.

Степан Алексеевич продолжает веровать в миф, начало которому в сфере профсоюзов положил председатель МГСПС В. П. Щербаков. Что-де кооперативы забирают из банка деньги, а обратно их не сдают. Несведущему человеку после таких слов чудится крупномасштабное воровство. Чьи это деньги? Если их кооперативы заработали и перечислили в банк, то в чем здесь криминал? Если эти деньги принадлежат не кооперативам, а кому-то другому, то куда же смотрят и как же могут мириться с такими крупными хищениями правоохранительные органы. Вот так ведь на недомолвках, на недоразумениях, на недоинформированности и создаются массовые стихийные волнения и возмущения. Кому бы и для чего бы это надо?

Странно, но как будто бы никому и невдомек, что из банка люди берут свои деньги для того, чтобы их расходовать, в том числе в розничной торговой сети. Разве не смущает Степана Алексеевича такой факт: за 9 месяцев прошлого года все государственные предприятия и учреждения, за исключением розничной торговли и общепита города Москвы, выбрали из банка для выплаты заработной платы около 10 миллиардов рублей. Наличными. И не внесли в банк наличными дензнаками ни рубля!

Почему же это не ставится им в вину? Да потому, что деньги эти перекачиваются в розничную торговлю, предприятия общественного питания, в коммунальные и иные платежи, во вклады на счета сбербанка и по многим прочим каналам возвращаются в Госбанк.

Деньги, уважаемый Степан Алексеевич, не следует фетишизировать. Как говорил один умный экономист, деньги — это просто чеки, которые человек берет в банке только для того, чтобы тут же немедленно обменять их на нужные ему потребительские товары. Если, конечно, таковые имеются в государственной либо кооперативной розничной торговле. И кооператоры — точно такие же люди, как и рабочие государственных предприятий. «Святым духом» они не насыщаются и в кубышку откладывают только то, что не могут обменять на товары. Их ли это вина? Между прочим, заметили, вероятно, что с подобными обвинениями кооператоров в ограблении государственного банка не выступал публично ни один серьезный работник экономических учреждений, ни один ученый, ни один финансист, а только профсоюзные, партийные и советские активисты. Смешно, ежели не было бы грустно по поводу уровня познаний в области политэкономии.

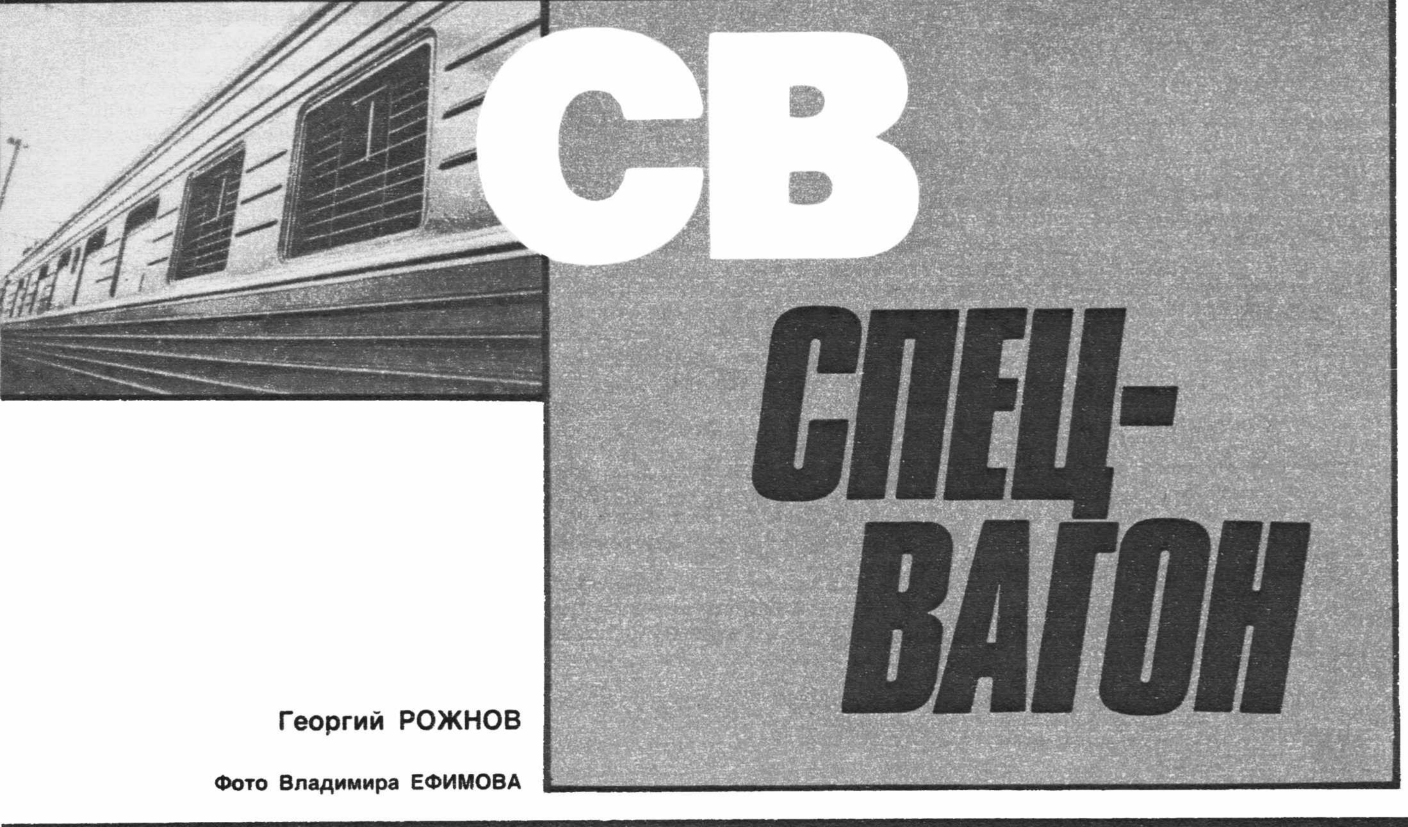
Хотел бы дать на этот счет и более широкую статистику по стране. Кооперативы страны, производящие потребительские товары, за девять месяцев прошлого года сняли со счетов в банке наличными деньгами около двух с половиной миллиардов рублей. Продали товаров на сумму 4,5 миллиарда рублей. В том числе через государственную розничную сеть и магазины потребительской кооперации продано товаров на сумму 3,4 миллиарда рублей. Куда перечислены эти наличные деньги магазинами? В Госбанк. Чьи это деньги? Кооперативов. Имеют они право брать их в банке со своих счетов? Кроме того, непосредственно населению было продано товаров на сумму 1,1 миллиарда рублей. Из них почти полмиллиарда сдали наличными в банк. Далее, те же кооперативы затратили на приобретение сырья и материалов 1,5 миллиарда рублей, в том числе приобрели товаров в розничной государственной и кооперативной торговле за наличный расчет на сумму 0,5 миллиарда рублей. Куда далее ушли эти деньги? В Госбанк СССР. На оплату труда своих работников кооперативы затратили 1,7 миллиарда рублей. Куда направились эти деньги? Через розничную торговлю, коммунальные платежи, сберкассы — снова в банк.

Таким образом, в банк поступило через розничные магазины 3,9 миллиарда, от кооперативов непосредственно — 0,5 миллиарда. Всего — 4,4 миллиарда рублей. Да, кроме того, взятые для оплаты труда наличные деньги ушли на оплату товаров в розничной торговой сети, частично в сбербанк, частично на оплату сырья и материалов, приобретаемых децентрализованно. Так или иначе преобладающая часть денежных знаков возвращается в кассы банка. Конечно, какая-то часть оседает неизрасходованная. Только кооперативы ли в этом повинны? А может быть, госпромышленность, не дающая нужных товаров населению, в том числе и кооператорам? А может быть, и колхозно-совхозное сельское хозяйство?

И еще один момент из области статистики. Общая сумма денежных доходов населения составляет ныне свыше 400 миллиардов рублей. В том числе сумма денежных доходов кооператоров — 10,7 миллиарда, т. е. 2,6 процента! Кто-нибудь всерьез может поверить, что при таком соотношении главный рассадник инфляции в стране — кооперативы? Одумайтесь!

И, наконец, самое последнее. Приведу для сведения, что представляет собой сегодняшний «средний» кооператор. На восемьдесят процентов — это специалист с высшим и средним образованием. Это, как правило, рабочий, уровень квалификации которого значительно выше, чем в среднем по государственной промышленности. Это человек, которого в кооперации главным образом привлекает возможность свободно, без понуканий трудиться столько, сколько он хочет. Среди тех ценностей, которые его привлекают в кооперации, возможность хорошо зарабатывать стоит только на третьем-четвертом месте. Очень бы хотелось поскорее распространить на государственную промышленность те условия, которыми ныне обладают кооператоры. И очень бы хотелось, чтобы профсоюзы действительно всерьез поставили перед собой такую задачу и не словами, а действиями добивались ее осуществления.

В. А. ТИХОНОВ,
председатель Союза объединенных кооперативов СССР.

СВ спец-вагон

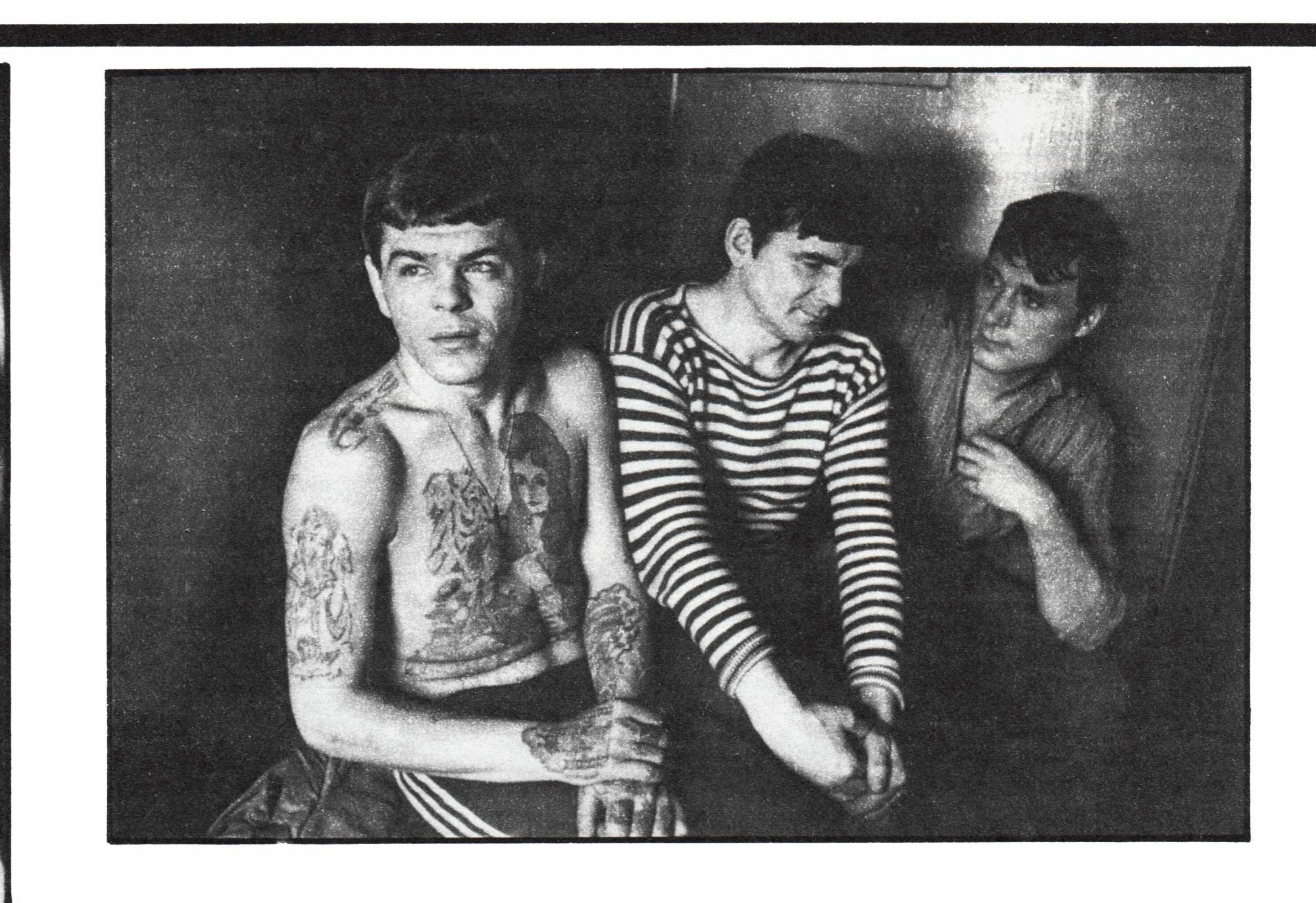
Георгий РОЖНОВ

Фото Владимира ЕФИМОВА

Вагоны эти в железнодорожных расписаниях не значатся, нет на них ни номеров, ни табличек с указанием маршрутов.

Это спецвагоны Управления спецперевозок МВД СССР для спецконтингента. Как ни темнят, думаю, все поняли, какое ведомство кого и на чем возит. Каждый день с каждой узловой станции спецвагоны отправляются в путь с обычными пассажирскими или скорыми поездами.

Как только их не называли — и просто тюремными, и вагон-заками, и на лагерном жаргоне «столыпинами», и вот сегодня — спец, но пассажиры и при царском, и при сталинском самодержавии, и при развитом социализме, и при перестройке одни и те же: конвой и преступники. Им бы, как принято говорить, сидеть, а они ездят. Почему? Понятно, когда после вступления приговора в законную силу осужденного везут в колонию отбывать срок. А там чего не сидится? Поводов к поездкам сколько угодно. Исполнилось «малолетке» восемнадцать — переезжает во «взрослую» зону. Понадобился человек как свидетель на очную ставку или на заседание суда по дру-

гому делу да в другом городе — с вещами на выход. Не потрафил гражданин осужденный гражданину начальнику — марш еще по одному приговору на особый или на тюремный режим. А вот еще, всех касается — вы мотаете срок, скажем, в Молдавии или в Грузии, а мы вас — в Коми, на лесоповал.

Возить — не перевозить.

Вагоны с решетками грохочут по нашей стране почти столько, сколько существуют железные дороги. То тише, то громче. В проклятое царское время злодеям подавали захудалые пассажирские вагоны 4-го класса, забрав их окна узорчатым железом. Когда художник Ярошенко в те годы написал картину «Всюду жизнь», зрители возле нее рыдали: им было жутко глядеть, как несчастные узники простирали на волю руки и кормили птиц.

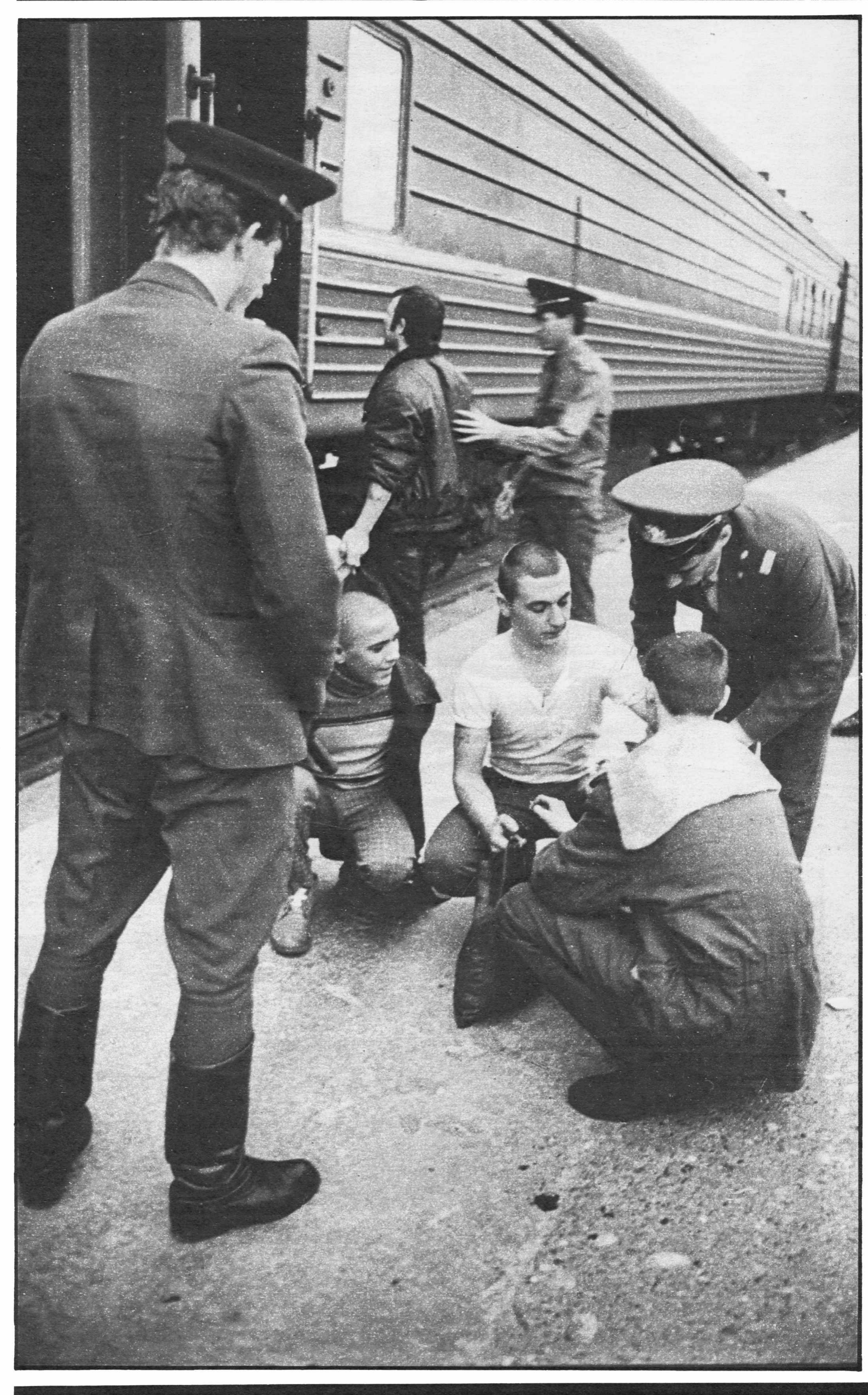
От таких душевных мук заточенных пассажиров избавила новая власть. Умельцы раннего ГУЛАГа специально для зеков соорудили первый в мире вагон-зак. Явное его новаторство — полная изоляция перевозимых врагов народа от окружающего мира. Окна со стороны камер были революционно изничтожены раз и навсегда, а со стороны коридора стекла ставили матовые, глухие. Тут уж не до птичек.

Во времена, когда срока огромные брели в этапы длинные, вагон-заками не обошлись, потребовались эшелоны. И тоже новаторство: один телячий вагон — одна большая камера. Двери на засов, на площадках — конвой с пулеметами. Такие поезда называли особыми, шли они вне расписаний, всегда на зеленый — наркомпуть Каганович не мог оплошать перед наркомвнуделом Берия.

Сколько рабских эшелонов промчалось в годы сталинщины, насыщая прожорливый ГУЛАГ человеческим материалом,— узнать бы! Уверен: загляни мы в железнодорожные архивы тех окаянных лет, только по движению рельсовых тюрем точнее знали бы, как раскручивался маховик репрессий. Сколько, откуда, с какой частотой прошло в конце двадцатых — начале тридцатых годов составов с крестьянами? Вот и получим близкую к точной цифру раскулаченных. А если бы сосчитали такие же поезда с чеченцами, ингушами, крымскими татарами, немцами Поволжья, прибалтами, западными украинцами, молдаванами?..

Этапы большого пути...

Сегодняшние спецвагоны не так мозолят нам глаза, не так саднят сердце, взгляд незнающего человека равнодушно скользнет по ним — то ли багажные, то ли почтовые. Тот же, кому впервые в жизни выпадет ехать в спецвагоне под конвоем, поначалу тоже не поймет, что ему предстоит испытать в ближайший час, а тем более в день и тем более в ночь предстоящего пути. Сразу же после входа он увидит обычные купе начальника караула, двух его помощников и четырех солдат-часовых. Дальше — пищеблок, мимо которого есть резон пройти быстрее: горячие блюда только для охраны. Спецконтингент обойдется селедкой, буханкой или поменьше хлеба и, если повезет, рыбными консервами подешевле. Более серьезное потрясение для новичка — количество пассажиров в камере-купе. Еще недавно, на воле, он маялся от неудобства своей плацкарты, от тесноты, несвежего, мятого белья, клял проводников за плохую вентиляцию, редкий жидкий чай, пыль и грязь кругом — как же он теперь наказан за свою привередливость! Уже десяток его товарищей по несчастью жмутся друг к другу в крошечном пространстве камеры, а сержант все упихивает новых. Редко когда в одном купе едут меньше пятнадцати человек. Как? Очень

просто. Во-первых, на одной полке могут улечься двое, во-вторых, для этой же цели служат и места, которые мы привыкли называть багажными, в-третьих, поперек купе лежит еще одна полка — я же говорил выше, что созданный в ГУЛАГе вагон-зак был рассчитан именно на перевозку разного там вражеского отребья, количество которого, как известно, увеличивается по мере обострения классовой борьбы, и потому небывалая вместимость тюрьмы на колесах была предусмотрена изначально. Спецвагон полностью унаследовал эту особенность своего предтечи, он набит битком.

Но если к тесноте можно постепенно привыкнуть и с ней смириться, то очередные незадачи переносятся куда мучительнее. После съеденной всухомятку селедки через час-другой хочется пить, и десятки страждущих начинают канючить воды. Конвой, который сегодня называется караулом, подать кружку не спешит. И вовсе не потому, что так жестокосерд. А потому, что, едва справившись с водопоем, солдаты должны будут водить людей в туалет. Каждого — поодиночке. Один часовой впереди — кобура с пистолетом мигом переброшена на живот, другой сзади — пистолет на спине, пошли, не оглядываться, руки назад. Быстрее, водить вас не переводить. Скажите положа руку на сердце: разве враг начальник караула своим солдатам, чтобы заставлять их часто и воду разносить, и по коридору с бандитами шастать туда-сюда? Чем реже, тем себе спокойнее. Мало, что ли, случалось в спецвагонах неповиновений, дерзких выходок, а то и нападений на солдат — публика-то отпетая. Но чаще всего даже «отрицаловка» старается с караулом не ссориться — только от прапорщика или от офицера зависит хрупкое благополучие сидящих за прозрачными решетками зеков. Будет над ними начальником пусть строгий, но понимающий службу человек — еще терпимо, еще «ништяк». А если дуролом, да еще ленивый? Тогда хоть сутки не откроется решетка, отделяющая караул от режимного коридора, кричи — не докричишься. В следственном изоляторе, в тюрьме или в колонии в гуманные нынешние времена ущемленный в чем-то осужденный может по крайней мере пожаловаться на обидчика начальнику или его заместителям, добиться даже встречи с прокурором, но только не в спецвагоне! Пока не доехали до конечной станции и не добрались до пересылки, нет над десятками людей высшей власти, чем власть начальника караула и его часовых. Нередко, правда, один-два перегона в спецвагоне прокатятся офицеры с большими звездами на погонах, но что они увидят, что услышат за час-другой? Можно быть уверенным — жалоб на караул не поступит, себе дороже. Да и солдаты чаще не так глупы, чтобы заниматься на службе отсебятиной — запрессовать зарешеченную публику можно на вполне законных основаниях. Ну, например, надо выждать, покуда народ, чертыхаясь и стеная, уснет и примерно через часок врубить в камерах полный свет, распахнуть решетку и приступить к полному обыску. Зачем так вдруг? А затем, чтобы путешествующие граждане не разнежились под стук колес, не отоспались всласть и не накопили силенок для какой-нибудь пакости. Чтобы одна только мысль шевелилась в зловредных их головах — соснуть хоть немного, забыться в беспамятстве.

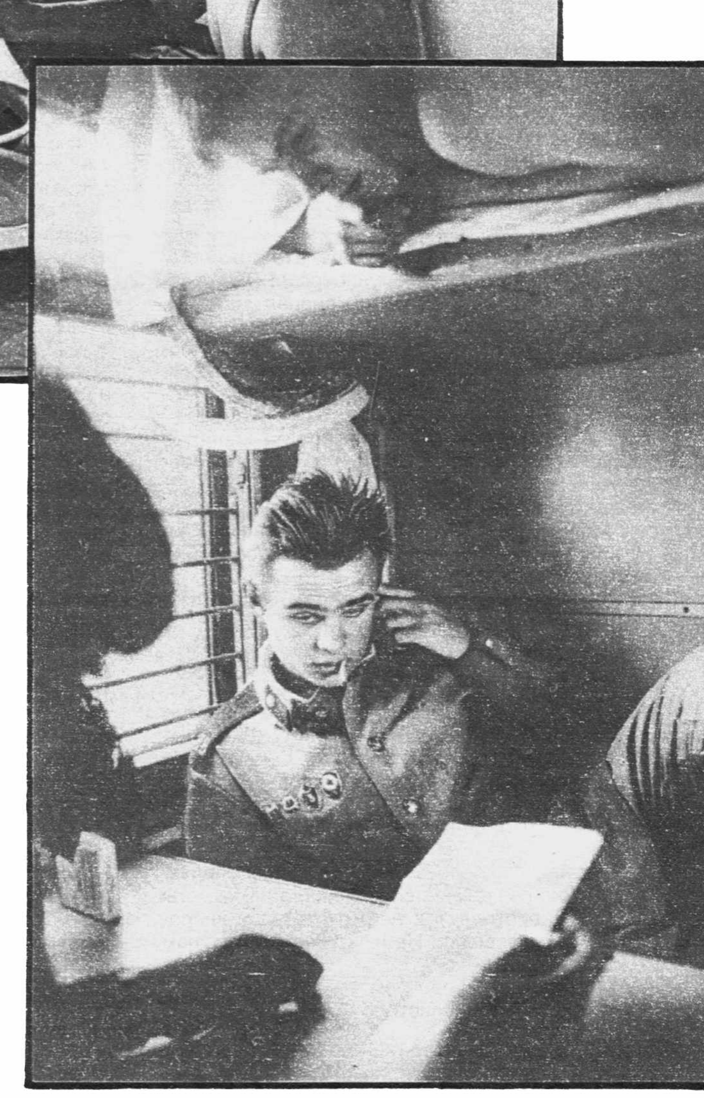
Если кому-то покажется, что я чересчур уж жалею преступников, давайте вместе с вами пожалеем солдат караула. Это наши с вами дети, волей призывной комиссии военкомата зачисленные во внутренние войска, притом в ту их часть, которая занимается конвоированием осужденных. А теперь вообразим, что чувствует восемнадцатилетний мальчишка, которому дали в руки не только автомат, но и реальную власть над людьми. Сколько же за два года службы насмотрится он человеческой низости, жестокости, сколько услышит в свой адрес матюгов и угроз! И не дико ли приказывать такому пацану держать людей на мушке, смотреть за ними в глазок уборной, ощупывать во время обыска? А если придется даже в полном соответствии с законом лупцевать человека резиновой дубинкой? Или, не дай Бог, в человека стрелять?

Да, не скрываю, я и этот разговор хочу использовать, чтобы еще раз отстоять предложение, которое не только у меня на языке: безнравственно, преступно, глупо называть конвойную службу армейской, вдалбливать парням, что, сторожа преступников, они выполняют свой конституционный долг по защите Отечества. Если уж наша военная элита так упрямо сопротивляется созданию профессиональных Вооруженных Сил, то, может быть, мы наскребем деньжат для найма добровольцев во внутренние войска, которые, кстати говоря, из состава этих Вооруженных Сил уже выведены? И если легче начинать с малого, согласен и на это,— давайте попросим командование ВВ заменить профессионалами хотя бы караулы спецвагонов. Да, прежде всего именно их: общение вооруженных мальчишек с уголовниками не щадит ни тех, ни других. От рейса к рейсу парни ожесточаются, дичают от одуряющего однообразия, и замкнутого пространства, и от постылой службы. Мало нам уже хорошо известного случая с рядовым ВВ Сакалаускасом, именно в спецвагоне доведенным до безумия и расстрелявшим весь состав караула?

Если перед солдатами конвоя я и высветил хоть какую-то отрадную перспективу, то их попутчики в черных робах еще долго будут ездить так, как во времена железных сталинских наркомов. Пока длится наш извечный вагонный дефицит, пока и вольные наши сограждане долгими сутками ездят в переполненных, скрипящих, холодных и голодных поездах, безнадежно и глупо требовать удобств для путешествующих не по своей воле.

Боже вас упаси стать пассажиром спецвагона!

КАЗИНО

Джеймс Хэдли ЧЕЙЗ

Роман

Том Уайтсайд тщетно пытался продать пожилому господину спортивный «бьюик»-универсал. Они стояли в демонстрационном зале «Дженерал моторз», окруженные автомобилями, и Том уговаривал его:

— Взгляните, мистер Уэйн, более подходящей модели вам не найти. Смотрите, какая она вместительная. При вашей большой семье это именно то, что нужно.

— Ладно, мистер Уайтсайд, спасибо за хлопоты. Я подумаю.— Они пожали друг другу руки.— Посоветуюсь с женой.

Том посмотрел ему вслед и в сердцах чертыхнулся. «Вот так всегда,— подумал он.— Поймаешь клиента на крючок, ведешь его, ведешь, а в последний момент он срывается».

Его окликнула управляющая делами мисс Слэттери:

— Тебя к телефону, Том... жена.

Том встревожился. Неужели что-нибудь случилось?

— Я возьму трубку у себя в кабинете,— ответил он и поспешил в свою каморку.— Алло? Шила?

— Молчи и слушай,— сказала Шила. Она звонила по телефону-автомату. Без лишних слов она выложила все про Мейски.

— Он знает, что деньги у нас? Надо сообщить в полицию!

— Сейчас ничего сделать нельзя... Мы же спрятали деньги? Значит, стали сообщниками. Том... ты можешь купить пистолет? У него пистолет с кислотой. Я ему не доверяю. Не исключено, что нам придется убить его.

— Ты спятила! Убить? О чем ты говоришь?

— Можешь ты купить пистолет?

— Нет! Не могу!

— Никчемная размазня! Ладно, приходи как можно скорей.— И она повесила трубку.

— Шила! — Том постучал по рычажку и тоже бросил трубку.

У него дрожали руки, учащенно билось сердце. Раздался сигнал селекторной связи. Помешкав мгновение, он заставил себя успокоиться и щелкнул тумблером.

— Том, здесь мистер Кейн. Он ждет свой «кадиллак»,— сказала мисс Слэттери.

— Иду,— ответил Том.

Шила вышла из магазина самообслуживания с фирменной бело-голубой пластиковой сумкой, в которой лежали кусок мяса, пачка замороженного картофеля, пакет сандвичей с говядиной и пачка мороженого. Она свернула в переулок и замедлила шаг. Перед нею — магазин Джейкобса. Она бывала несколько раз у Джейкобса, когда пришлось заложить запонки Тома и золотой браслет, что он подарил ей на свадьбу. Она толкнула дверь и вошла в магазин.

Из задней комнаты появился маленький человечек в ермолке.

— Очень рад вас видеть, миссис Уайтсайд,— радушно улыбнулся он. А про себя думал: «Ну и везунчик этот Уайтсайд! Каждую ночь он делит постель с такой красавицей. Чтоб я так жил!»

— Мистер Джейкобс, я тут собралась в путешествие,— заворковала Шила.— Том считает, что мне нужен пистолет. Я еду на машине... одна. У вас можно купить пистолет?

Джейкобс опешил. Молчание затянулось, и Шила резко спросила:

— Так можно или нельзя?

— Да, миссис Уайтсайд. Если не трудно, выйдем в другое помещение... Вы же понимаете? Приходится соблюдать осторожность.

Она прошла за ним в тускло освещенную комнату.

— Одну минутку, пожалуйста.

Джейкобс скрылся в следующей комнате, и она услыхала, как он роется в вещах и что-то приговаривает. Наконец он вернулся и принес маленький пистолет.

— А вы умеете обращаться с оружием, миссис Уайтсайд?

— Нет.

— Естественно. Так я вам объясню. Вот это предохранитель. Откидываете его назад... вот так. Будьте осторожны: у него легкий спуск.— Он тронул курок, и послышался резкий щелчок.— Двести долларов, миссис Уайтсайд, включая десять патронов.

Она взяла пистолет, примерилась к нему и нажала на спуск. Раздался тот же резкий щелчок. «Совсем не трудно»,— подумала она.

— Пожалуйста, зарядите.

Он поглядел на нее с тревогой и удивлением.

— Я покажу, как это делается. А пистолет пусть будет незаряженным — так спокойнее.

— Тогда какой от него прок? Зарядите!

Он вогнал обойму в пистолет, поставил его на предохранитель.

— Умоляю, будьте осторожны... — Он помолчал, бросил на нее лукавый взгляд.— Миссис Уайтсайд, вы не покупали у меня этого пистолета. Понимаете? Я не имею права торговать оружием.

— Да, понимаю.— Она убрала в сумочку пистолет и четыре запасных патрона. Потом протянула ему одну из пятисотенных.

При виде пятисотенной у Джейкобса поползли вверх брови. Она следила за ним, внутренне сжавшись и не без страха.

— Сейчас дам сдачу. Стало быть, у мистера Уайтсайда дела пошли на лад... очень рад за него.

— Он недавно продал три машины. Давно пора...

— Ай, со временем все образуется. Надо только приложить труд... Просто одним везет больше, другим — меньше.— Он протянул ей три сотни.— Вы должны оформить разрешение на пистолет.

— Я знаю... оформлю. Спасибо, мистер Джейкобс.

Выйдя из магазина, Шила задумалась. Затем поспешила в гостиницу «Плаза» и прошмыгнула в дамскую уборную. Достала из сумочки пистолет и, задрав юбку, сунула его за пояс. Ее передернуло от холодного прикосновения стали. Потом вынула из сумочки запасные патроны, подняла крышку бачка и бросила их в воду.

Идя по улице, Шила почувствовала, как пистолет натирает ей живот. В конце улицы была стоянка такси. Она направилась туда, но напротив находился ювелирный магазин Эштона, который так манил ее золотыми часиками. Некоторое время она колебалась, но в конце концов соблазн взял верх.

— Доброе утро, мадам.— За прилавком стоял высокий, пожилой, подчеркнуто вежливый мужчина.— В прошлом году ваш муж продал мне машину. Как он поживает? — Шила растерянно уставилась на него, а он улыбнулся.— Меня зовут Хэролд Маршалл, миссис Уйатсайд. Возможно, вы слышали от мужа мое имя.

«Вот деревня,— подумала Шила.— Живем, как сельди в бочке!» Она одарила его ослепительной улыбкой.

— Да, конечно. Мистер Маршалл, на следующей неделе у нас годовщина свадьбы. Муж хочет подарить мне золотые часики... те, что в витрине.

— О да... это наша лучшая модель. Давайте примерим, миссис Уайтсайд.

У нее захватило дух от прикосновения золотого браслета. Как долго она мечтала об этих часах... и вот они на руке!

— Я беру их.

Его несколько удивила такая решительность. А кругом поговаривали, что Уайтсайды не вылезают из долгов.

— Вы не могли сделать более удачного выбора, миссис Уайтсайд. Завод у них автоматический. У вас не будет с ними хлопот, а если станут немного спешить, то приносите. Мы их подрегулируем.

— Не сомневаюсь.— Она помолчала, любуясь часами, потом, заметив, что он слегка занервничал, спросила: — Сколько они стоят?

Он вздохнул с облегчением.

— Сто восемьдесят долларов.

«Да,— подумала она,— здорово я сорю деньжатами. А почему бы и нет, если у меня два с половиной миллиона?» Однако, протягивая Маршаллу вторую пятисотенную, она вспомнила про злого гнома, который поджидал ее в бунгало.

Тут она обратила внимание на то, что Маршалл с недоверием разглядывает купюру.

— Муж сорвал банк в Казино,— выпалила она.— Выиграл первый раз в жизни. Есть все-таки удача! Целых две тысячи!

Маршалл улыбнулся.

— Да, повезло. Знаете, миссис Уайтсайд, я ни разу не выигрывал ни единого доллара, хотя, признаться, пробовал часто. Очень рад слышать, что мистер Уайтсайд оказался таким удачливым.

Когда она ушла, Маршалл взял в руки пятисотдолларовый банкнот и сдвинул брови. Он припомнил распоряжение, поступившее недавно от начальника полиции. «Пустая трата времени»,— решил он, однако прежде чем положить банкнот в кассу, он записал на его оборотной стороне фамилию и адрес Шилы.

Было без двадцати три. Все это время Том Уайтсайд просидел за своим рабочим столом, думая о разговоре с Шилой. Нервы у него были на пределе.

Окончание, см. «Огонек» №№ 1–6.

Внезапно ему пришло в голову, что он должен ехать домой и выяснить, в чем, собственно, дело. Обтерев потные ладони, он встал и вышел в демонстрационный зал.

Главный продавец Питер Кейн беседовал с клиентом. Сквозь стеклянную стену кабинета Локинга Том видел, как тот говорит с кем-то по телефону. Он застыл в нерешительности, потом, когда Локинг повесил трубку, робко приблизился к двери, постучал и вошел в кабинет.

При виде его Локинг нахмурился.

— В чем дело, Том? Я занят.

Смертельно бледный, с испариной на лбу, Том промолвил:

— Мне нужно домой, мистер Локинг... я что-то съел. Очень плохо себя чувствую...

Через четверть часа, задыхаясь от волнения, вконец перепуганный, он загнал машину в гараж и запер за собой ворота. Войдя в кухню, он услышал, что включен телевизор. Азартный комментатор взахлеб рассказывал о поединке борцов.

Том замер. Что за чертовщина? Как только он шагнул в коридор, из спальни его тихонько окликнула Шила.

— Закрой дверь. Он там,— ответила Шила.— Помешан на телевизоре.

— Кто он?

Она в изнеможении закатила глаза.

— Тот, кого разыскивает полиция... пятый грабитель!

— Он в самом деле здесь? Я думал, у тебя помутилось в голове! — Том онемел от ужаса.

— Почему ты такой тупой? Ведь я сказала... он нашел наш адрес. И намерен жить здесь, пока не уляжется шум.

— Здесь ему нельзя! — вскинулся Том.— Я сообщу в полицию.

— Это ни к чему, мистер Уайтсайд,— мягко вмешался Мейски. Он так тихо отворил дверь спальни, что они даже не заметили.

Том резко развернулся.

Мейски смотрел на него с улыбкой. Он снял белый парик и имел довольно безобидный вид в своем пасторском облачении, если бы не серые змеиные глазки, заглянув в которые Том содрогнулся.

— Я не понимаю, какие у вас причины для беспокойства, мистер Уайтсайд,— продолжал Мейски.— Денег хватит на всех. Пойдемте и обсудим это спокойно.— Он повернулся, прошел по коридору в гостиную, выключил телевизор и сел в кресло.

Том с Шилой сели на стулья поодаль от него.

— Так вот... о деньгах,— проговорил Мейски, сложив ладони домиком.— Мне вполне достаточно полутора миллионов. Вам остается миллион, все же план задуман и осуществлен мною. Мне придется пожить здесь несколько недель, но вы получите хорошую плату за постой. Вас устраивают такие условия?

Шила, видя нерешительность Тома, ответила:

— Да... устраивают.

Она подумала о припрятанном пистолете. Когда ему настанет пора уезжать, он получит все сполна!

Том обернулся к ней.

— Нельзя соглашаться! — вскричал он.— Мы не возьмем ни единого доллара! Нас могут посадить на двадцать лет! С меня хватит!

— Да заткнись ты, тряпка! — заорала на него Шила.

Мейски ухмыльнулся.

— А еще называют женщин слабым полом,— заметил он.— Итак, моя милая, договорились?

— У вас что, уши заложило? — злобно бросила Шила.

Мейски улыбнулся, поблескивая глазками. «А она опасна,— подумал он,— и алчная. Она воображает, что получит что-то! Однако с ней нужно держать ухо востро».

— Прекрасно. Раз мы обо всем условились, я, пожалуй, досмотрю борьбу. Это забавное зрелище.— Он встал и включил телевизор.— Замечательное изобретение, мистер Уайтсайд. С ним быстро летит время...

— Кофе не осталось, шеф? — спросил Беглер, прикуривая новую сигарету от догорающего бычка.

— Есть глоток,— ответил Террелл и придвинул к нему пакет.— Ты слишком много куришь, Джо.

— Точно.— Беглер налил себе кофе.— Я всегда этим страдал.— Он выпил кофе и взял в руки толстую пачку отпечатанных на машинке донесений.— Тут скоро не разберешься.

— Читай, читай,— отозвался Террелл.— У нас уже появились кое-какие зацепки. Мы знаем, где он нанял грузовик, и хозяин грузовика отлично запомнил его. Когда мы его схватим, ему не отвертеться.

— Мы еще не схватили...— Беглер умолк на полуслове и жадно впился глазами в список.— Эй,

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

шеф! Глядите! — Он передал Терреллу одну страницу, отчеркнув ногтем нужное место.

Террелл прочитал: «Франклин Людович, Мон-Репо, Песчаная аллея, Парадиз-Сити. Лиц. № Р. С. 6678».

— Чье донесение?

— Фреда О'Тула.

— Вызвать его!

Спустя двадцать минут в кабинет Террелла явился патрульный Фред О'Тул. Он был не в форме и, видно, наспех влез в джинсы и напялил летнюю рубаху.

— Проходите, Фред,— сказал Террелл, указывая на стул.— Извините... вы, наверное, уже бросили кости на диван.

— Ничего, сэр,— ответил О'Тул.

— Садитесь,— произнес Террелл.

О'Тул робко присел на край стула.

— Фред... этот двухдверный «бьюик». Владелец — Франклин Людович,— начал Террелл.— Что вы можете сказать о нем?

— Проследовал через пост, как указано в донесении, сэр. За рулем сидел Том Уайтсайд, торговый агент «Дженерал моторз».

— Сын доктора Уайтсайда?

— Так точно, сэр. Он сказал, что у него случилась поломка, и он одолжил машину у клиента.

Террелл с Беглером переглянулись.

— Вы осмотрели машину, Фред?

— На въезде в город нет, сэр. Ведь мы проверяли только выезжающие машины, но часа через два он вернулся. Сказал, что возвращает машину. Тогда я проверил ее. Все чисто.

— Он был один?

— С женой.

После ухода О'Тула Террелл встал из-за стола. Беглер уже вкладывал свой револьвер в кобуру. Потом он позвонил Тэннеру и велел передать Джейкоби и Лепски, чтобы те немедленно вышли на автостоянку.

Он отправился следом за Терреллом на стоянку. Едва сели в полицейскую машину, как по наклонному въезду сбежали Лепски и Джейкоби. Они нырнули на заднее сиденье, и Беглер тронул машину с места.

Террелл ввел их в курс дела.

— Вы вдвоем прикроете нас, Лепски, обеспечите тыл. Глядите в оба! Всякое может случиться. Действовать будем по обстановке.

Через десять минут машина остановилась у бунгало Уайтсайдов.

Террелл и Беглер прошли по дорожке к дому и позвонили.

Глава 9

Том Уайтсайд только что смел землю с садовой дорожки, как вдруг из-за дома показался детектив второго класса Лепски. Он сразу узнал Лепски. Тот был приметной личностью в Парадиз-Сити. При его появлении у Тома екнуло сердце.

Мейски из окна гостиной видел, как подъехала полицейская машина и Террелл с Беглером направились к дому.

— Полиция,— сообщил он Шиле ровным голосом.— Только без паники. Если вы не наделаете глупостей, все обойдется.

Его спокойный, уверенный тон подавил в Шиле испуг.

Когда раздался звонок, Мейски так же спокойно сказал:

— Откройте. Держитесь легко и непринужденно.

А сам, поглядевшись мимоходом в зеркало над каминной доской, дабы убедиться, что парик не съехал на бок, уселся в кресло.

С замирающим сердцем Шила открыла входную дверь.

— Миссис Уайтсайд? — спросил Террелл, хотя отлично знал ее.

— Да, это я.— Она заставила себя улыбнуться.— А вы, если не ошибаюсь, начальник полиции Террелл?

— Да... Мистер Уайтсайд дома?

— Дома. Он сегодня пришел рано. Неважно себя чувствует...

Она провела Террелла с Беглером в гостиную. Оба удивились, увидев покойно сидящего в кресле сухонького седого священника. Мейски с радушной улыбкой встал им навстречу.

— Отец Латимер из Нового Орлеана,— представила его Шила.— Отец, это начальник полиции Террелл и... и...

«Ай да краля!» — подумал Беглер, назвав себя.

— Да... Ну, присаживайтесь. Я схожу за Томом.

Она вышла. Мейски пожал руку Терреллу, потом — Беглеру.

— Рад познакомиться с вами,— сказал он.— Я впервые в вашем прекрасном городе.— Тут его лицо приняло скорбное выражение.— Мне выпал печальный долг проводить в последний путь мать Шилы.

Террелл смущенно переступил с ноги на ногу и пробормотал что-то себе под нос. Наступило молчание. Потом в комнату вошел Том и следом — Шила. Лицо Тома было бледно и покрыто испариной.

— Здравствуйте, мистер Террелл. Вы... у вас ко мне дело?

— Говорят, вы хвораете? — спросил Террелл.

— Отравился, наверное,— ответил Том.— Может, выпьете?

— Нет, спасибо... мистер Уайтсайд, тот двухдверный «бьюик», на котором вы ехали...

— «Бьюик»? — тупо переспросил Том.

— Ах, Том... нам не следовало брать его! — воскликнула Шила.

Том выпучил глаза и торопливо подтвердил:

— Да... верно.

Террелл поглядел на Тома, на Шилу, опять на Тома.

— Мистер Уайтсайд, у нас есть основания предполагать, что эта машина принадлежит одному из участников ограбления Казино. Не расскажете ли, как вы оказались в ней?

Шила театрально ахнула и всплеснула руками.

— Так вот почему ее спрятали! — воскликнула она.— Том! А мы ее взяли! Мы и понятия не имели! — Широко распахнув глаза, она повернулась к Терреллу.

Террелл внимательно посмотрел на нее.

— Расскажите-ка все с самого начала,— попросил он.

— Конечно. Садитесь, пожалуйста.— Она плюхнулась в кресло, сверкнув ляжками в расчете на Беглера, и только после этого поправила юбку.— Мы возвращались из отпуска. Было уже поздно. Том решил срезать путь к нашему шоссе по проселку, что идет лесом...

— А я ничего и не знаю,— промурлыкал Мейски.— Я только что приехал. Значит, у вас было ограбление?

— Простите,— строго произнес Террелл,— я хочу послушать, что расскажет миссис Уайтсайд.

— Виноват... конечно... извините.— Мейски с той же лучезарной улыбкой откинулся на спинку кресла.

— Так вот,— сказала она, наклонясь вперед и уставясь в Террелла круглыми глазами,— значит, свернули мы на этот проселок, и тут у нас сломалась машина. Ну, и застряли... кругом лес... начало темнеть.— Она положила ногу на ногу — это для Беглера. «Пусть у этого солдафона,— подумала она,— мыслишки крутятся в другом направлении». Беглер, от которого никогда не ускользали такие подробности, был в восторге... Что за ножки! — Решили заночевать там. Наутро, когда мы уже собрались идти пешком...— Она смешно скривилась.— Представляете, топать пять миль! И тут я нашла эту машину.

— Когда вы нашли машину, миссис Уайтсайд, вам не пришло в голову, что об этом следует сообщить в полицию? — спросил Террелл.

— Как-то не подумала... И Том — тоже. Мы беспокоились за туристское снаряжение, оставшееся в нашей машине. Снаряжение-то нам дали взаймы, а ведь его могли украсть в наше отсутствие. Оставаться одна в лесу я отказалась наотрез... страшно.— Она помолчала и взглянула на Беглера, призывая его посочувствовать. У того мелькнуло: «Попадись ты мне одна, детка... желательно на необитаемом острове». Шила перевела взгляд на Террелла.— Так что мы не подумали. У Тома была отмычка. Мы перенесли свои пожитки и уехали. Когда добрались до дому, выгрузили багаж, заехали за новым насосом и вернулись. «Бьюик» мы поставили на то же самое место. Том заменил насос, и мы поехали домой.

Террелл поскреб подбородок. «Похоже на правду»,— решил он. Ее рассказ сходился с донесением О'Тула.

— В багажник вы заглядывали? — спросил он Тома.

Том вздрогнул, замешкался, только потом мотнул головой.

— Да нет. Мы... мы покидали все на заднее сиденье. Нет... в багажник не заглядывали.

Террелл поднялся со стула.

— Должен просить вас показать место, где вы оставили «бьюик» ... немедленно.

— Невероятная история,— сказал Мейски.— Правда, я не совсем уловил, в чем тут суть.— Он обратился к Терреллу: — Инспектор, почему вы решили, что машину спрятали?

Террелл пробурчал что-то и шагнул к двери. Этот худосочный священник успел порядком надоесть ему.

Из спальни вышел Том. Его бледное, осунувшееся лицо насмерть перепугало Шилу. «Этот болван еще может все испортить»,— подумала она.

— Я готов, мистер Террелл,— произнес Том.

Шила подбежала к нему и поцеловала в щеку — Том уже забыл, когда удостаивался такой ласки. Потом она, как подобает заботливой жене, поправила ему галстук.

ПРОЗРАЧНЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Я держу в руках каталог несостоявшейся выставки. Каталог — вот он, а выставка,. как это часто еще у нас бывает, по каким-то организационным причинам не состоялась. Четыре московских художника. Но мы лишь об одном. О Светлане Богатырь. Работы ее давно и хорошо известны профессионалам. Они экспонировались в некоторых зарубежных собраниях, их покупают владельцы галерей, музеев, частные коллекционеры. Но у советского зрителя, даже московского, пока не было возможности по-настоящему познакомиться с творчеством этого художника.

Имя Светланы я впервые услышала от своих друзей почти пятнадцать лет назад. Отзывы о ее картинах были очень хорошие и даже восторженные: прекрасный живописец, тонкий мастер, неповторимый стиль, какая-то совершенно неженская мудрость... Вероятно, именно отсутствие «дамскости» в полотнах Светланы обрекло на забавную ошибку одного из критиков, писавшего о нашумевшей в Москве выставке Первого творческого объединения художников (она проходила в выставочном зале «на Каширке»). Перечисляя запомнившиеся работы, критик в числе прочих упомянул и полотна «С. Богатыря».

Второй раз я услышала о Светлане, когда один из солидных московских метров, делясь своими мыслями о поколении молодых (тогда тридцатилетних) живописцев, упомянул и ее. И рассказал, как на первой однодневной (вернее, одновечерней) выставке работ Светланы в Центральном Доме работников искусств проходило обсуждение ее работ. Как обычно, собралось много художников, искусствоведов, критиков. Они, как обычно, хвалили, журили, советовали. Предполагалось, что после дебютантка, как обычно, раскланяется, поблагодарит, пообещает учесть высказанные замечания. Произошло же нечто совсем иное: на сцену вышла невысокая, хрупкая девушка и после нескольких слов благодарности очень спокойно сказала, что при всем желании она не может следовать ничьим советам...

О своих работах, вернее, о своей работе, должна говорить сама Светлана. Мне кажется, я не ошиблась. Вот несколько цитат из каталога несостоявшейся выставки:

«Когда мне было девять лет, я думала: «Боже мой, мне никогда в жизни больше не будет девяти лет». Неповторимость каждого ушедшего дня. Быстротечность человеческой жизни — и своей собственной, и любого человека. Это, я помню, всегда наполняло печалью. Когда я читаю книги, даты чужих жизней я соотношу со своей и думаю: вот это я уже прошла, а вот это нет. И я ощущаю время, которое было до меня, и время, которое будет после меня... И свою собственную жизнь — как маленькую светящуюся точку на

«ПРОСТРАНСТВО С АРБУЗОМ № 2», 1988 г.

некоем отрезке, начало которого мне известно, а конец неизвестен...

Мой мир живописи — это был мир художников, которых я любила: Кранах, Тициан, Эль Греко, Вермеер, Рембрандт, Хальс... Из более близких по времени — Сезанн, Ван Гог, Ренуар, Руо, Матисс, Модильяни, Шагал, Клее, Миро, Утрилло. Занятия живописью и моя непосредственная жизнь не пересекались, они шли параллельно. Мне нужно было понять, что есть я, искать способы выразить это...

Я перестала писать с натуры. Почти год только рисовала, не боясь быть банальной. Я рисовала, чтобы выяснить, что наполняет меня. «Откуда я знаю, что я думаю, пока я не скажу?» Тогда возникла серия «Персонажи и музыканты»... Незащищенность фигур в пространстве, неустойчивость равновесия... Я нащупала состояния, которые выражали меня. И наступил момент, когда я поняла, что атрибуты вокруг персонажей — ниточки, колокольчики, какие-то непонятные свешивающиеся с неба штучки, шарики прозрачные — сами по себе уже содержат смыслы, ради которых я всё это делала — «персонажи» стали мне не нужны.

Почти на десять лет исчезли люди из моих холстов. В 1983 году они потихоньку начали появляться снова. Но уже совершенно другие. Не просто хрупкие, неустойчивые, но прозрачные — светящийся контур места, которое человек занимает в пространстве...

Почему все предметы у меня прозрачные? Сейчас я здесь, но в то же время я — везде, где находилась в своей жизни. `Я остаюсь в пространстве людей, с которыми общалась, если я для них существую. Когда я в своей мастерской, в одиночестве, рядом со мной прозрачности людей, которые жили здесь до меня, были здесь рядом со мной, будут после. Настоящее не уничтожает прошлое. Любой предмет не загораживает и не заслоняет то, что за ним. Всё хрупко и прозрачно. Существует и не существует. Я ищу способы выразить это.

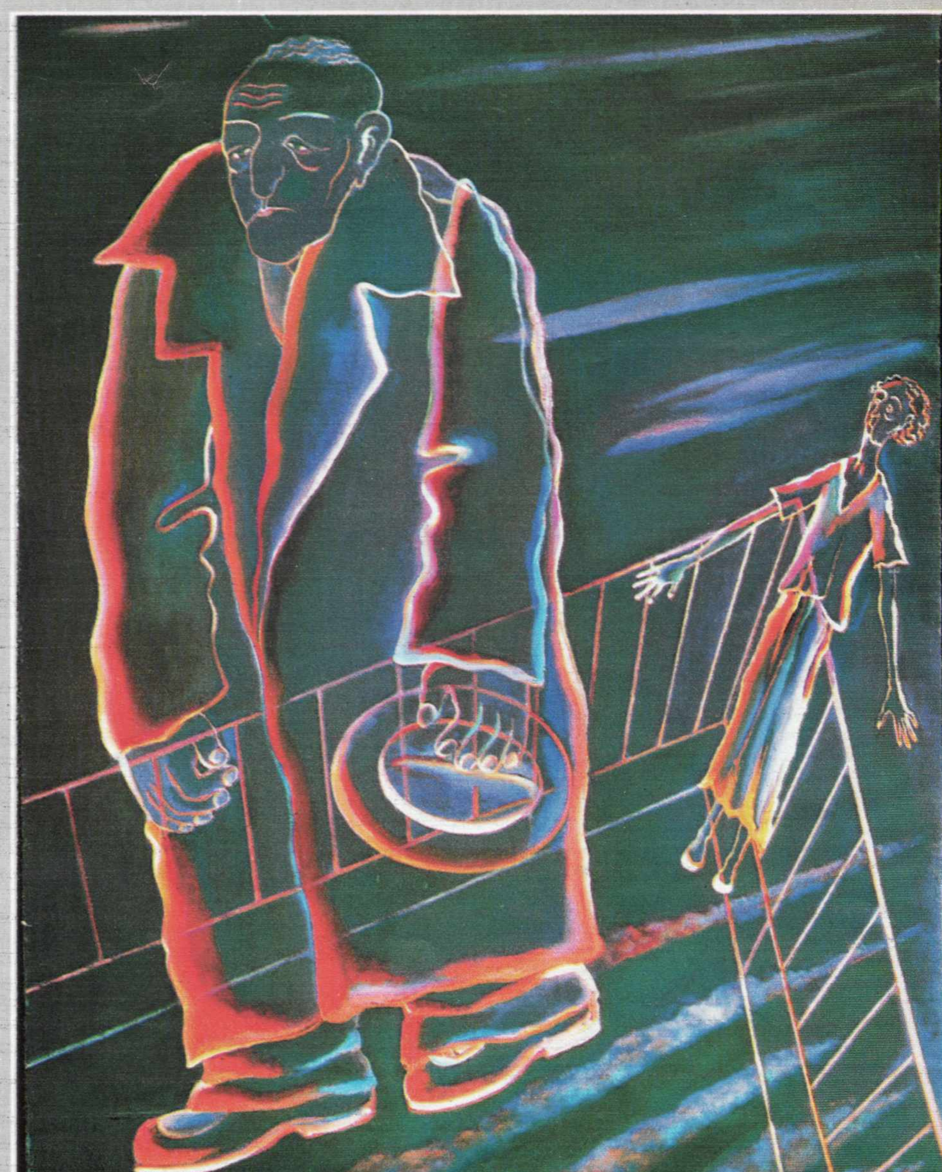
Когда, например, я писала серию «Метро» — это было мрачной московской осенью, в вагонах, где бесконечный поток людей был постоянным объектом моего внимания,— мой глаз делал поразительные открытия. Попробуйте, глядя на толпу, увидеть одновременно всех людей, стоящих в профиль. Ощущение, что касаешься тайны того, как Творец, не повторяясь, лепит одного за другим — миллионы и миллионы... Я поняла некий «пластический модуль» человеческого лица и, не нуждаясь в натуре, могла непрерывно создавать лица. Они настолько портретно убедительны, что я уверена: такие люди где-то в жизни существуют.

Что есть искусство лично для меня? Для меня искусство — это знак чьих-то прожитых жизней... И в том смысле, в котором Кьеркегор говорил, что он не философ, но просто частный мыслитель, я говорю, что я не художник, я просто частное лицо, живущее в этом мире. И «профессионально» я отношусь только к жизни, она для меня «основной труд», тяжелый, часто, кажется, непосильный, но головокружительно захватывающий. А живопись — только способ, мой единственный способ прожить отпущенное мне время».

Елена ИЗЮМОВА

«РАССЕЧЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО № 5», 1989 г.

«БАЛКОН» (СТАРИК и СТАРУХА), 1985 г.

Из серии «Прозрачные пространства»

ОДИН ДЕНЬ ЭСТОНИИ

Фотографы были разные, но все — классные профессионалы. Они приехали в Таллинн для участия в международной фотоакции «Один день Эстонии».

Идея подобных начинаний родилась в нашей стране, но, как и многое другое, была осуществлена на Западе — на этот раз американской фирмой «Коллинз». В 1987 году она провела такую фотоакцию и в нашей стране. Затем латыши организовали «Один день Латвии», а после Юрий Венделин, участник всех этих мероприятий, решил

Аркадий Баранов. (Таллинн)

Игорь Костин. (Киев)

Вольдемар Мааск. (Таллинн)

Тийт Веэрмяэ (Таллинн)

попробовать провести нечто подобное в Эстонии. В 1988 году около семидесяти фотографов из Эстонии и из других республик сняли «Один день Таллинна». Это стало как бы репетицией «Дня Эстонии». Было собрано три «команды»: ведущие фотожурналисты страны (из Москвы и Ленинграда, из Узбекистана, Украины, Молдавии, Армении, Грузии, Латвии, Литвы), лучшие фотожурналисты Эстонии и представители крупнейших фотоагентств и изданий мира («Сигма», «Лехтикува», «Коллектив-пресс», «Штерн-магазин»). Правда, не обошлось и без «проколов»: два фотографа из США так и не смогли приехать — не получили разрешения на въезд.

Главным организатором выступило первое в нашей стране частное фото-

Сергей Карпухин. (Москва)

агентство «Пресс Студио ЮВ» Юрия Венделина.

Каждому фотографу была определена тема. При этом никакого прицела на сенсационность. День съемки также был самым рядовым — четверг, 28 сентября. На съемку было отведено 24 часа. Неоценимую помощь оказали местные власти, которые взялись обеспечить прикрепленных к тому или иному району фотографов всем необходимым (вплоть до питания и транспорта), а спонсорами фотоакции стали Таллиннский горисполком, Национальная библиотека, многие предприятия и организации республики. Финское фотоагентство «Лехтикува» взялось проявить всю пленку, отпечатать выставочный комплект и каталог. Другими крупными зарубежными спонсорами были фирмы «Кэнон», которая организовала ремонтно-профилактическую службу, и «Кодак».

Кто-то уложился в несколько часов, кому-то и суток оказалось мало. Тут все зависело от темы, о которой каждый фотограф узнал лишь по прибытии.

Сейчас завершается подготовка к выставке, которая откроется 24 февраля в Таллинне.

Сергей ЧЕРНОВ,
член оргкомитета, редактор
фотоагентства «Пресс Студио ЮВ»

Виктор Рудько. (Таллинн)

ЗВЕЗДНОЕ ОЗЕРО

Петров А., Коренева Е. «ПРОСТРАНСТВО»

И в России, и в Америке звезды одинаково яркие и таинственные. Не важно, стоишь ли ты на берегу Великих Озер, на границе с Канадой, или у самой кромки Сенежского озера.

Здесь, в Доме творчества у Сенежского озера, на десять дней собрались художники, чтобы рисовать... Вселенную. Многие приехали с американского континента, из такого земного далека, где, кажется, и природа совсем другая, и жизнь. А звезды те же самые. Потому понять друг друга было не так уж трудно; к тому же язык искусства оказался общим. Да и не только он. Кое-кто из гостей, чуть стесняясь, вдруг заговаривал по-русски: так, несколько слов. А в ответ находились и среди наших охотники попробовать свои силы в английском. С разговора переходили к живописи и продолжали «беседовать», рисуя. Так, в соавторстве было создано несколько картин. Они составили международную художественную выставку «Звездный путь человечества». Передвижная экспозиция была показана в Звездном городке, а теперь продолжает путь в турне по США. Завершится оно в 1992 году в Нью-Йорке, на первой Всемирной выставке космического искусства.

Здесь представлены работы ведущих художников космического жанра из СССР — от всем известных Леонова, Соколова и Джанибекова до молодых мастеров из многих союзных республик. А рядом — почти пятьдесят членов Международной ассоциации астрономических художников из США, Канады, Англии, Франции, художники школы спэйс-арт.

На вернисаже произошла «стыковка» сразу и во времени, и в пространстве разных худсжественных эпох, разных национальных традиций. Такой диалог давно назревал: новейшее стремилось к взаимодействию с прошлым, зарубежное космическое искусство искало контакта с советским. Ведущей явилась тема международного сотрудничества в освоении космоса. Основная мысль ленинградца Г. Орлова в триптихе «Мир един» подхватывалась и американкой Бет Авари, которая изобразила фантастический флаг землян на одной из планет, назвав свою работу «Вместе», и Вильямом Хартманном, предложившим в воображаемом сюжете «Возвра-

Памела Ли. «БУДУЩИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ КОМЕТ»

Джон Фостер. «МИРЫ»

Джо Туккьярони. «АТМОСФЕРА»

щение с Марса» свою версию будущей международной космической экспедиции.

Подчеркнуто точный, до фотографичности, стиль характерен для большинства зарубежных работ: даже явные фантазии облекаются художниками в форму своеобразных репортажей с места события, для их авторов очень важно качество очевидца и мысленного участника будущих экспедиций: будь то инопланетные пейзажи Джона Фостера или Жана Жоли, изображения космической техники у Рона Миллера или астронавтов — у Памелы Ли. Кстати, именно эта американская художница ближе всего к советской школе космического искусства, в центре которой стоит образ человека. И это несмотря на то, что ее признанному лидеру Андрею Соколову предпочтительным кажется скорее американский путь художественного освоения космоса. Кратко его пафос можно выразить так: умные и мощные космические машины — это продолжение человечества в космосе, это высшее воплощение созидательной мысли. Для большинства советских авторов характерен более романтический и философский подход. Таковы работы живописцев Юрия Походаева и Бориса Окорокова, графиков Андрея Чебыкина и Георгия Поплавского. У более молодых участников выставки тональность художественных решений меняется. Александр Петров и Елена Коренева, например, пытаются построить обобщенную научно-художественную модель пространства Вселенной.

Постигать мироздание можно, лишь узнавая самих себя, друг друга, все человечество! Эта мысль, хотя и не высказанная, определила эмоциональный фон всей работы международной группы художников космоса и даже сам стиль их общения друг с другом. Правда, не раз на этом фоне проступали и «родимые пятна» нашей действительности. Как это знакомо! Все с нетерпением ждали приезда зарубежных коллег, но почему-то никто не ожидал, что они захотят всерьез работать, и потому Союз художников выделил для двенадцати гостей лишь две двухместные мастерские в Доме творчества. Надо было видеть, как, собравшись по пять-шесть человек, они целыми сутками сидели за мольбертами. Отказались даже от обширной культурной программы, предложенной устроителями. Правда, взамен американцы попытались показать в один из вечеров слайды со своих работ. Но тут выяснилось, что экрана, даже переносного, как, впрочем, и конференц-зала для творческой работы не полагается. Едва отыскался увечный старенький проектор, который стал для всех запоминающимся символом недавней эпохи «застоев» и «заторов»: под общий смех, с грехом пополам наша немощная земная техника помогла-таки увидеть космическую технику будущего — на советской простыне, простодушно предложенной завхозом...

Валерий КЛЕНОВ

— Не увозите его надолго, мистер Террелл.
— Мы быстренько, миссис Уайтсайд.
Террелл распахнул входную дверь и, пропустив вперед Тома и Беглера, вышел на садовую дорожку.
— Ловко разыграно, моя милая. Я и то не смог бы лучше.
Шила пропустила слова Мейски мимо ушей. Она открыла бар, плеснула себе джина и, не разбавляя, выпила залпом.
— Только бы этот олух не ляпнул лишнего,— проговорила она, скорее в ответ на свои мысли, чем на слова Мейски, и, хлопнув дверью, уединилась в спальне.

— Вон туда. По этой тропе... там я оставил «бьюик»,— сказал Том, когда они доехали до тропы, ведущей на поляну.
Лепски прижался к обочине. Он, Джейкоби и Беглер высыпали из машины, выхватив на ходу оружие. Крадучись пошли по тропе.
С пистолетом в руке вылез из машины Террелл.
— Останьтесь здесь, мистер Уайтсайд. Преступник может оказаться поблизости, а он опасен.— И Террелл отправился следом.
Том вынул из кармана пачку сигарет. Его так трясло, что он с трудом прикурил, однако на душе стало спокойнее.
Едва ли не первое, что сказал Террелл, как только машина тронулась с места: «Я знал вашего отца... прекрасный человек... Он пользовал Кэрри... это моя жена... она тогда сильно захворала. Вам нечего волноваться. Всякое бывает».
Тому вспомнился отец. «Видно, он был особенным человеком,— подумал Том,— а мне это и в голову не приходило. Вот когда пожилые люди вроде Террелла заводят о нем разговор, тогда он оживает, а ведь он всегда относился ко мне с душой. Только я был глуп как пробка». Он сделал глубокую затяжку. Надо было спятить, чтобы пойти на поводу у Шилы. Он должен был сразу сообщить в полицию про коробку в багажнике. Том беспокойно заерзал. Теперь поздно. Но он уже решил. К этим деньгам он не притронется. Пусть Шила забирает все и выметается!
Минут через десять к машине подбежал Джейкоби. Он схватил телефонную трубку и вызвал дежурного по управлению.
— Пришлите Хесса и оперативную группу,— велел Джейкоби.— Проселочная дорога между шоссе на Майами и нашим. Срочно!
Том выкурил четыре сигареты, пока из леса показался Террелл.
— Там нет «бьюика»,— сообщил он.— Вы точно оставили его на поляне?
— Да, мистер Террелл, мы оставили его здесь.
К ним подъехал Хесс со своей оперативной группой.
— За дело, Фред. Мы обнаружили его нору,— махнул Террелл в сторону тропы.— Пусть ваши люди займутся ею. А мы поедем к шоссе.
Они сели в машину: Беглер — за руль, Террелл — рядом с Томом. Промчавшись пять миль, они увидели брошенный «бьюик».
— Так вот где он,— вымолвил Террелл. Все вылезли из машины. Беглер хотел было открыть багажник, но тот оказался запертым. Он обратился к Тому:
— Вы можете отпереть его?
Том едва не попался на эту удочку, однако в последнюю долю секунды спохватился и покачал головой.
— У меня отмычка для замка зажигания, а к багажнику она не подходит.
Беглер отошел к полицейскому автомобилю, нашел в ящике с инструментами монтировку. Вскоре замок был сломан.
— Пусто,— произнес он и взглянул на Террелла.— Мог еще раз сменить машину, шеф.
— Ладно, Джо, возвращаемся в управление.
Они сели в полицейскую машину и помчались по шоссе.
— Перед тем как залечь в пещере, Мейски мог припрятать коробку в другом месте,— проговорил Террелл, размышляя вслух.— Не исключено, что он спрятал коробку, а сам улизнул. Ради такой добычи не грех и обождать.
— Муторное это дело,— вымолвил Беглер.— Где он мог спрятать коробку такого размера?
— Да хотя бы в любом бюро находок. Передадим сообщение по радио и телевидению. Вдруг кто-нибудь запомнил его.
Слушая их разговор, Том убеждался, что эти двое даже не подозревают его в причастности к пропаже денег. Отец, как всегда, помог ему своей безупречной репутацией. Даже лежа в могиле, он сумел уберечь сына. Тому сделалось стыдно.
Они остановились у его дома.
— Ну вот, мистер Уайтсайд, спасибо за помощь,— сказал Террелл.— Больше мы вас не потревожим.
Полицейская машина уехала, и Шила открыла входную дверь. Мейски стоял на пороге гостиной.
— Ну? — спросила Шила, когда Том подошел к дверям.
— Пока все нормально,— бросил он, проходя мимо нее в дом.
Мейски улыбнулся.
— А не выпить ли нам чаю? Займитесь-ка чаем, моя милая. После потрясений ничто так не успокаивает, как чай.
Шила, к изумлению Тома, отправилась на кухню.
— Все обойдется,— произнес Мейски, усаживаясь в кресло и складывая ладони домиком. Он расплылся в улыбке.— У меня предчувствие. Вот увидите... все обойдется.
Том пошел в спальню. Он сбросил туфли, снял пиджак и рухнул на кровать. Его знобило и подташнивало. Он закрыл глаза.
Спустя некоторое время Том услышал, как Шила прошла в гостиную, и там зазвякали чайные чашки. Потом она спросила:
— Хочешь чаю?
Не открывая глаз, он покачал головой.
— Не трогай меня... Ладно?
— Подумаешь, герой занюханный. Не раскисай!
Он открыл глаза и поглядел на нее. Как он мог испытывать любовь к этой женщине? Он сел и спустил ноги на пол.
— Я требую, чтобы ты убралась прочь, как только минует опасность. Возьмешь деньги... прихватишь с собой эту мартышку и катись ко всем чертям! К деньгам я не притронусь!
Опешив, она уставилась на него, потом расхохоталась.
— Дешевка есть дешевка. Ты, убогий, неужели ты вообразил, что я стану рыдать? По мне, хоть сию минуту, только бы не видеть твоей образины.
Мейски с удовольствием выслушал их перебранку. «Что ж,— решил он,— теперь нужно приглядывать только за шлюшкой».
— У вас, моя милая, остывает чай,— сказал он, когда Шила вернулась.— Вы, кажется, о чем-то поспорили?
— Не ваше дело! — огрызнулась Шила, беря чашку.
Мейски посмотрел на нее, пожал плечами. Он встал и включил телевизор.
— Неужели нельзя оставить этот ящик в покое?
— Конечно, нельзя. Сейчас передадут новости. А в нашем положении, моя милая, всегда полезно быть в курсе событий.
В середине программы новостей диктор сказал: «У нас есть несколько сообщений, относящихся к ограблению Казино. Полиция просит служащих банков и магазинов обращать внимание на банкноты достоинством в пятьсот долларов. Такие банкноты можно принимать лишь в том случае, если фамилия и адрес человека, от которого они поступили, известны и записываются на этих банкнотах...»
Шила выронила чашку. Похолодев от страха, она медленно поставила блюдце на подоконник.
Маршалл... часы! Неужели он записал ее фамилию?..
Мейски резко обернулся. Он увидел страх на ее лице и тотчас понял, что она тратила похищенные деньги.
На мгновение он замер с перекошенным от гнева лицом, потом, чувствуя, как зачастило сердце, медленно встал с кресла.
— Сука! — сдавленно прошипел он.— Тратила деньги?..
Шила отшатнулась, потрясенная злобным выражением его сухонькой мордочки.
— Нет!
— Врешь! Тратила!
Мейски выскочил из комнаты и ворвался в спальню.
— Поднимайся! Твоя шлюха тратила те деньги! Что она могла купить?
Мейски ринулся к комоду и рывком выдвинул верхний ящик. Ящик вывалился на пол, и Мейски, не помня себя от ярости и страха, перевернул его вверх дном.
Из-под голубых трусиков и лифчика выпали золотые часики и автоматический пистолет.

— Послушайте, шеф,— сказал Беглер, усаживаясь,— а вам не приходило в голову, что Уайтсайды нашли деньги и прикарманили их?
Террелл отхлебнул кофе и принялся набивать трубку.
— Только не Том Уайтсайд, Джо. Давай все-таки фантазировать в меру. Я много лет знал его отца... он был святым.
— Разве святость передается по наследству?
— Ты прав, Джо... не передается, конечно, но на него это не похоже. Да он даже не будет знать, что делать с такой кучей денег.
— Зато знает его жена.
Террелл поскреб подбородок и хмуро покосился на Беглера.
— Нет, все-таки не сходится. Наверняка у Мейски была еще одна машина. Он перенес коробку и уехал из города.
Беглер отхлебнул кофе и потер кончик своего мясистого носа.
Террелл, словно прочитав его мысли, сказал:
— Багажник был закрыт, Джо. Уайтсайды не могли знать, что там деньги.
Беглер снял телефонную трубку.
— Чарли? Соедини меня с мистером Локингом из «Дженерал моторз».
После короткой паузы Беглер заговорил:
— Мистер Локинг? Это сержант Беглер из полиции. Извините за беспокойство, но я хотел выяснить у вас одну подробность. В двухдверном «бьюике» ключ от замка зажигания подходит к багажнику? Спасибо, мистер Локинг.— Он повесил трубку и взглянул на Террелла.
— Багажник отпирается тем же ключом, шеф.
— А Уайтсайд сказал, что другим?
Беглер кивнул.
— Именно.
Они переглянулись, затем Террелл отодвинул стул и поднялся. Беглер в очередной раз вложил револьвер в кобуру, и тут раздался телефонный звонок.
— Мистер Террелл, говорит Фабиан из Флоридского банка. К нам только что поступил пятисотдолларовый банкнот из ювелирного магазина Эштона. На нем записана фамилия: миссис Уайтсайд, 1123, Делпонт-авеню.
— Спасибо, мистер Фабиан. Будьте любезны, оставьте банкнот для меня.— Он положил трубку и обратился к Беглеру:— Вызови Лепски и Джейкоби. Ты попал в точку, Джо. Она уже разменяла одну пятисотенную. Поехали.
— Сейчас попаду еще раз,— сказал Беглер.— Тот гном... отец Латимер. Как-то не похоже на Уайтсайдов, чтобы они приютили у себя священника... сдается мне, это Мейски.
Террелл невольно ухмыльнулся.
— С тобой невозможно работать, Джо, ты умнеешь на глазах. Ну-ка, поехали.

Увидев на полу пистолет, Мейски нагнулся и схватил его. Том ударил Мейски по руке. Пистолет упал между ними. Мейски с проклятиями снова нагнулся за пистолетом, но Том ногой отбросил оружие под кровать.
— Уймитесь! — прикрикнул он.
Страшная гримаса исказила лицо Мейски.
— Неужели ты думаешь, я отпущу эту сучку целой и невредимой? — завизжал он.— Дело всей моей жизни... два с половиной миллиона, и все прахом из-за ее гнусной жадности! Да я шкуру с нее спущу!
Он сунул свою крабью клешню в карман и выхватил пистолет, заряженный кислотой.
Том нанес ему тяжелый удар в челюсть и в тот же миг другой рукой вырвал пистолет.
У Мейски словно что-то взорвалось в груди. Он упал. На короткое, страшное мгновение боль сделалась невыносимой...
К дверям спальни подошла Шила. Она посмотрела на тело Мейски, на Тома. У нее было бледное, непроницаемое лицо.
— Я сваливаю,— процедила она. Ей бросились в глаза золотые часики на полу, и она подхватила их.
Том поймал ее руку, вывернул и отобрал часы.
— Убирайся вон! Часы останутся здесь! Я сдам их в полицию!
Шила отпрянула, наградив его презрительной улыбкой.
— Слюнтяй несчастный. Неужели тебя жизнь ничему не научила?
Повернувшись, Шила сделала несколько шагов по коридору, но остановилась. Она лихорадочно соображала. У нее тысяча сто долларов... не густо. Интересно, нет ли денег у старикашки. Она вбежала в другую спальню, взяла обшарпанный чемодан и щелкнула замочками. Денег в чемодане не оказалось, зато среди грязных сорочек нашлась баночка крема «Диана». «Господи боже мой, целых двадцать долларов!» Она бросила крем в свою сумочку.
«Что ж,— подумала Шила,— тысяча сто долларов есть, как-нибудь перебьюсь».
Она вышла в крошечную прихожую и сняла с вешалки жакет.
Через пять минут должен был подойти автобус. Только бы добраться до Майами. А уж там она заметет следы.
Она оглянулась на Тома, стоявшего на пороге спальни.
— Я ухожу... пока, дешевка, спасибо за нищенскую жизнь.
— Он умер,— вымолвил Том.— Ты слышишь? Умер!
— А мне что прикажешь делать... хоронить его? — ответила Шила и выскочила на садовую дорожку.
То бегом, то быстрым шагом она заспешила к автобусной остановке, унося в сумочке свою смерть.

**Ведет рубрику
Виктор ЕРОФЕЕВ**

Эдуард Савенко родился в Харькове. В Москву переехал с желанием «стать большим поэтом». И действительно, в начале 70-х стихи за подписью Э. Лимонова приобрели популярность — ходили в «самиздате» по рукам и даже печатались, но исключительно т а м. Опубликовать хотя бы строчку на родине не удавалось — мешали фривольное, так скажем, содержание и непривычность авторской манеры. Зарабатывал на жизнь поэт ремеслом портного, и на этом поприще также приобрел определенную известность. Однако такое положение тяготило, и в итоге Эдуард Лимонов оказался жителем США, потом Франции. Уже в эмиграции написал нашумевший роман «Это я — Эдичка», книги прозы «Подросток Савенко», «У нас была великая эпоха» (недавно ее опубликовал журнал «Знамя»), «Палач» и другие. Сегодня Эдуард Лимонов — очередной автор нашей новой рубрики. Интервью у него взято в Москве.

ДИАЛОГ с «НОРМАЛЬНЫМ ПИСАТЕЛЕМ»

Ерофеев. Вы приехали сейчас из Франции в чужую страну, да?

Лимонов. Да, как ни странно. И я даже удивлен, что она мне кажется такой чужой.

Ерофеев. И никакого чувства сентиментальности, никакого родственного чувства по отношению к ней?

Лимонов. Какие-то затаенные старые воспоминания есть, но я могу честно признаться, что думаю: неужели я мог здесь родиться? Я был у своих родителей в Харькове, и там у меня тоже было это чувство: неужели я родился в такой неудобной для жизни, постоянно напряженной стране, как же я здесь жил? Меня нисколько не смущает жизненный уровень — я человек достаточно неприхотливый. И не то, что столько снега и холода,— даже не это, а постоянно висящая напряженность и враждебность.

Ерофеев. Говорят, что французы замкнутые, очень формальные, не дружат... Вам легко живется во Франции?

Лимонов. Речь ведь идет о буржуазии. Это вовсе не касается людей искусства, с которыми я общаюсь. И совершенно не касается простых людей. Действительно, в буржуазные семьи доступ замкнут, да и зачем к ним добиваться доступа — ничего интересного в буржуазной семье любой страны нет. Буржуазию я, конечно, имею в виду в кавычках...

Ерофеев. Понятно. Не в марксистском понимании, а во флоберовском... Вы иногда говорите «у нас», иногда — «у них». Вы с местоимениями разобрались?

Лимонов. Очевидно, это спонтанно, но в ряде случаев я так говорю, потому что я русский, вот и все, принадлежу по крови к этой нации. А может быть, я не слежу за собой и ошибаюсь. То же самое у меня происходит во Франции.

Ерофеев. В прошлом году на литературной конференции в Будапеште вы сказали, что единственно ценное, созданное русской литературой,— это социалистический реализм...

Лимонов. Я, по-моему, говорил не о литературе, а о живописи. Говоря о живописи, я действительно так считаю. Скажем, если вы возьмете средневековье — в маленьких итальянских городах, Урбино, Венеции были школы живописи, которые можно узнать по манере письма. И тут великая страна на протяжении достаточно большого промежутка времени — 50—60 лет — создавала вещи, у которых был свой канон и которые можно с первого же взгляда узнать везде. Я видел эти картины на выставках и в монографиях — это безумно здорово смотрится. Это смотрится, как современный сюрреализм, только еще сильнее. Не важны причины, по которым возникла эта школа,— она до такой степени оригинальна и невероятна, что интереснее любого модернизма, создаваемого нашими отечественными художниками. Когда-нибудь это будет нашей гордостью — когда отойдет вся политика, сшелушится...

Ерофеев. Вы говорите об эстетическом моменте?

Лимонов. Только о нем, конечно. А политически это умрет очень скоро, уже умерло почти. Уже сейчас мы смотрим на эти картины не как на выражающие определенную идеологию, а как действительно только на эстетическую вещь. И эстетически — пусть даже иногда это уродливо — это безумно оригинально. Вот что меня восхищает.

Ерофеев. А в литературе меньше? «Как закалялась сталь», например?

Лимонов. «Как закалялась сталь» по-своему совершенно великолепное произведение именно того же плана, написанное в каноне, и «Чапаев», безусловно. Но в литературе по каким-то причинам, о которых я не думал, это продержалось более короткое время.

Ерофеев. Вы сами работаете с этими канонами социалистического реализма? Как-то переосмысливаете их для себя, или восхищаетесь чисто как зритель?

Лимонов. Например, я написал «У нас была великая эпоха» в стиле позднего соцреализма, или, во всяком случае, под соцреализм. У меня там действуют герои в военных формах, с погонами, они все такие красивые, большие, высокие. В этом что-то есть. Я ищу художественной, эстетической правды, а не правды времени.

Ерофеев. А Комар и Меламид * что-то для вас значат?

Лимонов. Безусловно, Комар и Меламид делают примерно то, о чем мы сейчас говорим,— переосмысленный соцреализм, лишенный идеологического звучания и уже употребленный в эстетике.

Ерофеев. Но когда он употреблен в эстетике с некоторой долей иронии, не происходит ли естественное разрушение, которое лишает его всей его прелести?

Лимонов. Да, на мой взгляд, они слишком ироничны, они действительно что-то разрушают. Это верно. Но это их собственный подход. Значит, просто появились случаи освоения этого нашего оригинального вклада в мировое искусство.

Ерофеев. А помимо социалистического реализма, были какие-то направления, которые на вас как на писателя производили впечатление?

Лимонов. Я могу назвать писателей, которые меня удивляли и продолжают удивлять, и тогда выяснится, наверно, и мое лицо. Скажем, Оскар Уайльд. Не столько его драмы и «Портрет Дориана Грея», сколько его статьи и великолепнейшие афоризмы. Розанов Василий Васильевич, безусловно, до него — Константин Леонтьев, его предтеча и в определенном смысле учитель. Тоже великолепный философ, когда-то названный у нас реакционным...

Ерофеев. А что у Розанова?

Лимонов. У Розанова — стиль и великолепное «Моя приходно-расходная книга стоит всех любовных писем Тургенева к Полине Виардо». Это какая-то новая, антигероическая эстетика мелких вещей, которая меня в свое время увлекала, я с этого начинал в своих стихах.

Ерофеев. Значит, как бы две эстетики — есть и героическая, есть и совершенно антигероическая. Есть полярность в ваших привязанностях...

Лимонов. Совершенно верно. Но, с другой стороны, в Розанове я люблю как раз леонтьевское, а не это его мелкобытовое. И потом действительно я ненавижу среднего человека. Вы помните знаменитую работу «Средний европеец как орудие всемирового разрушения»? Это великолепная вещь! Как прозаик он не был очень силен, но все равно у него везде попадаются блестящие строки. Я люблю Леонтьева больше, чем Достоевского, за его совершенно современный нам гений, за жест, за позу, за все что хотите. Бакунин мне безумно нравится, совершенно другая крайность, уже не реакционер, а, напротив, анархист — «Дестракшн из криэйшн» (разрушение — это созидание). Гамсуна я любил когда-то очень, и до сих пор это осталось.

Ерофеев. Из русских писателей кто вам близок — Набоков, Платонов?

Лимонов. Набоков мне не очень импонирует. Единственная книга, которая действительно очень здорово написана,— это звучит банально, но это «Лолита». Платонов мне очень нравился в свое время. У него нет продолжения — уж очень он сам оригинален и поэтому даже сам себя стал пародировать в конце концов. Я не люблю ни «Котлован», ни другие повести, куда больше нравятся его рассказы.

Ерофеев. А Джойс, например?

Лимонов. Ну, знаете, Джойс — это как бы обязательно для всех. Я его читал когда-то еще по-русски, отрывки из «Улисса» в «Интернациональной литературе» довоенной. Позднее читал по-английски, но он на меня уже не произвел большого впечатления. Может, потому, что я сам не модернист...

* См. «Огонек» № 31, 1989.

Ерофеев. Не модернист, не реалист... кто вы?

Лимонов. Я никогда не пытался думать об этом и определять себя. Наверно, постмодернист. Это такой общепринятый термин.

Ерофеев. У вас есть определенная репутация скандалиста. Вы ее поддерживаете? Или приобрели ее случайно, того не желая?

Лимонов. Я ее приобрел совершенно случайно, не сознавал этого какое-то время. Теперь сознаю, и трудно сказать, культивирую я это или нет. Меня часто толкают на это не люди, а обстоятельства.

Ерофеев. А вы сами для себя в душе скандалист? Когда речь идет о романе, который вас наиболее характеризует как писателя, что вы можете назвать — «Это я — Эдичка»?

Лимонов. Это первый мой роман, да. Вообще первая проза, я никогда до этого прозу не писал. В 1984 году «Интернэшнл геральд трибюн» напечатала большую статью обо мне, и там критик характеризовал меня как писателя, принадлежащего к школе «дёрти реализм», грязного не в смысле грязного, а как определение. Этим сказано все. Школы как таковой нет, конечно. Есть какое-то количество писателей, которые пишут так. Я очень часто менял маски и не стеснялся их менять, не боялся вдруг совершить еще одну метаморфозу и появиться в другой маске. Я вышел из одной книги и вошел в другую... Я написал сейчас книгу рассказов «Чужой в незнакомом городе».

Ерофеев. Старая идея «стиль — это человек» применительно к вам не работает, у вас много масок — столько, сколько людей населяют вас. Поэтому вы можете кочевать от одного стиля к другому.

Лимонов. Я думаю, да. Но все равно это скрепляется мной самим. Это мое видение вещей. Оно практически неизменно через многие книги. Я не мизантроп. Я к людям отношусь... хорошо, я бы не сказал, но я от них не ожидаю ничего хорошего. Поэтому когда что-то происходит хорошее, меня это очень удивляет, и я этому очень радуюсь. У меня какой-то спокойный цинизм по отношению к людям. Сказать, что я их не люблю, нельзя.

Ерофеев. Вы религиозный человек?

Лимонов. Верующий, наверно, но не религиозный. Скажем, не последователь какого-то культа. Христианство — нет. Христианство — религия, прибывшая в русские снега с Ближнего Востока совершенно неизвестно по какому поводу. Кстати, одно из несчастий России, по-моему, в том, что религию в свое время выбрали не ту. А для себя я бы выбрал скорее буддизм.

Ерофеев. Вы рассматриваете себя как преуспевающего писателя на Западе?

Лимонов. Безусловно. Не столько в смысле денег, сколько добившегося определенного места, и не просто места этнографического — балбеса русского, диссидента, играющего на определенной ноте, которого послезавтра выбросят в архив, как только сменится обстановка. Например, диссидентская литература была в моде с начала 70-х до начала 80-х. Теперь в моде русская литература, но я, слава Богу, удержался вопреки всем этим модам как просто писатель. И лучшая похвала, на мой взгляд, была напечатана в журнале «Экспресс», когда вышел мой первый роман: «Наконец-то у русских появился нормальный писатель». Что мне очень польстило, при всей обычности формулировки. Именно не антисоветский, не просоветский, а просто нормальный писатель, которого можно читать, и все.

Беседу записала Елена ВЕСЕЛАЯ.

Эдуард ЛИМОНОВ

ДНЕВНИК НЕУДАЧНИКА, или СЕКРЕТНАЯ ТЕТРАДЬ

отрывки

«Среди других народов поселяются обычно неудачники. Великое и отважное племя неудачников разбросано по всему миру. В англоязычных странах их обычно называют «лузер» — то есть потерявший. Это племя куда многочисленнее, чем евреи, и не менее предприимчиво и отважно. Не занимать им и терпения, порой целую жизнь питаются они одними надеждами...

Следует отметить одну характерную особенность — мужчины и женщины этого племени, добившись успеха, с легкостью отрекаются от своих, перенимают нравы и обычаи народа, среди которого к ним пришел успех, и уже ничто не напоминает о том, что некогда принадлежали они к славному племени неудачников...»

Из Британской энциклопедии

Если целый день писать, а под вечер включить все две лампы в каморке, вылезти на узкий балкончик отеля и поместиться там, максимально отклонившись к улице и к небу — то можно видеть со стороны: как бы ко мне люди пришли, как бы праздник. Еще если стаканов на стол наставить.

А люди где? Ну, они слева и справа, так вроде сидят, что из окна не видно, взор не досягает...

СНЕГ

Утром шелестение. Снег. Сквозь полуприкрытые веки, без очков, близоруко из одинокой постели в отеле с тревожным вниманием — снег.

Вдруг почему-то вспомнил он двух своих жен. С одною смотрел из окна, молодой, двадцати двух лет был,— пышно и томно целуясь. Пышная была женщина, томная. Смотрели в снег. Запах каких-то духов, октябрьско-ноябрьская пластинка и грусть. Со второю неоднократно тоже в открытое окно — снежинки волосами и губами ловя. Как был счастлив!

Беспорядочное движение. Вместо чтения со словарем умной американской книги, полезной для его честолюбия,— битый час глядит в окно и вспоминает школьные знания. Какой высоты облака, может, от ветра зависят. А над Атлантикой тоже? Тает в воде? Пусто. Бедные рыбы! Холодно. Бедные мертвецы в земле. Бр-р! С испугом оголив руку. Не дай Бог умереть зимой. Снег. Очевидно, на весь день.

Идти некуда. Не ждут родители — их нет. Не ждут друзья — их нет. Не ждет любимый или любимая — таковых нет. Не ждет работа — ее нет — она со мною слилась. Не ждут собутыльники — пить перестал. Горько. Зачем вообще вставать из постели.

Самое смешное, что он идет снизу тоже.

Закрыв глаза челкой, тихо качаясь, поглаживая сквозь брюки бесполезный член.

Была одна. Страшненькая. Звонил ночью, приходил к ней. Набрасывался прямо у двери. Была в восторге. Запросилась встречаться днем. Сказала, что любит. Вот все и сгубила. Утром медленно пел в американской комнатке с Бердслеем Ив Монтан. Ночью-то было куда лучше. Не раздеваясь, в пальто, прямо на полу.

«Стравберри джем» — 1 доллар 79 центов. Утром тост — масло и джем. Приятный запах поджаренного хлеба. Зачем мне все это — Эдуарду Вениаминовичу — сыну Вениамина Ивановича, крещенному по православному обряду, родившемуся в 1943 году.

Возьму нож и сижу-гляжу. Часами, бывало, глажу, а если выпью немного — целую. Что хочу — чему молюсь — неизвестно. А то перед зажженной свечой молюсь Иисусу Огненному о любви. Иисусу молодому — дай любовь!

В сущности, ни одной молитвы до дела не знаю, и в этих делах плохо разбираюсь.

Девочка также была одна. Дочь известного человека. Интересовала девочка. Впервые за долгое время. Знал — влюбился, ибо стал очень глуп. Разница — пятнадцать лет, всего четыре встречи, два поцелуя — жалкая арифметика. Телефон — чудовище. Родители — мешающие, она сама — малозаинтересованная. Разными темпами миры у нас двигались. В ее возрасте все сонно и еле-еле. В моем — бешеное кружение. В случае с этой девочкой ничего неизвестно — и не оборвалось, а так — затерялось где-то в телефонных проводах, запало в какое-то углубление, в канавку, и лежит. Оно.

Снег движется теперь не так плотно, между снежинками больше воздуха, изменилась их форма. При свете в моей комнате и при двух пятнышках на моей левой контактной линзе я как бы погружен в сумрак египетский, в лазаретное освещение, в полутот свет.

На мне китайская лилового шелка блуза. Подобрал я ее в каком-то подъезде на полу. Даже не стирал — чистая была. Не то пьяный оставил, не то переборчивый выбросил. Пришлась впору. Люблю. Шелк потом. Шелк нравится.

...От хорошего всегда бегу.

Конфетку что ли скушаю. Купил вчера русских конфеток на Первой авеню в даун-тауне. Для себя бы стараться не стал. Девушка одна — дочь алкоголика и убийцы — появилась, для нее купил, конфеты любит. Нюшкой я ее про себя прозвал, вместо ее американского имени. Я, говорит, до этой жизни была религиозной проституткой в Греции. И кошкой еще она была. Укатила в Орлеан. Всего два раза и виделись. Сны ей снились, последний — что ее семь человек изнасиловали. Красивая.

Еще одна была 24 часа. Маленькая, в чем душа держится. Тянет в постель — мне смешно. Затащила. А легла — грудка белая, женщина двадцати лет, да какая. Сидели в «Джоннис дэй» — ресторанчик в Вилледже, вино пили. Люблю, говорит, тебя — свой ты мой — единственный. Вернулись, легли, а до самолета (улетала она) — два часа только. Как зверюшки — не растащить нас, еле расстались...

Пристрастие к белому. Четыре пары белых брюк — и все мало. И зимой в белых брюках хожу. Однажды в дождь, на грязном в ап-тауне Бродвее, ночью полупьяный русский интеллигент сказал мне восхищенно: «Ты как луч света в темном царстве. Вокруг грязь, а ты в белых брюках прешь, ошарашиваешь собой. Правильно!» Комплимент сделал.

Снег уже еле видим. Горизонтально-быстрый, мелкий. Через день у меня рождение. День моего рождения. Я проведу его один, изощренно что-либо сочиняя, питаясь мясом и вином. А потом пойду на Восьмую авеню и выберу себе проститутку. Недорогую. По-видимому, белую. Полукрасивую-полувульгарную.

Снег кончился. Постель моя, аккуратная, впрочем, имеет в своем облике какой-то изъян, неполноценность. Глядя на нее со стороны, я это понимаю, только объяснить невозможно.

А сейчас загремел гром. То вдруг все освещается, то затемняется.

Если выйти из отеля около часу дня. И пойти по любой авеню в даун-таун, то постоянно будешь идти в солнце. И это тепло, даже если февраль.

Иногда даже в глазах очень богатых людей, чаще женщин, я вижу дикую грусть. Они воспитанны, прилежны, никогда не скажут, не нарушают. Но тут мне хочется обнять иссохшую старуху — бывшую красавицу,— прижать ее седую голову к своей груди и гладить по снежным коротким волосам, говоря:

— Ну что, моя маленькая, ну успокойся. Ну, ничего.

Ну пусть так, ну что делать! Успокойся!

Маленькая моя!

Я помню какие-то имена.

Особенно Манфред и Зигфрид.

Я не знаю, откуда они пришли, но они есть во мне —

эти имена.

Манфред сидит на берегу — Зигфрид купается в озере.

— Красивые белые кувшинки,— говорит Манфред.

— Я не знаю, куда плыть! — кричит Зигфрид.

— Плыви на мой голос! — кричит Манфред.

Зигфрид выходит из воды. Манфред набрасывает на него какую-то ткань и его вытирает.

Вытирая, он целует его одновременно.

Спускаясь с поцелуями по чистой коже Зигфрида, на полурасстоянии от земли он находит нечто. Губы его останавливаются в этом месте.

Музыка леса сопровождает затянувшееся свидание.

Что бы они потом ни надели — какие бы наряды.

Подадут ли карету или сядут в автомобиль.

Я люблю вечернее небо. Сужающийся летний вечер.

Тихую тоску собственной прошедшей юности.

И неожиданно Вас — мой милый друг.

Мой бледный, цветочный, танцующий друг.
Огородики Нижнего Ист-Сайда. Репа и морковь.
В Гарлеме зацветает чеснок.
На Пятой авеню роняет свои плоды на землю помойное дерево.
Ветер трясет золотые заболоченные бамбуковые рощи
Вест-Вилледжа.
Поют птицы, летают стрекозы.
Мистер Смит и мистер Джонсон шагают по размытому
левому берегу Бродвея в резиновых охотничьих сапогах.
Время от времени Смит вскидывает ружье и стреляет в выпархивающую из зарослей утку.
Самое оживленное место — где еще сохранилась табличка «Вест — 49-я улица» — в этом месте единственная переправа через Бродвей.
В развалинах на берегу меняют дичь на кофе и сахар, пушнину — на кости и рыбу и продают одежду, в которой большая нужда.
Апрель. Хорошо. Воздух-то какой.
Наконец-то можно согреться. Обитатели некогда Великого города, почесываясь, греются на солнце.

В Нью-Йорке почти мертвецов не видно. Ухитрились их из жизни незаметно изымать. В домах трупы, кажется, не держат, друзьям для прощания не выставляют. Однако как бы части жизни лишены этим.

А помню, в Москве комнату снимал. Иду домой как-то, а там свет ночью. Необычно. Простые люди — соседи-рабочие всегда спят в это время. Вошел — стало понятно. «Толик-то наш отмучился!» — бабка-соседка говорит Сосед-слесарь, 44, хрипевший за стеной от рака желудка, наконец покинул сей мир. «Иди, погляди! — потащила меня бабка,— мы уже его сами и обмыли, и одели».

Я пошел, я как они, русский человек к смерти с почтением.

Лежит на столе в черном костюме, только без туфель, в носках. «Потрогай — ноги уж захололи»,— говорит бабка — она пожала рукой его ступню в носке. Потрогал и я — холодная.

Вещи слесаря Толика по обычаю роздали. И мне достались две белые рубашки и почти новые кожаные перчатки. Большое только все. Крупный мужик был. Я их кому-то отдал. Кажется, художнику Ворошилову.

Интересно, а счастливы ли Даяна фон Фюрстенберг или Джекки Онассис? Из журналов этого не узнаешь, из ТВ не увидишь, сами они этого не расскажут. Как-то показывали обезьян по ТВ. В Африке изучают их любознательные японцы.

Обезьяны выглядели счастливыми, но потом один лысый мужчина-обезьян устроил такую яростную истерику, что я изменил свое мнение. Лес, наверное, тоже осточертел. Все стволы, да стволы. А вот лежат они хорошо. Дети, девочки, самки взрослые — кто кого поглаживает, кто еще что делает во взаимной ласке. Это бы у них перенять.

Я никогда не встретил человека, перед которым мог бы стать на колени, поцеловать ему ноги и ниц преклониться. Я бы это сделал, я пошел бы за ним, и служил бы ему. Но нет такого. Все служат. Никто не ведет. Новой дорогой никто не ведет.

Никого нет на дороге.

Чистый двор вижу. Молодых людей вижу, мужчин, женщин. Сидят по-восточному, поют, друг друга касаясь и покачиваясь согласно. «Боишься ли ты воды?» — спрашиваю себя, проснувшись. «Я ее давно уже не видел»,— отвечаю себе.

В чистый двор бы, к тем людям, не важно во что одетым, не важно — мало ли, много едящим, но с ними,— руки других чувствовать, без злобы вместе быть.

Купите мне белые одежды! Дайте мне в руки огонь! Обрежьте мне воротник. Отправьте меня на гильотину. Я хочу умереть молодым. Прекратите мою жизнь насильственно, пустите мне кровь, убейте меня, замучайте, изрубите меня на куски! Не может быть Лимонова старого! Сделайте это в ближайшие годы. Лучше в апреле — мае!

В туманные весенние дни наш Нью-Йорк необыкновенно прекрасен для одинокого человека.

В таком тумане хорошо искать тюльпаны на вершинах небоскребов, мило и одиноко перелетая с крыши на крышу на домоседланных шелковых крыльях.

Вчера идет черный по Бродвею и меланхолически произносит: «Я люблю Кинг-Конга... Я люблю Кинг-Конга... Я люблю Кинг-Конга...»

Я ему улыбнулся. И он улыбнулся. Как заговорщики, переглянулись.

Мы-то знаем. И не в большой обезьяне дело.

Вчера же еще одного своего встретил. Он, согнувшись, жестом артиста предлагал автомобилю передвинуться. Белый, высокий, смешной. Этот сам мне так улыбнулся. Отец мой мне так не улыбался. Свой — ясно.

Два за день — не так плохо.

Парикмахер Жюль, коллекционер марок Серж и я как-то само собой подружились и образовали компанию. Сплотила нас страсть к общим полетам на закате дня. Часто в безоблачную погоду Вы можете нас увидеть парящими над ближними холмами и озерами близ городка Сент-Поль — мы возлежим все трое в воздухе над большой сосновой рощей к юго-востоку от Пиэрии и вдыхаем ароматы.

Порою мы устаем. Больше всех достается парикмахеру. Он толстый, и чтобы не отстать от других, энергично машет руками и ногами — загребая широко и неуклюже. Потеет, бедный. К тому же он женат.

Хорошо в мае, в замечательном влажном мае быть председателем Всероссийской Чрезвычайной комиссии в городе Одессе, стоять в кожаной куртке на балконе, выходящем в сторону моря, поправлять пенсне и вдыхать одуряющие запахи.

А потом вернуться в глубину комнаты, кашляя закурить, и приступить к допросу княгини Эн, глубоко замешанной в контрреволюционном заговоре и славящейся своей замечательной красотой, двадцатидвухлетней княгини.

Когда-то садился на велосипед и плакал. Хмурое черное небо, апрельский полдень.

Грустно и тогда, когда в марте — апреле нет денег и идет снег.

Как сейчас. И облупленные здания Бродвея в окне, и ты переселился — четвертый день живешь в грязном отеле один, уже второй год без любви. И двадцать пять центов на телефонные звонки. А еще грустнее, когда тонкотонко потянет горячим железом от внезапно затопленного радиатора. И как расплачешься тогда...

Сухо щелкает утюг, идет длинный снег. О, какая отрава эти весенние дни! И не прижмешься щекой к телу своего автомата. А ведь легче бы стало.

Морда у нашего Лимонова широкая. Фигура стройная — солдатская. А на старых фотографиях гляделся как Иисусик. Хлюпик, знаете ли. Интеллигент. Поэт. «Поэт со стеклянными крыльями», как один старый мудак о нем пренебрежительно отозвался.

Теперь над теми фотографиями Эдуардо раскатисто смеется.

Нож у меня всегда в кармане. Иду по улице, а он в кармане раскрыт, лезвие могу погладить, домой прихожу — сажусь за стол — два ножа у меня на столе лежат,— когда пишу чего, машинально ими играюсь. Спать ложусь — еще один нож — главный, самый большой под подушкой у меня,— так что вся жизнь ножами окружена.

Не столько для сохранности, что с ножом против этого мира сделаешь, сколько для удовольствия нож видеть и щупать. Револьвер другое совсем дело — револьвер только решения требует, нож же храбрее.

А если рассуждать прямо, был я и остался преступный парень с рабочей окраины: чуть что — за нож. Как взгляну на фото, где мне девятнадцать — кривая усмешечка, жестокие глаза и губы — носа постановка — сразу и понятно — потому и нож. А Вы говорите...

Разве я изменился? Очки надел, да волосами оброс.

Предки мои, очевидно, землю любили. Как весна — так тоскливо, маятно, пахать-сеять хочется, землю рукою щупать, к земле бежать. А ведь был бы я наверняка мужик хозяйственный, строгий. Бабы любили бы и боялись, сыновья и соседи. Округа. Богатый бы, верно, был. Два раза в год бы только и напивался, для порядку. Чего ж судьба меня в Америку, в отель на Бродвее завела.

Вечер. Проститутки облизывают губы. Я облизываюсь на них исподтишка, делая впрочем вид, что они меня не интересуют. У меня шестьдесят центов в кармане и только. И мне почему-то кажется, что я древний египтянин. И влечет меня синяя бездна ночи, и как зачарованный не отвожу воспаленных глаз от проституток — не отвожу, щупаю взглядом их ноги, слежу за их синими языками. Люблю, значит, порченое, подгнившее. Так выходит.

Дома. Возбужден. Сейчас выброшу старые штаны, привезенные еще из России, ну их на́. Все-таки действие.

Была невероятная гроза. Он выключил свет — лег загорелый и голый в постель, забился в самый угол и с удовольствием лежал. Окна были открыты, из Нью-Йорка приносило запах свежей зелени и дождя. Он впервые почувствовал острое удовольствие от того, что одинок, что отель, где он живет,— дешевый и грязный, что населяют его алкоголики, наркоманы и проститутки, что он не работает и живет на нищенское стыдное пособие по социальному обеспечению, но зато целыми днями гуляет.

Гроза неотразимо доказывала, что и в этом состоянии он счастлив. И он лежал, улыбался в темноте и слушал грозу, время от времени поднимаясь и в нее выглядывая.

Я всегда был бедным. Я люблю быть бедным,— это художественно и артистично — быть бедным.— это красиво. А ведь я, знаете.— эстет. В бедности же эстетизма хоть отбавляй.

Иногда мне кажется, что я ем голландские натюрморты. Не все, конечно, но те, что победнее,— ем. Вареная неочищенная холодная картофелина одиноко и сладостно лежит на бледном овальном блюде, соседствуя с куском серого хлеба и неожиданно, безобразно зеленым луком и искрящейся солью.

Не поэт сожрал бы это на газете, впопыхах, грязными пальцами.

И не эстет так сожрал бы.

Я — употребляю вилку и нож — не тороплюсь, и потому трапеза моя похожа на удивительно красивую хирургическую операцию. Красивую и точную, только с тем различием, что операции проводятся в других тонах. У меня более приглушенные и туманные.

Я очень люблю быть бедным. Полдня решать — пойти ли в кинотеатр «Плейбой» на два фильма за один доллар, или фильмы недостаточно хороши, чтобы тратить на них так много. Или идти голодным где-нибудь в Вилледже, где из-за каждой двери тебя обдает новым особым запахом.

Я так люблю быть бедным — строгим, чистым, опрятным бедным тридцати четырех лет мужчиной, в сущности, совершенно одиноким. И люблю мою тихую грусть по этому поводу. И белый платочек в кармане.

Хочется написать о бархате и его тонах.

О дыме марихуаны, обо всех других дымах. Об утренней лиловой траве — ее заметил шофер, который привез труп в усадьбу для «медицинских целей».

Хочется испытать ощущения Елены, после того как она изменила своему мужу Эдуарду Лимонову и шла домой по Нью-Йорку, и садилось в это время солнце.

Хочется ворваться в зал Метрополитен-опера во время премьеры нового балета и расстрелять разбриллиантенных зрителей из хорошего новенького армейского пулемета. А что делать — хочется.

Ну я подавляю, подавляю их — желания. Не очень-то получается.

ДЛЯ ШЕПОТА С ОРКЕСТРОМ

Я целую свою Русскую Революцию
В ее потные мальчишечьи
русые кудри,
Выбивающиеся из-под матросской
бескозырки
или солдатской папахи,

Я целую ее исцарапанные русские
белые руки,
Я плачу и говорю:

«Белая моя белая!
Красная моя красная!
Веселая моя и красивая —
прости меня!

Я принимал за тебя генеральскую
фуражку грузина,
Всех этих военных и штатских,
Выросших на твоей могиле.—
Всех этих толстых и мерзких
могильных червей.
Тех — против кого я. И кто против
меня
и моих стихов!

Я плачу о тебе в Нью-Йорке. В городе атлантических сырых ветров. Где бескрайне цветет зараза. Где люди-рабы прислуживают людям-господам, которые в то же время являются рабами

А по ночам. Мне в моем грязном отеле. Одинокому, русскому, глупому. Все снишься ты, снишься ты, снишься. Безвинно погибшая в юном возрасте — красивая, улыбающаяся, еще живая. С алыми губами — белошеее нежное существо. Исцарапанные руки на ремне винтовки — говорящая на русском языке — Революция — любовь моя!»

Сука я. И грустно мне, что я сука и никого уже не люблю. И не оправдание это, что любил. Курю и думаю упорно: «Сука, сука, точно что сука». И гляжу грустно в окно на почти итальянские облака над небоскребами. Кажется, кучевыми называются.

Роскошное летнее утро на Ист-Ривер. Я, сидящий на скамеечке в миллионерском саду, которому завидует молодой итальянец — дорожный рабочий, глядящий в недоступный сад через высокую решетку. Вот, думает,— сидит богатый парень и кофе на солнышке пьет. Ишь ты, думает,— падла — рано поднялся, в восемь часов утра на воду смотрит.

А я-то не по праву сижу в миллионерском саду. Не по праву незаработанный кофе пью, на чужую траву босые ноги поставил, изредка тела рядом сидящей девушки двадцати одного года касаюсь. Приблудный писатель, непутевый иностранец, клиент FBI, с опасными идеями поэт. Любовник миллионеровой экономки.

Разбей только стекло. И заскочи в магазин.

Возьми все, что ты хочешь. Костюмы, эти прелестные трости, трогательные мягкие шляпы, лаковые ботинки и ласковые шарфы. Лавируя между цветами, задевая плечами листья пальм, отыщи вначале легкий, крепкий и изящный чемодан и складывай все вещи туда. В конце концов цинично нацепи темные очки, прикрой кудри шляпой и разбитной походкой вынырни из витрины. И пусть воет эта гадкая сирена. Очень вероятно, что ты успеешь уйти. Только не суетись.

Утром уже в каирском аэропорту — пей турецкий кофе — принюхивайся к нему и свежему сигаретному дыму, и нахально гляди в дам. А девочки этих дам от твоего сорокалетнего взгляда тихонько писают в нижние штаны.

Распахнуть грудь. И — мамочка! Ленка! Родители!.. «Стреляйте, гады! — ласковые мои!» На яростной земле с мягкими боками. Блаженное и важное дело смерть. Руку протянет: «Идем, Эдинька!» — взахлеб. И косой дождь вспомнишь на углу Петровки и бульвара. И мамочка! Ленка! Родители! Анна!.. На чужой своей латиноамериканской земле. Грудью.

За тоску отельную, за одиночество полное, за собачье дерьмо под дверью, за одинокий телевизор всю ночь, за недоступных благоухающих красавиц, встреченных на улице у дорогих магазинов, за жизнь без улыбок, за все другие прелести, с миром рассчитаться хочется сполна.

И не так, что взял ружье, на крыше засел и прохожих стреляешь. Они не виноваты — сами жертвы. А вот систему эту с грохотом обрушить, камня на камне не оставить — все учреждения раздавить до боли в желудке хочется. Как по свежей весенней травке босиком походить.

И чтоб никто перед другим преимуществ материальных не имел. И чтоб ни актеры, ни певцы, ни президенты больше других людей не имели. И деньги эти отвратные уничтожить все. И банки сжечь дотла. И уйти из Вавилона этого, пусть травой порастет, обвалится, разрушится, и океан его пусть слижет.

Когда видишь утварь умершего человека, то понимаешь, как глупо все это заводить. Штуки и штучки, вещи и вещички, журналы и журнальчики — все осталось, и многое вышвырнуто на улицу — пошло в мусор.

Рис. Левона ХАЧАТРЯНА.

Самое ценное взяли наследники — а вот эти письма не взяли. Письма с расплывшимися словами. От любимой женщины. И только любопытный грустный парень вроде меня станет у открытого мешка с мусором и эту чужую золу перебирает.

А то еще брюки и пиджаки мне с одного аукциона, от мертвых оставшиеся, приносят задаром. И долго я над ними размышляю. Потом перешиваю, конечно.

Из всех моих собираний цветов ярко помню одно — в коктебельских горах.

Ранним утром ушел сразу после дождя собирать дикие тюльпаны. Добрался до нужного места в облаках, и только в просветах облаков умудрялся выуживать из густой, темной, мокрой травы цветы. Не успокоился, пока в руках не был тугой свежий сноп. Был счастлив. Во всех горах никого. И едва видишь тропинку в пяти шагах. Чертов палец — скала, тоже в тумане, как ее и не было.

Когда вернулся — любимая еще спала. Поставил тюльпаны в воду — во многие вазы и улегся к любимой. Опять пошел дождь... И все это, увы, уже было.

Счастье — это то состояние, когда ты можешь любить настоящее. Не прошлое, не будущее — но настоящее.

Покидая женщину, которую я не любил, на углу, на ветру, в слезах, выбежавшую за мной даже без обуви, я почти плакал сам. (Это та, миллионерова экономка.) Но ушел все же грубо и зло, с нежными и жалкими мыслями о ней внутри.

Дойдя до Второй авеню, вдруг не выдержал и разрыдался под ужасный свет автомашин, сворачивающих направо, натянув свою кепку глубоко на брови. Оставленная своей раненой позой и несчастьем напомнила мне маму, робко махавшую мне в харьковском аэропорту, единственному сыну, уезжавшему навсегда, которого она больше никогда не увидит. Боже, как я жесток!

Что нас гонит, почему не сидим мы с любящими нас в тепле, заботе и счастье. Прости меня Христа ради, экономка,— а?

Помню, в далекие годы под вечер ехал на подводе в Сумской области. Лошади весело бежали, молоко в бидонах поплескивало. Было мне двенадцать лет, и в двадцатилетнюю студентку Нину был я как бы влюблен. Гостил я у нее — спал с ней в небывалую жару на полу большого деревянного дома. От жары на полу спали.

Спала она со мной в кружевной рубашке и чувствовал я что-то странно беспокойное. Обнимала меня во сне скользким телом. И ревновал я ее к молодому мужику с чубом, трактористу, кажется, и помню комары меня изуродовали, когда я черную смородину, в болоте по колено, голоногий собирал, упорно озлившись и сбежав от них в болото. К ночи только и откликнулся.

Мычали коровы, грозил рогами бык, падали и вздымались пейзажи, вечерами за камышовым озером орала украинская песня, студентка Нина и тракторист, наверное, ненавидели меня в это лето.

И помню августовский покос, и как мы ехали на волах, везя необъятное чудовищное сено, и парни-кобели изощрялись в ловкости, забрасывая последние скирды к нам — к Нине и мне наверх. Цоб-цобе! И синие мухи у воловьих хвостов и после изнемогающий хрустальный вечер.

И помню хутора в вишнях, окруженные гречишными полями.— Вы когда-нибудь ехали через гречишное поле? — О, о чем же мне с вами говорить, если вы никогда не ехали на телеге через гречишное поле... Из хуторских зарослей выходили деды в соломенных брылях — зазывали к себе в прохладные чистые хаты и потчевали медом и теплым хлебом — все то, от чего сходят с ума здесь, за океаном, седые украинские националисты и сто раз за ночь переворачиваются в кровати. «Ще не вмерла Украина» и никогда не умрет, пока такие люди, как мистер Савенко (это моя настоящая фамилия), мутят воду на этой земле. Хоть я и не украинский националист.

Электрический стул это неприятно и больно, и живот схватило, как перед экзаменом в школе, но ненадолго это. Плохо только, что по ТВ не показывают, вопросов перед уходом в тот свет не задают репортеры, что слишком тихо, чисто и наверное от искусственного света светло.

Легко и свою собственную смерть на стульчике этом вообразить — заплаканную маму, привезенную из Москвы в 1990 году (не дай-то Бог!) — одну из жен — какую — неизвестно, какая окажется, обритие затылка, вонь казенной рубахи,— интересно, их стирают, или богатая Америка выдает всякий раз новую? Говно все-таки смерть на электрическом стуле.

В полевых условиях куда лучше — бултых в пахучую траву и что-нибудь изящное успеваешь часто перед смертью приятелю сказать, а то, глядишь, и подругу по личику погладить успеешь.

Всегда какие-то дяди в секретных неизвестных кабинетах решали... социальную судьбу мою. Потому я до сих пор неудачник, что не принимали эти тайные суки — решатели судьбы, мне неизвестные, меня в племя удачных. В России — одной стране света — так было, и в Америке — другой стране — так есть.

Сейчас в глубинах массивного издательства, многоэтажного, коричневого — Макмиллан — какие-то американские мужики и бабы решают судьбу моего романа «Это я — Эдичка». Они чешут лбы, или смеются, надевают и снимают галстуки, чешут ноги или зад, поправляют очки, черкают карандашом в блокноте, курят и пьют кофе. Их тайное, неизвестное мне заседание чем закончится?

И что это их будущее решение имеет общего с моей действительной талантливостью и ценностью в мире? А одна баба, по имени Катя, среди них за меня, до самого последнего времени была за меня, как я слышал. Она хочет принять меня в племя удачных. Скушное, честно говоря, племя.

Только я жутко и клятвенно пообещал себе, если даже примут, навсегда остаться тайным неудачником, втайне соблюдать наши обычаи и обряды, разделять наши восторги и страхи.

НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ ХРУЩЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Сын Политбюро (Василий Сталин и Н. С. Хрущев)

СЕМЬЯ СТАЛИНА

Характер Сталина был крутой, нрав — грубый. Правда, грубость эта не всегда отражала его злобность и его отношение к человеку, к которому она проявлялась. Это была какая-то врожденная грубость, хотя, видимо, так не бывает, это результат воспитания, результат влияния среды. Эту его грубость я на себе много раз испытывал.

Вообще-то Сталин ко мне хорошо относился. Если бы Сталин ко мне плохо относился, питал бы какое-то недоверие и подозрение, то он имел возможность со мной расправиться так же, как он расправлялся со всеми неугодными.

Хотя он и написал мне грубейшую телеграмму по поводу заготовки хлеба после войны, где говорил, что я сомнительная личность, но он со мной не расправился. Ничто не ограничивало его применить и ко мне ту же меру, с которой он подходил к другим.

Это говорило о том, что мне он доверял и, я бы даже сказал, что он ко мне относился с уважением. Не раз после грубости и злобности он как-то выражал свое расположение. Но боже упаси, чтобы это было какое-то извинение или прочее. Нет, эта форма была чужда его характеру. Повторяю, он был человек очень грубый и оскорбления позволял себе по отношению к самым близким к нему людям.

Я хотел бы в подтверждение этой черты его характера рассказать такой эпизод, который пришел мне на память.

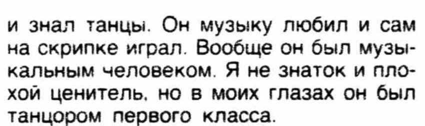
Это уже было, наверное, в последний год его жизни. Мы собрались у Сталина. Он пригласил нас всех встретить Новый год у него на ближней даче. Чего-либо особенного в этот Новый год, когда мы собрались, по сравнению с другими вечерами, которые мы у него проводили, не было. Был тот же состав людей, но внутреннее состояние было повышенное.

Новый год! Еще один год побед и успехов мы отсчитали!

Обедали, закусывали, пили. Сталин был в хорошем настроении и поэтому сам пил много и принуждал других. Изрядное количество выпили вина.

Сталин подошел к радиоле и начал ставить пластинки. Слушали музыку, русские песни, грузинские.

Потом он поставил танцевальную музыку, и начали танцевать. У нас единственный был в это время признанный танцор — Анастас Иванович Микоян. Все его танцы походили один на другой: и русские, и кавказские, все они начало свое брали с лезгинки. Он танцевал, потом Ворошилов танцевал. Танцевали все. Я никогда ног не передвигал, из меня танцор «как корова на льду», но я тоже танцевал. Каганович

танцевал. Он тоже танцор не более высокого класса, чем я. Маленков тоже такой. Булганин когда-то танцевал, видимо, в молодости. Он русское что-то вытаптывал в такт. Сталин тоже танцевал — что-то ногами передвигал и руки расставлял. Тоже, видимо, человек никогда не танцевал. Я бы сказал, что настроение было хорошее. Я не хотел танцевать не потому, что чем-то был связан, а просто я никогда не танцевал и не умел танцевать. Если бы умел, я бы тоже Микояну компанию составил.

Молотова в это время с нами не было. У нас Молотов был танцором городским. Он воспитывался в интеллигентной семье, потом студентом был. На вечеринках он бывал студенческих и знал танцы. Он музыку любил и сам на скрипке играл. Вообще он был музыкальным человеком. Я не знаток и плохой ценитель, но в моих глазах он был танцором первого класса.

Пели, подпевали пластинкам, которые заводил Сталин.

Потом появилась Светланка. Я не знаю, вызвали ли ее по телефону, или она сама приехала. Она приехала и попала в стаю людей немолодых, мягко говоря. Приехала трезвая молодая женщина, и Сталин ее сейчас же заставил танцевать. Она уже устала, я видел, что она еле-еле танцует. Отец требует, а она уже не может танцевать. Она встала, к стенке плечом прислонилась и стояла около радиолы. К ней подошел Сталин, и я тоже подошел к Светланке. Стояли мы вместе. Сталин пошатывался.

Он говорит: «Ну, Светланка, танцуй. Хозяйка, танцуй».

Она говорит: «Я уже танцевала, папа. Я устала».

Он ее взял пятерней за волосы, за чуб и подтянул. Я смотрю, у нее уже и краска на лице выступила, и слезы появились на глазах. Мне так было жалко смотреть, так жалко было Светланку. А он потянул ее и дернул.

Это было проявление любезности отца к дочери. Безусловно, Сталин очень любил Светланку. Васю он тоже любил, но Васю он и критиковал за пьянство и за недисциплинированность. А Светланка училась хорошо, и поведение ее, как девушки, было хорошее. Я ничего дурного не слышал о ней. Сталин гордился ею и любил ее.

Так он выражал отцовские чувства любви. Он делал это грубо не потому, что хотел грубости и сделать больно Светланке. Нет, это было проявление любезности, но в грубой форме, которая была свойственна этому человеку.

Я заговорил о Светланке потому, что сейчас она несчастна. Я не могу понять, как она решилась на такой шаг, непростительный для советского человека,— оставила Родину, оставила детей, дала повод сплетничать врагам советского строя, врагам социализма и позволила использовать ее имя, имя дочери Сталина, во вред нашей стране, во вред нашему строю.

Она сама написала то, что я слышал по радио и читал в изложении наших журналистов. Конечно, неумная книга, неразумно она написала. Видимо, книга была написана в результате душевного и физического надлома. Я не думаю, что она была религиозна, а там она пишет, как крестилась. Странно. Я никак не могу примириться с этим. Какое-то болезненное явление проявилось в такой форме.

Я с очень большим уважением относился к ее мамаше. Я ее очень хорошо знал. Я с ней учился вместе в Промышленной академии, где я был секретарем партийной организации, а она была избрана студентами групоргом. Поэтому она часто приходила ко мне за директивами и разъяснениями по тому или другому политическому вопросу. Тогда жизнь в Промышленной академии была бурной. Это были 1929—1930 годы. Шла борьба с правыми, а Промышленная академия была засорена правыми, и одно время поддерживала правых неофициально. Потом академия стала твердыней Центрального Комитета, и в этом моя роль была, как говорят в таких случаях, не последняя. А отбрасывая скромность, моя роль была первой. Поэтому меня и выбрали секретарем партийной организации. Я возглавлял группу, которая твердо стояла на позициях генеральной линии Центрального Комитета, которую проводил Сталин.

Это, видимо, и сближало со мной Надю, как мы ее называли. Потом мы ее стали называть Надеждой Сергеевной. Когда мы учились и разговаривали по партийным вопросам, то она ничем не проявляла своей близости к Сталину, она умела себя держать. Когда я стал секретарем Московского комитета и я часто встречался со Сталиным, бывал у него на семейных обедах, то я понял, что о жизни Промышленной академии и о моей роли в борьбе за генеральную линию в академии она много рассказывала Сталину. Сталин в разговорах другой раз мне напоминал о событиях, о которых я уже даже не вспоминал, забыл. Я тогда понял, что это, видимо, Надя рассказывала Сталину.

Я считаю, что это определило отношение ко мне Сталина. Я называю это лотерейным билетом. Я вытащил счастливый лотерейный билет и поэтому остался в живых, когда мои сверстники, мои однокашники, мои друзья, с которыми я вместе работал в партийных организациях, в большинстве сложили головы, как враги народа.

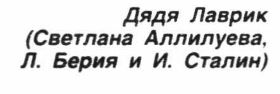
Я сам себе задавал вопрос: «Что же меня пощадило?»

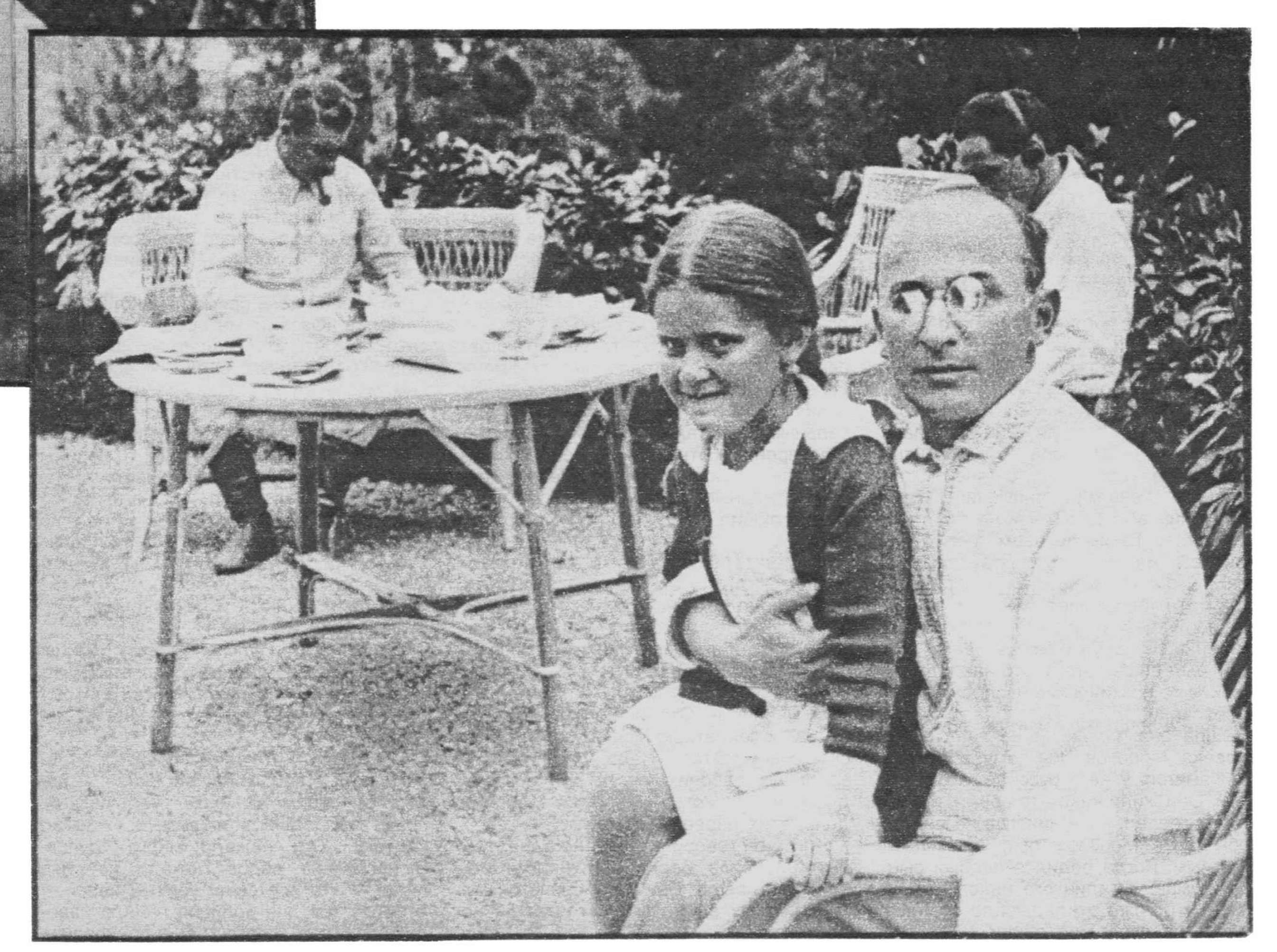
То, что я действительно был предан партии,— в этом нет сомнения, я сам себя знаю. Но те товарищи, которые со мной работали, они так же были преданы партии и такое же участие принимали в борьбе за генеральную линию партии, за Сталина. Но все-таки они погибли.

Сталин наблюдал за моей деятельностью через Надежду Сергеевну, с которой я учился, был на равной ноге. Она видела меня каждый день и с уважением относилась ко мне, к моей политической деятельности. Об этом она рассказывала Сталину, и это послужило Сталину основой доверия ко мне. Другой раз он нападал на меня, оскорблял, делал грубые выпады, но опять возвращался к хорошим отношениям, и до последнего дня своей жизни он ко мне все-таки хорошо относился. Говорить о любви со стороны этого человека — это слишком сентиментально и для него нехарактерно, но он, безусловно, проявлял ко мне большое уважение. Это уважение выражалось в поддержке, которую он мне всегда оказывал.

Я познакомился с Надеждой Сергеевной в Промышленной академии. Потом, когда я уже стал работать в Московском комитете, то неоднократно Сталин приглашал меня на семейные обеды. На этих семейных обедах бывали Сталин и Надежда Сергеевна, как

Снимки из Центрального Государственного архива кинофотодокументов СССР

Дядя Лаврик (Светлана Аллилуева, Л. Берия и И. Сталин)

хозяева, мамаша и отец Аллилуевы — родители Надежды Сергеевны, брат с женой, сестра Анна Сергеевна с мужем Реденсом, который был начальником областного комитета внутренних дел Московской области. Очень хороший товарищ. По национальности поляк. Сталин его расстрелял все-таки, несмотря на то, что он должен был бы знать его и доверять ему.

Обеды проходили, как все семейные обеды. Мне было приятно, что я приглашался туда. Приглашали туда и Булганина.

Сталин всегда говорил: «Ну, как дела, отцы города?»

Сажал он нас рядом с собой и всегда проявлял внимание к нам. Надежда Сергеевна по характеру была другим человеком. Она мне очень нравилась своей скромностью. Это хороший показатель.

Когда она училась в Промышленной академии, то очень мало людей знали, что она жена Сталина. Аллилуева и Аллилуева. У нас еще один был Аллилуев — горняк. Надя никогда не пользовалась доступными ей привилегиями. Она никогда не ездила в Промышленную академию на машине и не уезжала из академии в Кремль на машине. Нет, она приезжала трамваем. Она ничем не выделялась в массе студентов. Ограниченный круг людей знал, что Аллилуева — жена Сталина. Это было умно с ее стороны — не показывать, что она близка к человеку, который в политическом мире среди друзей и врагов считается человеком «номер 1».

Дети.

Вася был хороший мальчик, умный, но своенравный. В ранней молодости он стал пить. Учился он недисциплинированно и приносил много огорчений Сталину. Он его, по-моему, много порол за это и приставлял к нему для наблюдения чекистов, которые следили за ним.

Светланка была другой. Она маленькой, бывало, бегала по дому, когда мы приходили. Сталин всегда называл ее «хозяйкой», и мы ее стали называть «хозяйкой». Одевали ее нарядно. Костюмчик на ней был украинский, вышитая сорочка или сарафан. Прямо как куколка нарядная. Она была очень похожа на мать — волосы темно-каштановые, лицо с мелкими крапинками. Правда, волосы у матери были несколько темнее, чем у дочери.

На наших глазах росла «хозяйка».

Я помню, бывало, когда мы приходили, Сталин говорил: «Ну, хозяйка, угости. Гости пришли».

Она убегала на кухню. Сталин рассказывал: «Когда она на меня рассердится, так говорит: «Пойду на кухню, пожалуюсь на тебя повару».

Сталин говорил: «Я очень ее уговариваю: да уж пожалей меня, да ты уж не жалуйся. мне ведь это так не пройдет».

Тогда она еще настойчивее говорила, что скажет, если с ней так обращаться.

Яша, старший сын от первой жены — грузинки,— уже был человеком взрослым. Он был инженером. Я не знаю Яши. Когда я стал ходить к Сталину, бывал у него на квартире, то Яша заходил туда редко, он жил отдельно. Он имел свою семью, у него, кажется, был ребенок, но я не могу о нем ничего больше сказать, ибо его видел всего несколько раз за семейным столом. Он всегда был один. Никогда при мне он не был у Сталина со своей женой и со своим сыном.

Его Сталин критиковал: «Вот ты получил звание инженера, а нам нужны военные кадры».

Он ему предложил пойти в артиллерийскую академию. Яша ее окончил. Когда началась война, он был в звании полковника и командовал артиллерийским полком тяжелой артиллерии или даже дивизией. Он действовал на Белорусском направлении и там был взят в плен. После войны много было затрачено усилий, чтобы найти какие-то его следы. Мы ничего не могли найти. Видимо, его уничтожили. Он бесследно исчез. Но во время войны немцы много распространяли листовок и открыток с фотографией сына Сталина.

Снимки были такие: Яша гуляет, а на каком-то удалении ходит офицер немецкий. Были и другие снимки. Были даже обращения от его имени. Все это, конечно, было сфабриковано немцами, но не производило впечатления и не вызывало никакого доверия не только у людей, которые знали Яшу, но и у наших бойцов.

Когда Надя покончила жизнь самоубийством, то Вася и Светланка всегда были у нас перед глазами, когда мы приходили на квартиру к Сталину. Я привык к Светланке, привязался к ней. Я к ней относился как-то породительски. Мне ее было в какой-то степени по-человечески жалко, как сиротку. Сталин был груб и невнимателен, у него нежности родительской не чувствовалось. Он если не грубый, то так, сухой, корявый человек. Везде, где повернется, след оставляет неприятный в отношениях с людьми. Задиристый такой у него был характер.

Когда мне недавно сказали, что Светланка уехала в Индию и не захотела вернуться в Советский Союз, я не поверил: как можно? — это, видимо, очередная клеветническая «утка» со стороны буржуазных журналистов. Потом прошел день-два, и уже не было никакого сомнения в том, что она не вернулась.

Мне и сейчас жалко ее. Как это у Некрасова: «Ей и теперь его жалко (о лесе говорит) до слез, сколько там было кудрявых берез». Мне жалко ее. Жалко, что так сложилась ее судьба. А судьба у нее сложная. Она лишилась матери в детском возрасте и воспитывалась сама, собственно, с няней. Отец уделял ей очень мало внимания. Отдыхал Сталин всегда один и не брал детей с собой. Таким образом, она воспитывалась, не чувствуя родительской ласки. Даже животным и тем приятно, когда мать облизывает их на солнышке. Все звери требуют и любят ласку, а на внутреннее содержание человека, который был лишен этого, это накладывает какие-то психические наслоения, как у Светланки.

Вышла она замуж. Я не знал этого человека. Морозов, по-моему, фамилия его. Фамилия у него русская, а сам он еврей. Они жили какое-то время, и Сталин его терпел, но я никогда не видел, чтобы этот Морозов был приглашен Сталиным. Когда родился первый сын, то, я думаю, Сталин его никогда и не видел. Это тоже откладывало свой отпечаток на душу Светланки.

Потом вдруг этот приступ антисемитизма у Сталина после войны. Она развелась с Морозовым. Он умный человек. Мне говорили, что он сейчас хороший экономист, имеет ученую степень доктора экономических наук. Одним словом, он хороший советский человек.

В тот период, когда Сталин потребовал от Светланки, чтобы она развелась со своим мужем, он, видимо, сказал то же и Маленкову. Потому что дочка Маленкова, очень хорошая девочка Воля, еще раньше вышла замуж за сына друга Маленкова — Шамберга. Он очень хороший партийный работник, и я очень высоко ценил этого человека. У Маленкова он работал много лет в его аппарате, и все резолюции, которые поручались Маленкову, прежде всего готовились Шамбергом. Это был грамотный и порядочный человек. Я много раз встречался с Шамбергом у Маленкова. Он мне очень понравился — молодой человек, способный, образованный. Он тоже был экономистом. Вдруг мне сказала жена Маленкова — Валерия Алексеевна, к которой я относился с большим уважением,— умная женщина, что Воля разошлась с Шамбергом и вышла за другого — за архитектора. Я не буду сравнивать, кто из них хуже или лучше,— это ее дело. Жена определяет, какой муж у нее лучше, первый или второй. Я считаю, что и второй был тоже хороший парень. Он был моложе ее на несколько лет, но бросить сына друга Маленкова Шамберга — мне это было непонятно, и мне это не понравилось.

Маленков не был антисемитом, и Маленков мне не говорил, что Сталин ему что-то сказал. Но я убежден, что если Сталин ему прямо не сказал, то, когда он услышал, что Сталин потребовал, чтобы Светланка развелась со своим мужем, потому что он еврей, безусловно, Маленков догадался сам и сделал то же самое со своей дочерью. Сталин, кажется, знал, что дочь Маленкова вышла замуж за еврея. Это тоже проявление такого низкопробного, позорного антисемитизма. Я Маленкову это не приписываю, а это такое холуйское услужение: если Сталин так сделал, то он тоже это сделает. Я считал, что Маленков нормальный, здоровый человек и не болел этой позорной болезнью.

БОЛЬШОЙ НЕДОСТАТОК СТАЛИНА

Вообще большим недостатком, который я видел у Сталина, было неприязненное отношение к еврейской нации. Он вождь, он теоретик, и поэтому в своих трудах и в своих выступлениях он не давал и намека на это. Боже упаси, если бы кто-то сослался на его разговоры, на его высказывания, от которых явно несло антисемитизмом.

Когда приходилось ему говорить о еврее, он всегда разговаривал от имени еврея со знакомым мне утрированным произношением. Так говорили несознательные, отсталые люди, которые с презрением относились к евреям, коверкали язык, выпячивали еврейские отрицательные черты. Сталин это тоже очень любил, и у него выходило неплохо.

Я помню, были какие-то шероховатости, я бы не хотел сказать, волнения, среди молодежи на тридцатом авиационном заводе. Доложили об этом Сталину, и по партийной линии, и госбезопасность докладывала.

Когда сидели у Сталина, обменивались мнениями. Сталин ко мне обратился, как к секретарю Московского городского комитета: «Надо организовать здоровых рабочих, пусть они возьмут дубинки, и, когда кончится рабочий день, этих евреев побьют».

Когда он говорил, я был не один, там были Молотов, Берия, Маленков. Кагановича не было. При Кагановиче он антисемитских высказываний никогда не допускал.

Я послушал его и думаю: «Что он говорит? Что такое? Как это можно?»

В детстве в Донбассе я видел еврейский погром. Я сам наблюдал это. Помню, я шел из школы — я ходил в школу с рудника, где отец работал, версты за четыре,— был солнечный, хороший осенний день. Бывает в Донбассе такое бабье лето, когда, как снег, летит белая паутина. Красиво бывает в это время в Донбассе.

Нам повстречался извозчик на дрогах.

Он остановился и заплакал: «Деточки, что делается в Юзовке!»

Мы не знали, кто он такой, почему он нам, детям, стал говорить, что там погром. Мы сейчас же ускорили шаг.

Как только я пришел домой, бросил свою сумку с тетрадками и побежал в Юзовку.

Когда я прибежал, то увидел очень много народу на железнодорожных путях. Там были большие склады железной руды. Ее, видимо, в запас привезли из Криворожья и свалили. На зиму готовили, чтобы не было перебоев в работе домен. Получилась такая естественная преграда. Через нее тропы прокладывали, карабкались шахтеры, когда в Юзовку ходили на базар и преодолевали эти горы красной железной руды.

Толпа стояла на этой горе. Смотрю, казаки уже прибыли. Заиграл рожок. Я никогда не видел войск, в Юзовке войска не стояли, и было это для меня в новинку. Когда заиграл рожок, бывалые солдаты из рабочих говорили, что это сигнал приготовиться к стрельбе и что сейчас будет залп. Народ хлынул на южную сторону склона. Солдаты не пропускали в город рабочих.

Раздался винтовочный залп. Кто кричал, что стреляют вверх, кто, что стреляют холостыми, а для острастки однидва солдата стреляют пулями. Одним словом, сочиняли кто что мог. Потом пауза, и народ опять двинулся на солдат. Поздно вечером люди разошлись.

Я слышал разговоры рабочих с нашей шахты, которые бегали в Юзовку. Они рассказывали, как там грабили, и сами приносили трофеи этого грабежа. Кто сапоги принес, да не пару сапог, а десяток. Некоторые хвастались, что они несли несколько пар сапог, а какой-то извозчик попросил дать ему пару. Они их бросили ему, а сами пошли еще брать.

Кто рассказывал, как шли евреи, или, как тогда их называли, жиды, со своими знаменами и несли «жидовского царя». Когда их встретили русские с дубинками, то «царь жидовский» спрятался в кожевенном заводе. Зажгли этот завод. Завод действительно, я видел, сгорел, в нем сгорел их «царь».

Такое примитивное понимание рабочих было использовано черносотенцами и полицией, которые натравливали рабочих на евреев.

На второй день прямо из школы я побежал в Юзовку: интересно было посмотреть, что там делается. Никто не задерживал, народ валил по всем улицам местечка Юзовка. Грабили. Я видел разбитые часовые магазины, много пуха, перьев летало по улицам. Это грабили еврейские жилища и перины распарывали и пух выбрасывали.

Я видел такую картину: шла какая-то старушка и тащила старую железную кровать. Этой же улицей шли солдаты.

Один солдат выскочил: «Бабушка, я тебе помогу».

Он взял кровать и на каком-то расстоянии помог ей нести.

Тогда прошел слух, что был приказ: три дня можно делать с евреями что угодно. Действительно, три дня этому грабежу никакого сопротивления не делалось.

Я услышал, что много побитых евреев лежит в заводской больнице, и решил со своим дружком, мальчишкой, пойти туда. Пришли и увидели ужасную картину. Там лежало много трупов. В несколько рядов лежали побитые люди — это все были убитые евреи.

Через три дня полиция начала наводить порядок, и погром был прекращен.

Преследования грабителей не было. Власти сдержали слово: в местечке Юзовка три дня полной безнаказанности было предоставлено этим громилам-черносотенцам, и никаких последствий эти грабежи и убийства не имели.

Потом рабочие опомнились, поняли, что это была провокация. Они разобрались, что евреи не враги рабочих, а среди евреев много вожаков рабочих забастовок. Главные ораторы были из еврейской среды, и их охотно слушали рабочие на митингах.

Уже поздней осенью я уехал в деревню. Уезжал брат отца Мартын, который работал в шахте, и мать с отцом меня почему-то отправили с ним. Они тяготели к земле. У отца и особенно у матери была мечта вернуться в деревню, заиметь свою хатку, заиметь лошадь, свою полоску — стать хозяином. Поэтому я жил то на руднике у отца, то у дедушки в Курской губернии. И вот я уехал в деревню, когда в Донбассе начались забастовки. Там развевались красные флаги и проводились большие митинги.

Когда я приехал из деревни, мне рассказывали о событиях, называли фамилии активистов. В абсолютном большинстве это были еврейские фамилии. Об этих ораторах говорили очень хорошо, о них тепло отзывались рабочие. Таким образом, уже тогда, после того как одурачены были рабочие и часть рабочих участвовала в погромах, они потом стыдились того, что произошло. Они стыдились, что допустили это, что не приняли надлежащих мер и не противостояли черносотенцам и переодетой полиции, которая организовала этот погром. Это было позором.

Когда Сталин сказал — палками вооружить рабочих и бить евреев, мы вышли, Берия так иронически говорит: «Что, получил указания?»

«Да,— говорю,— получил. Мой отец был неграмотный, но он не участвовал в погромах, это считалось позором. А теперь мне, секретарю Центрального Комитета, дается такая директива».

Я знал, что хотя Сталин и дал прямое указание, но если бы что-либо такое было сделано и стало бы достоянием общественности, то была бы назначена, безусловно, комиссия и виновные были бы жестоко наказаны. Сталин не остановился бы ни перед чем, задушил бы любого, чьи действия могли скомпрометировать его имя, а особенно в таком уязвимом и позорном деле, как антисемитизм.

Много было таких разговоров, и мы уже все к ним привыкли. Слушали, но не запоминали, ничего не делали в этой области.

Помню, однажды к Сталину приехал Мельников, избранный после меня секретарем ЦК Компартии Украины, и Коротченко с ним был. Сталин пригласил их к себе на ближнюю дачу. Он их усиленно спаивал и достиг цели. Эти люди первый раз были у Сталина. Мы-то знали Сталина. Он всегда спаивал свежих людей. Они охотно пьют, потому что считают за честь, что Сталин их угощает. Но здесь главное было не в проявлении гостеприимства, а Сталину интересно было споить их до такого состояния, чтобы у них развязались языки и они болтали бы то, что, может быть, в трезвом виде, подумав, не сказали бы.

Он развязал им языки, и они начали болтать. Я сидел и нервничал: во-первых, я отвечал за Мельникова, я его выдвигал, а уж о Коротченко нечего было и говорить. Я его знал как честного человека, но очень ограниченного. Сталин его тоже знал, но за столом у Сталина Коротченко был в первый раз. В это время Сталин не обходился без антисемитизма, и он начал высказываться. Он попал на подготовленную почву внутреннего содержания Мельникова. Они с Коротченко пораскрыли рты и слушали.

Кончился обед, мы разъехались. Затем они уехали на Украину. Надо сказать, что, когда я перешел работать в Москву, было решение Президиума ЦК, что я должен наблюдать за деятельностью Центрального Комитета Компартии Украины. Поэтому мне присылали все украинские газеты. Я сам просматривал центральные газеты, а мои помощники следили и докладывали мне, если что заслуживало внимания в других изданиях.

Вскоре после этого обеда мой помощник Шуйский приносит мне украинскую газету и показывает передовую статью. В ней критиковались недостатки и назывались конкретные люди — что-то около 16 человек. 16 фамилий критиковались в этой передовой статье, и все эти фамилии были еврейскими. Я прочел и возмутился: как можно допустить такую вещь!

Я сразу понял, откуда ветер дует. Эти люди поняли как указание критику, которую Сталин проводил в адрес еврейской нации, и начали конкретные действия. Начали искать конкретных носителей этих недостатков и для этого использовали газету. Ведь если вести борьбу, то вести широким фронтом, мобилизовать партию.

Я позвонил Мельникову и говорю: «Прочел вашу передовую. Как вам не стыдно? Как вы посмели выпустить газету с таким содержанием? Ведь это же призыв к антисемитизму! Зачем вы это делаете? Вы же неправильно поняли Сталина. Имейте в виду, что, если Сталин прочтет эту передовую, я не знаю, как она обернется против вас, как секретаря Центрального Комитета. Центральный Комитет КП(б)У, его центральный орган проповедуют антисемитизм. Как вы не понимаете, что это материал для наших врагов? Враги используют это позорное явление: Украина поднимает знамя борьбы с евреями, знамя антисемитизма».

Он начал оправдываться. Потом разревелся.

Я говорю: «Если так и дальше будет продолжаться, я сам доложу Сталину. Вы неправильно поняли Сталина, когда были у него на обеде».

Я, конечно, тоже рисковал, потому что я не был гарантирован, что телефонные разговоры не подслушиваются. Потом я не был уверен, что Мельников сам не напишет Сталину, мол, Хрущев дает указания, противоречащие тем, которые он получил от него, когда был у Сталина на ближней даче. Сталин, видимо, мне бы этого не спустил.

После этого Нина Петровна получила письмо из Киева, и мне рассказала такую историю. В Киеве есть детская клиника для детей, больных костным туберкулезом. Возглавляла эту клинику профессор Фрумина.

Она часто бывала у нас на квартире, когда мой сын Сережа болел туберкулезом. Она очень много приложила усилий и вылечила его. Сейчас у Сергея никаких признаков болезни нет, он полностью выздоровел. Приписывали это главным образом Фруминой. Был тогда еще специалист по костному туберкулезу, академик в Ленинграде, мы попросили его совета в лечении.

Он тогда сказал Нине Петровне: «Что вы ко мне обращаетесь? У вас есть Фрумина в Киеве. Уж лучше ее это дело никто не знает».

В письме Фрумина писала, что ее уволили с формулировкой о несоответствии занимаемой должности. Я возмутился и позвонил опять Мельникову.

Говорю: «Как вы это могли допустить? Как это можно? Уволить заслуженного человека, да еще с такой формулировкой?! Сказать, что она не соответствует по квалификации. Вот такой-то академик (я забыл его фамилию) говорит, что лучше ее никто не знает костного туберкулеза. Кто же мог дать другую оценку и написать, что она не соответствует занимаемому положению?»

Он начал оправдываться. Всегда в таких случаях найдутся люди, которые подтвердят, что все правильно.

Я говорю: «Вы просто позорите звание коммуниста».

Я не знаю, чем это кончилось, кажется, ее восстановили в должности. Но это был позорный факт.

Юрий КОРНИЛОВ

ИДУТ ТАНКЕРЫ НА КУБУ...

В начале 60-х годов довелось мне в качестве журналиста совершить рейс на советском танкере «Труд» по маршруту Одесса — Сантьяго-де-Куба. Нелегкий это был рейс: на подходе к Гибралтару «Труд» столкнулся туманной ночью с американским судном, и только по счастливой случайности на танкере не вспыхнул пожар. Несколько дней пришлось ремонтироваться в Гибралтаре. Свободные от вахты моряки, оживленно обсуждая случившееся, сходились во мнении, что столкновение произошло не в результате плохой видимости, что это диверсия: американские спецслужбы пытаются сорвать поставки советской нефти на остров Свободы. «Но мы груз кубинским друзьям доставим во что бы то ни стало!» — с пафосом воскликнул помощник капитана по политчасти, и я видел, что большинство членов экипажа искренне разделяют его чувства. И только один из моряков, немолодой молчаливый механик с обветренным крестьянским лицом, как-то, улучив минуту, сказал мне несколько фраз, прозвучавших резким диссонансом общему настроению: «Я на флоте давно, возил нефть в разные страны, которым мы помогаем. А ведь сами-то живем еще нелегко, ох как нелегко... И вот чуть ли не последнюю рубашку снимаем, чтобы помочь далеким государствам,— а, скажите, зачем?..»

С тех пор прошло много лет. Если собрать всю нефть, которая была доставлена из СССР на Кубу, образуется огромное нефтяное море. А ведь наши танкеры и сегодня идут и идут к далекому острову, и вопрос, который когда-то задал мне судовой механик с танкера «Труд», теперь повторяют многие. Добавляя к этому вопросу и другой: верно ли, что кубинские товары, которые мы получаем в обмен на невосполнимые богатства наших недр, обходятся нам по ценам значительно выше мировых?

Самая пора разобраться.

Прежде всего давайте еще раз воздадим хвалу гласности: многие официальные данные, которые еще недавно фигурировали лишь в документах с грифом «секретно», ныне стали доступны журналистам, а значит, и широкой общественности. Эти данные подтверждают: да, нефть и нефтепродукты, лесоматериалы, различное оборудование и сегодня являются важнейшими статьями нашего экспорта на Кубу, хотя в целом наш «экспортный набор», разумеется, во много раз шире и насчитывает, говоря языком специалистов, до 700 позиций. Куба со своей стороны имеет около 30 таких позиций, и главные из них три: сахар, цитрусовые, никелевая руда. Здесь уместно напомнить, что никель — весьма важное для нас стратегическое сырье, что СССР закупает на Кубе треть всего потребляемого в стране сахара, а доля кубинских цитрусовых в нашем рыночном фонде превышает 40 процентов.

Такова общая картина. Теперь о принципе, который, несомненно, должен быть неотъемлемой и главной чертой всяких нормальных торгово-экономических связей,— принципе взаимной выгоды. Здесь все не так прямолинейно и просто, как может показаться на первый взгляд. Да, верно, что сахар, закупаемый нашей страной по клиринговым сделкам на Кубе, обходится нам значительно дороже, чем он стоит на мировом рынке. Если говорить точнее, мы покупаем сегодня кубинский сахар по цене 850 так называемых переводных рублей за тонну, в то время как в конце 1989 года мировые цены на этот товар были вчетверо дешевле. Но не забудем, что всякая торговля — дорога с двусторонним движением. И если взглянуть на советско-кубинские торгово-экономические отношения не из Москвы, а из Гаваны, нельзя не отметить, что и Куба, в свою очередь, приобретает нашу нефть по ценам выше мировых.

Почему это происходит? Суть дела в том, что торговые соглашения между нашими двумя странами заключаются один раз в пять лет и цены на горючее, оговоренные в этих соглашениях, определяются исходя из мировых цен, действовавших в предыдущем пятилетии. Выполняя ныне соглашения, заключенные пять лет назад, Куба приобретает нашу нефть и нефтепродукты по ценам, существовавшим в первой половине 80-х годов, когда горючее на мировом рынке было намного дороже, чем сегодня. И если в истекшем году, например, мы закупили на Кубе 4,3 миллиона тонн сахара-сырца, переплатив за него 2,6 миллиарда рублей, то «встречные переплаты» Кубы за советскую нефть, мазут, дизельное топливо составили в том же году около миллиарда рублей. Иными словами, Гавана компенсировала около 40 процентов наших «сверхрасходов» на сахар.

Итак, сумма наших убытков, образующаяся в результате выгодных Кубе и куда менее выгодных для нас соглашений о взаимных поставках, не столь велика, как иной раз утверждают, но и незначительной эту сумму (примерно 1,5—1,6 миллиарда рублей) не назовешь. А ведь преференциальные цены не единственный способ оказания Кубе экономической поддержки. Поскольку эта страна в силу узости и слабости своей экспортной базы не в состоянии полностью покрывать импорт советских товаров (стоимость которых достигла в 1989 году примерно 4,3 миллиарда рублей), СССР щедро предоставляет ей так называемые кредиты на сбалансирование взаимных платежей за товары и услуги. Предоставляя такие кредиты (а на их долю приходится две трети всей советской кредитной помощи Кубе), мы, разумеется, отдаем себе отчет в том, что их возвращение — дело, мягко говоря, проблематичное...

Но и это не все. Объем советско-кубинских торговых сделок огромен, ежегодно из СССР на Кубу и обратно перевозится свыше 20 миллионов тонн внешнеторговых грузов. Поскольку число торговых судов, имеющихся у Кубы, относительно невелико, перевозки в обе стороны осуществляются в основ-

ном советским или зафрахтованным нашим государством тоннажем: Морфлот СССР «закрепил» за Кубой около 300 судов. Если учесть масштабы перевозок и их дальность, нетрудно понять, что транспортировка грузов — дело весьма дорогостоящее, обходящееся нам ежегодно в сотни миллионов рублей. Я уж не говорю о поставках на Кубу советского оружия.

Разумеется,— повторим это еще раз,— было бы неправомерно изображать советско-кубинские торгово-экономические связи лишь как «игру в одни ворота». Это, конечно, не так. В МВЭС СССР мне с полным на то основанием говорили, например, о том, что, хотя номенклатура поставляемых Кубой в СССР товаров расширяется не так быстро, как бы нам хотелось, практически все приобретаемые на острове товары являются по своему характеру валютными, и, не будь кубинских поставок, нам пришлось бы делать закупки за валюту в других местах. Не следует забывать и то, что если бы наша страна решила приобрести 4 миллиона тонн сахара за пределами Кубы, то такие огромные закупки скорее всего привели бы к повышению цен на сахар, причем за него также пришлось бы платить твердой валютой, а не в переводных рублях, то есть хотя бы частично теми товарами (например, машинами, оборудованием), которые из-за их зачастую невысокого качества трудно, если не невозможно, реализовать на капиталистическом рынке.

Каков же, с учетом всего сказанного, итоговый баланс, в каких суммах выражается наша помощь дружественной Кубе? По оценке ЦРУ, «содержание Кубы» обходится нашей стране в 8 миллиардов долларов в год — оценка, на мой взгляд, тенденциозная, явно завышенная. Ближе к истине, видимо, другая цифра, 10 января обнародованная на страницах «Нью-Йорк таймс»: пять миллиардов в год, то есть 25 миллиардов за истекающее пятилетие. Много это или мало? Вот лишь некоторые данные для сравнений и размышлений. Двадцать пять миллиардов — это почти вдвое больше двухгодичного объема той помощи, которую США официально оказывают другим государствам мира. Это вдвое больше, чем капитал создающегося ныне усилиями 27 западных и семи восточноевропейских стран Европейского банка реконструкции и развития Восточной Европы. И еще одна цифра: в 1990 году общие расходы на все мероприятия по повышению уровня жизни в нашей стране составят 13,4 миллиарда — и не долларов, разумеется, а рублей.

Теперь, имея перед глазами эту общую, пусть и не до конца подтвержденную объективными данными картину положения дел, можно попытаться сделать и некие общие выводы. Главный из этих выводов состоит в том, что в многогранном и весьма масштабном советско-кубинском торгово-экономическом сотрудничестве политика заметно доминирует над экономикой. Это — сотрудничество, в котором одна сторона, а именно СССР, с самого начала видела свой интернациональный долг и задачу в том, чтобы, активно поддерживая другую сторону — Кубу и политически, и экономически, помочь республике не только выстоять в разгар блокады, а и заложить основы такой саморегулирующейся и процветающей национальной экономики, которая позволила бы ей, постепенно отказываясь от внешних субсидий, самой идти дальше вперед, добиваясь динамичных темпов развития и обеспечивая высокий или хотя бы относительно высокий уровень жизни народа.

Характеризуя результаты этой долговременной линии, наши дипломаты, эксперты да и печать приводят обычно достаточно широко известный набор цифр. При техническом содействии СССР на Кубе введено в эксплуатацию свыше 400 предприятий и других народнохозяйственных объектов, на которых сегодня производится 44 процента всей вырабатываемой на острове электроэнергии, 95 — стали, 60 процентов азотных удобрений, 100 процентов проката, тростниково-уборочных комбайнов, телевизоров, транзисторных радиоприемников. За 10 лет (1978—1988 годы) во многом именно благодаря нашей помощи Куба смогла увеличить экспортные поставки в СССР сахара на 40 процентов, никеля — на 36 процентов, цитрусовых — в 3,4 раза.

Да, исключительно важный вклад нашей страны в становление революционной Кубы бесспорен. Но достигнута ли сегодня та цель, которая была поставлена десятилетия назад,— создание с нашей помощью, при нашем содействии на Кубе динамичной и процветающей национальной экономики? К огромному сожалению, приходится констатировать, что решить эту стержневую для республики задачу и по сей день не удалось. Восхищаясь самоотверженностью и революционным энтузиазмом кубинского народа, отдавая должное тем усилиям, которые были предприняты, особенно на первых порах, кубинским руководством для подлинного обновления страны, нельзя не отметить и другое: на остров была «пересажена», а затем и «усовершенствована» на кубинский лад наша бюрократическая командно-административная система с ее господством вала, незаинтересованностью людей в результатах и качестве труда и прочими присущими ей органическими пороками.

В данной статье не ставится задача дать анализ того, как и почему это произошло,— явился ли подобный ход дел результатом определенного нажима со стороны нашего бывшего руководства, никогда не сомневавшегося в собственной непогрешимости и усердно стремившегося навязать другим явно непригодную модель, или же кто-то в самой Гаване пытался догматически, без должного критического анализа перенести на кубинскую почву чужой и отнюдь не лучший «опыт». Это особая тема, еще ждущая своих исследователей; при ее рассмотрении следует, разумеется, исходить из того, что мы ни в коей мере не подвергаем сомнению полное право Гаваны самой определять, как, на каких основах должна строиться кубинская экономика. Но так или иначе факт остается фактом: хотя социальные достижения Кубы (такие, например, как бесплатное образование и здравоохранение) не вызывают сомнений, экономика республики и сегодня находится в состоянии стагнации, в стране введена и действует карточная система, заметно растут цены, Куба по существу, по-прежнему ориентирует свое экономическое развитие на солидные материально-финансовые «инъекции» извне.

Выше уже отмечалось, что согласование основных направлений и объемов торгово-экономических сделок между СССР и Кубой происходит один раз в пять лет. Очередной такой срок истекает, не позже осени нынешнего года предстоит подписать новые межгосударственные соглашения на предстоящее пятилетие (1991—1995 годы). Одновременно к началу новой пятилетки должны быть определены основные параметры таких соглашений и с рядом других государств, которым наша страна также оказывает помощь. Однако, если учесть опыт, уже накопленный как в развитии наших торгово-экономических связей с Кубой, так и в ходе осуществления всей нашей внешнеэкономической стратегии, возникают, думается, по меньшей мере два острых и очень непростых вопроса. Первый: по плечу ли сегодня нашей стране, чья экономика стоит на грани глубокого кризиса, столь масштабная помощь другим государствам? И второй: есть ли гарантии того, что в странах — объектах этой помощи (и речь тут идет, разумеется, уже не только о Кубе) при нашем содействии все же будут заложены основы действительно процветающей экономики?

Характерно, что именно эти вопросы — в центре внимания становящейся все более активной дискуссии, которая развернулась в настоящее время среди советской общественности и в прессе. Мнения высказываются различные, подчас противоположные. Так, если, скажем, ведущий научный сотрудник ИМЭМО АН СССР Е. Арефьева пишет в «Известиях» о необходимости решительного пересмотра нашей стратегии помощи и отказа от «экономически не обоснованных направлений» такой стратегии, если в аналогичном духе высказывается в «Московских новостях» другой научный работник, А. Кортунов, то начальник Управления оценок и планирования МИД СССР С. Тарасенко, напротив, задаваясь на страницах тех же «Московских новостей» вопросом: «Нужно ли помогать другим?», дает такой ответ: «А хотим ли мы, чтобы помогали нам?» Немало различных, пусть порой и односторонних суждений и прогнозов можно найти по данной проблеме и на страницах зарубежных средств массовой информации. «Нью-Йорк таймс», например, ссылаясь на данные бюро по делам экономики и предпринимательства госдепартамента США, утверждает, что, если бы СССР обратил на внутренние нужды те средства, которые расходуются им на экономическую и военную помощь семи иностранным государствам (Афганистану, Анголе, Камбодже, Кубе, Эфиопии, Никарагуа, Вьетнаму), этих средств было бы достаточно, чтобы вдвое поднять годовое потребление товаров и услуг у двух миллионов советских семей. Касаясь позиции Кубы и отмечая, что ряд членов гаванского руководства не соглашаются с необходимостью внедрения в экономику рыночных рычагов и все чаще и все в более резкой форме подвергают критике советскую перестройку, многие западные газеты приходят к мнению, высказанному 10 января английской «Индепендент»: несмотря на щедрые советские субсидии, «кубинский социализм оказался на мели».

Разумеется, излагают свою позицию и кубинские руководители. Так, выступая недавно на проходившем в Гаване XVI съезде Профцентра трудящихся Кубы и касаясь советско-кубинских экономических отношений, Ф. Кастро отметил, что «политика СССР по отношению к нашей стране все эти годы революции была великодушной». «Но мы,— сказал он,— не страна, просящая милостыню». «Если наш сахар,— продолжал кубинский лидер,— продается по цене более высокой, чем в «мировой мусорной яме», эта цена тем не менее справедлива, потому что таким образом был положен конец неравноправным торговым отношениям».

Не вдаваясь в существо этих и других мнений и оценок, высказываемых в нашей стране и за рубежом, отметим, однако, что сам факт подобной дискуссии — явление, как представляется, положительное, ибо хорошо известно, что именно в споре, в столкновении позиций и точек зрения рождается истина. При том, разумеется, условии, что те, от кого зависит принятие окончательных решений, к ходу дискуссии прислушиваются, стремятся извлечь из многоголосия подходов и споров рациональное зерно. А между тем...

Передо мной материалы состоявшегося недавно, в январе, в Софии 45-го заседания сессии Совета Экономической Взаимопомощи. На этом заседании речь, как известно, шла о необходимости коренной перестройки всей деятельности СЭВ, о внедрении в жизнь новой модели взаимодействия ее членов — модели с применением стоимостных условий рыночного типа. Такой подход можно, разумеется, только приветствовать, особенно если бы из него не делалось никаких исключений. Но такие исключения сделаны. Не кто иной, как Н. И. Рыжков, в своем интервью «Правде» по итогам заседания сессии СЭВ отметил, хотя и с оговорками, что три социалистические страны — Куба, Монголия и Вьетнам — и ныне нуждаются «в особом подходе». «Мы понимаем, что нам надо им помогать...» — констатировал он.

Так что же, выходит, вопрос о нашей дальнейшей помощи другим государствам или по крайней мере ряду государств уже фактически предрешен? Но когда, кем? И почему мы должны узнавать о подобных весьма важных решениях из газетного интервью?

(Пишу я эти строки, а редакционный телетайп отстукивает тем временем последние новости из Вашингтона. Там лидер республиканского меньшинства в сенате Р. Доул предложил недавно урезать «федеральный пирог помощи», от которого США отламывают куски для других стран, и среди конгрессменов развернулась бурная дискуссия: какие в этом деле избрать приоритеты — не сократить ли, например, объем помощи Израилю (три миллиарда в год) за счет увеличения ее некоторым странам Восточной Европы? Эх, подобные бы дебаты — да в наш Кремль...)

Известно, что Верховный Совет СССР принял бюджет на 1990 год, и одна из самых крупных статей расходов в этом бюджете (26,4 миллиарда рублей из 200,9) озаглавлена так: «Финансирование внешней торговли, расходов по государственным, банковским, коммерческим операциям, оказанию безвозмездной помощи иностранным государствам и другим расходам по международным связям». В печати уже выражалось удивление по поводу того, что депутаты проголосовали за расходы по этой статье, практически не подвергнув критическому анализу их целесообразность. Но останутся ли они столь же бесстрастными, если правительство, уже не раз и с полным на то основанием отмечавшее те огромные трудности, с которыми оно сталкивается, изыскивая дополнительные средства на решение наших даже самых острых социальных проблем, предложит ассигновать новые миллиарды на реализацию того пункта бюджета, который трактует об «оказании помощи иностранным государствам»?

Разумеется, я отнюдь не ратую за то, чтобы повернуться спиной к друзьям, и сегодня подвергающимся и экономическому нажиму, и идеологической агрессии, и хорошо понимаю, что не дело журналиста выносить вердикты об основах и главных направлениях советской внешнеэкономической стратегии. Но одно, думается, не вызывает сомнений: коль скоро речь идет об оказании тому или иному государству помощи объемом в миллионы или даже миллиарды рублей, решения на сей счет, особенно в нынешних условиях, не должны приниматься за закрытыми дверьми, пусть даже эти двери ведут в самые что ни на есть авторитетные учреждения и ведомства. О каждой подобной акции должна знать общественность — и не просто знать, но и иметь в своем распоряжении серьезные, аргументированные обоснования ее целесообразности.

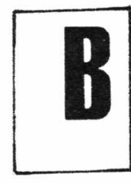
Убежден: только такой подход, давно, кстати, принятый в подавляющем большинстве развитых государств, позволит избежать ошибок, подтолкнет соответствующие ведомства да и само правительство к тому, чтобы более тщательно соизмерять объемы нашей помощи другим странам с нашими реальными возможностями, активнее изыскивать пути и способы, которые, не ущемляя ничьих интересов, позволили бы быстрее переводить наши торгово-экономические связи на рельсы взаимной выгоды. Только такая подлинно демократическая практика исключит вопросы, которые когда-то, много лет назад, задал мне механик танкера «Труд».

Еще совсем недавно, когда «Огонек» только начал публиковать поэтическую антологию, нас, и не только нас, атаковали певцы прописочного патриотизма, требовавшие не публиковать поэтов, покинувших места своего рождения, уехавших за рубеж. Причины в расчет не принимались. Главное, что они «там». В это же время русское зарубежье воспламенялось поучающими статьями: нет-нет да кто-нибудь брался объяснить, насколько ему приятнее жить и работать вне дома, где «все повязаны и объединены застоем»; кое-кто клялся, что вот-вот начнет писать на заграничном языке, осчастливив человечество. Ан нет... Любовь к Родине, боль за ее судьбу все более объединяли, возвышали над обидами, нелепицами, групповщиной. Очень непросто — взыскательно любить Родину. Иногда эта взыскательность неприятна тем, кто считает себя блюстителем и воплощением всех отечественных достоинств; иногда за взыскательную любовь даже наказывают, поскольку каждый сверчок должен знать в упорядоченном Отечестве свой предписанный шесток. И тем более важно, что общая тревога, общая ответственность объединяют поверх барьеров. Поверх боли, амбиций, страха восходит ответственность за судьбу земли и народа, с которыми ты обрел жизнь и речь. И пока кликуши продолжают спорить, кому разрешить болеть за Отечество, а кому нет, кому можно принадлежать к национальной культуре, а кому они, кликуши, воспретят, идет процесс консолидации. К нам возвращаются своим творчеством Шаляпин и Малевич, Рахманинов и Набоков, мы встречаемся взглядами с Ростроповичем и Солженицыным, Бродским и Нуриевым, мы по-новому видим тех, кто творил в Отечестве,— и Шостаковича, и Филонова, и Твардовского, и Пастернака... До чего же важно собрать всех детей к возрождаемому дому! И вместе определить степень вины тех, кто вправду виновен. В новом году «Огонек» планирует развернуть панораму современной отечественной культуры, в частности русской, формировавшейся зачастую в разных условиях, а порой и на разных материках. Но наша культура — это наш общий дом. И даже если кто-то из зодчих поступил не так — не надо взрывать здание; следует задуматься над судьбой зодчего. Это общее дело. Предлагаемая вашему вниманию статья, присланная в «Огонек» из Нью-Йорка,— одна из первых в начинающемся разговоре. Мы ждем новых слов и новых поступков. Сегодня необходимо объединять силы. Естественно, такой призыв не всем по душе. Для многих гораздо легче оставаться бдительными провинциалами, объявляющими собственный уровень развития общенародным. Для некоторых эмигрантов гораздо эффектнее позировать на фоне человечества и подчеркивать в своей речи быстро сформировавшийся иностранный акцент. Возможно и это; в большой семье бывают разные дети. Но все-таки... Приглашаем вас к разговору.

МИФ О ЗАСТОЕ

Петр ВАЙЛЬ,
Александр ГЕНИС

1

В советской истории каждая эпоха искала свое отражение в прошлых десятилетиях. Для 60-х, например, особенно важными были революционные годы: первая оттепель ощущала себя метафорой революции.

Перестройка, в свою очередь, актуализировала 60-е, видя в этой эпохе свою неудавшуюся предшественницу. Но постепенно интерес сместился в глубь истории. Репрессии, террор, лагеря, процессы, коллективизация — вот что в первую очередь занимает и писателей, и читателей. Атмосфера сталинских лет высвечивается, становится все более выпуклой, осязаемой.

На фоне этих историко-художественных разысканий совсем недавнее прошлое съежилось, съехало на обочину истории, сократилось до одного слова — застой.

К 70-м установилось брезгливое отношение: бессмысленное время, ни то ни се. Нет тут трагичности сталинской эпохи. Нет и суетливой бодрости эпохи хрущевской.

О застое пишут как о потерянных годах. И сам Брежнев выглядит теперь даже не злодеем, а просто случайным человеком, вознесенным к вершинам власти. Любитель медалей и почестей, политик-дилетант, который правил, не правя, исповедуя принцип невмешательства во внутренние дела своей собственной страны.

Вот, например, типичный портрет Брежнева в литературе гласности: «Докладчик короткими шажками шел к трибуне, держа папочку, он нес свое тело, облаченное в синий костюм, прямо, несгибаемо, оно казалось слишком тяжелым для его ног; Павел Петрович видел сбоку его лицо со знаменитыми бровями, оно было замкнуто, обращено в себя, может быть, докладчик беспокоился, как бы не споткнуться и дойти до трибуны» (И. Герасимов. «Ночные трамваи». «Новый мир», № 2, 1988).

Сразу видно, что такой Брежнев не интересуется мировым господством, не стремится подавить инакомыслие, не хочет облагодетельствовать народ кукурузой или коммунизмом — у него есть более насущная забота: дойти до трибуны.

Застой в сознании перестройки воплотил в себе брежневские черты. Невзрачные, мелкие времена, которые на полтора десятилетия затопили серой краской страну. Соответственно, и культура периода застоя кажется сегодня серой до отвращения. 70-е — это пустые журналы и газеты, пустое кино, пустой театр. Это — громадная клякса, затянутая вязким туманом.

В жизни шестидесятников застой как бы не считается, его надо вычесть из творческой биографии. Между двумя оттепелями зияет пустота.

Оглядываясь на 70-е, нельзя не заметить, что в окружении возмутительно тоскливой литературы Ленинская премия мемуарам Брежнева была абсолютно заслуженной. Автор застоя стал лауреатом той культуры, которую породил.

Сейчас кажется, что эпоха безвременья знала одного истинного героя, чей облик не померк в свете гласности,— это Владимир Высоцкий.

Высоцкий, с его гипертрофированной мужественностью, вводил в эстетический канон эпохи тему трагического. Его герои — солдаты, геологи, альпинисты, алкаши, уголовники — противостояли душевной апатии, мучительной вялости того времени. Песни Высоцкого ощущались антитезой серым будням. Он искусно использовал яркую выразительность экстремальных ситуаций, давая современникам, способным разыгрывать только мещанскую драму, урок трагедии.

Мир Высоцкого — это арена схватки сильных характеров, настоящих мужчин, это ностальгия по героике, которой так не хватало слякотным 70-м.

Можно сказать, что Высоцкий романтизировал действительность. И делал это примерно в тех же целях, что и Лермонтов, который писал свою песню про купца Калашникова и опричника Кирибеевича, смелых и отчаянных людей, в назидание равнодушным современникам.

Высоцкий стал героем и мучеником застоя. Он восполнял дефицит культуры 70-х весьма декоративными мерами. Но его всенародная популярность служила верным показателем того, до какой нищеты докатилась советская культура в брежневские времена.

Об этом говорит пышная, но все же двусмысленная эпитафия Высоцкому, которую написал Вознесенский:

О златоустом блатаре
Рыдай, Россия.
Какое время на дворе,
Таков Мессия.

2

А тут пора сказать, что принятая сейчас в Советском Союзе **концепция застоя — миф.** Причем миф, насаждаемый вполне сознательно, с большой степенью лицемерия. **Никакого застоя в русской культуре 70-х годов не существовало.** Культура просто перебралась в самиздат, а оттуда — за границу. Вытесненная из советских журналов и издательств подлинная литература расцвела на свободе.

Мы, эмигранты Третьей волны,— лучшие свидетели этого процесса. Застой в советской литературе стал апогеем русской литературы в изгнании. Ведь как раз в самые мрачные, бесцветные годы появились книги, составившие гордость нашей современной словесности.

Гласность, восторженно открывающая для советского читателя шедевры полувековой давности, все еще игнорирует достижения совсем недавней эпохи.

Однако если окинуть взглядом все лучшие произведения, вышедшие за рубежом в 70-е годы, многие из которых до сих пор не опубликованы на родине, то концепцию тотального застоя придется похоронить. Никакого кризиса русская культура не переживала. Напротив, наступление серости, ожесточение цензуры пошли ей даже на пользу. Вместо приспособленных к официальным стандартам сочинений, вместо написанных на уже приевшемся эзоповом языке книг литература обрела свободу — не только политическую, но и эстетическую.

Застой — удобная, но ложная идея. Она дает возможность самооправдания тем советским писателям, которые совместными усилиями и создавали серую эпоху. Для них вполне безопасно хвалить сейчас Набокова, но признать достижения современников, соседей по застою,— значит расписаться в собственной бездарности и конформизме. До тех пор, пока значение эмигрантской литературы 70-х замалчивается или принижается, советские писатели и критики могут наслаждаться статусом жертв истории, жертв застоя. Но когда литературный процесс станет историей литературы, будет ясно, что словесность уцелела. Тогда опять, как ныне, придется пересматривать табель о рангах, переписывать историю советской литературы, включая в нее полукрамольные сейчас имена.

Давайте просто перечислим несколько книг, вышедших в свет в самые мрачные времена застоя.

А. Солженицын — «Архипелаг ГУЛАГ», 1974.

Г. Владимов — «Верный Руслан», 1975.

А. Синявский — «Прогулки с Пушкиным», «В тени Гоголя», 1975.

В. Войнович — «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», 1976.

И. Бродский — «Конец прекрасной эпохи», «Часть речи», 1977.

А. Зиновьев — «Зияющие высоты», 1977.

Саша Соколов — «Школа для дураков», 1976.

В. Аксенов — «Ожог», 1980.

С. Довлатов — «Компромисс», 1980...

Список мог бы быть куда длиннее, особенно если прибавить к нему сочинения писателей, живших в Советском Союзе, но печатавшихся на Западе, вроде «Москва — Петушки» Вен. Ерофеева, «Пушкинского дома» А. Битова или полного «Сандро из Чегема» Ф. Искандера. Однако даже этих, первых пришедших в голову названий хватает, чтобы убедиться — никакого застоя русская культура не знала. Ее всего лишь выдавили с родины в самиздат и на Запад.

К концу 70-х годов в русском зарубежье процветало свободное слово.

Мы хорошо помним то бурное время. Бесконечные журналы и газеты, беспрерывно размножающиеся издательства, сотни книг — по четыреста названий в год. Эмиграция находилась на пороге создания автономной, не зависимой от метрополии культуры. Для этого было все, что нужно: талантливые, именитые авторы, авторитет и признание, которым пользовалась свободная литература на Западе, горячий энтузиазм. И — тоскливая, действительно застойная Россия, служащая контрастным фоном для расцвета Третьей волны. Казалось, еще чуть-чуть — денег, времени, усилий — и мы сумеем преодолеть нелепую межпартийную рознь, борьбу амбиций, провинциальные нравы нашей эмигрантской культуры. Именно тогда Василий Аксенов сказал свою ставшую известной

фразу: «Чтобы спасти русскую литературу, нужна сумма, равная стоимости одного крыла бомбардировщика».

Тогда мы думали, что эмиграция окажется способной породить новый русский культурный тип, станет буфером между Востоком и Западом, явит миру новую модель сознания, объединит советский опыт с уроками демократического общества. Тогда мы верили, что культура зарубежной России сможет стать альтернативой метрополии.

3

о этого не случилось. Произошло то, о чем писал — про Первую волну эмиграции — Ходасевич: «Гора книг, изданных за границей, не образует того единства, которое можно было бы назвать эмигрантской литературой».

К этому же выводу, 55 лет спустя, приходит и Третья волна. Синявский: «Невозможно создавать культуру на эмигрантской почве. Эмиграция не есть место создания какой-то самостоятельной культуры. Это место сохранения и творчества отдельных авторов».

Все это стало особенно заметным сейчас. Советская литература вышла из полосы застоя, а эмигрантская в нее попадает. Наша культурная жизнь оскудевает. И журналы, и газеты, и литература в целом — переживают кризис.

Грустная картина — культуру гоняют по невидимой трубе через границу: там — застой, здесь — расцвет, здесь — расцвет, там — застой.

Почему же так много обещавший культурный взлет эмиграции окончился кризисом, незаметно растворился, ушел в песок? Чего не хватило Третьей волне?

Нормального кровообращения. Писателей — более чем достаточно, а вот читателей слишком мало. Литературный процесс развивался в вакууме. Третья волна не создала той критической читательской массы, которая необходима для здорового функционирования культуры. Литература русского зарубежья, не став общественным институтом, потеряла способность к воспроизводству.

Третья волна растворилась в диаспоре. Писатели пишут книги без адреса, непонятно для кого. Нельзя же, в самом деле, сознательно сочинять исключительно для западного читателя, то есть заранее рассчитывать на перевод. От такого писания русская словесность становится «обратным переводом». Может быть, поэтому мы перестаем узнавать в новых книгах наших мэтров их стиль, язык. Это книги-подстрочники, предназначенные на экспорт. Что касается внутреннего — эмигрантского — рынка, то и так сойдет. В конце концов, что толку в одной-двух тысячах экземпляров, которые могут разойтись среди зарубежных русских?

Помнится, мы как-то сетовали на подобное отношение к читателю в связи с книгой Аксенова «В поисках грустного бэби». Но нам объяснили, что Аксенов писал не для эмигрантов, а для американского издательства — им и судить, насколько книга удалась.

Что ж, есть и такая точка зрения. Но как привыкнуть к мысли, что писатели пишут не вообще, а для специальных целей? Для американского издательства — по-своему, для французского — по-другому, для русского — по-третьему.

В идеале для сочинения нужны карандаш и бумага. Но это в идеале, для шедевров. Нормальной, здоровой, средней литературе необходима аудитория, нужна социальная среда, в которой книги обрастают мнениями, спорами, врагами и поклонниками.

Опыт советской гласности дает наглядный пример того, что производство культуры и ее функционирование — разные вещи.

Не стоит забывать, что гласность — вещь относительная. Она открывает истины только для советских людей, да и то для тех, кого миновала волна сам- и тамиздата. Ничего особо нового нам, эмигрантам, советские журналы и газеты не сказали. Все это мы читали уже лет десять назад в свободной русской прессе.

И тем не менее мы открываем сегодня советские издания с энтузиазмом. Конечно, само слово не меняется от того, напечатано оно в эмигрантской газете тиражом в несколько тысяч или, скажем, в «Литературке» с ее многомиллионным читателем. И все же как по-разному выглядит даже известный текст на страницах советского журнала. Например, всем нам знакомые стихи Бродского в «Новом мире» приобретают новое звучание. Они попадают в контекст советской литературной реальности. Факт их появления там уже меняет эту самую реальность. Стихи включаются в жизнь общества, выходят на грандиозные российские просторы, проникают в тело русской культуры.

Гласность заражает нас своей энергией на расстоянии. Даже здесь, в Америке, мы ощущаем социальный резонанс от советских публикаций. Хотя они и не несут для нас какой-то новой информации, но от того, что эта информация нова для Советского Союза, мы получаем импульс сопереживания.

Только этим, наверное, можно объяснить поразительный успех романа Рыбакова в эмиграции. «Детей Арбата» читают запоем те же люди, которые уже давно пресытились сталинской темой. Разве не странно, что Солженицын из моды вышел, а Рыбаков в нее вошел?

Успехи гласности обернулись трагедией для эмигрантской культуры. Самые интересные публикации в наших газетах — перепечатки из советских изданий. Литераторы Третьей волны теперь пишут на полях гласности. И в том, как эмиграция комментирует нынешнюю советскую жизнь, чувствуется обида и зависть. Еще бы, Москва вторглась на нашу территорию. Тают запреты — сужается тематическое поле для деятельности русского зарубежья.

В отчаянной попытке удержать последние бастионы идеологи Третьей волны стремятся создать видимость альтернативы гласности, отстоять свою оппозиционность.

Если эмигрантский истеблишмент старается просто не замечать нашего застоя, то бунтующая эмигрантская богема не только остро переживает кризис, но и требует крови, задавая сакраментальный вопрос — кто виноват?

По мнению художественного авангарда Третьей волны, чью точку зрения, например, выражала скандальная парижская газета «Вечерний звон», опыт эмигрантской культуры не удался «из-за тотальности окружающей нас системы массового контроля, который покруче совдеповского» (А. Ровнер). Свободную литературу подавил истеблишмент Третьей волны, который узурпировал периодику и издательства, насадил повсюду политическую демагогию и привел в конце концов эмиграцию в состояние застоя.

«После того, как были разбиты последние истекающие кровью независимые русские литературные издания,— пишет «Вечерний звон»,— культура оказалась в руках амбициозных посредственностей, лукавых прислужников, безликих манипуляторов, застолбивших издательства, прессу, университеты, радиостанции, добравшихся до церквей и афонских монахов».

Инвективы богемы нельзя назвать безосновательными, но, честно говоря, никакая цензура не может искоренить культуру. Это не удавалось ни советским чиновникам, не могло удаться и эмигрантскому истеблишменту. Авангард Третьей волны реализовал свои потенции. Доказательство тому — и сама газета «Вечерний звон», и многотомная авангардная антология К. Кузьминского, и эзотерический журнал «Гнозис», который издавал в Нью-Йорке тот же А. Ровнер.

Непризнанные авторы создавали свои органы, вплоть до одноразовой газеты с фантастическим названием «Мася». В эмиграции можно напечатать любой — любой! — текст. Другое дело, что из этого получится и что получит за это автор. Можно, конечно, считать, что истеблишмент захватил жирный кусок пирога в виде разных дотаций и не хочет им делиться. Но ведь это к вопросу о справедливом разделении доходов, а не о жизни культуры. Сколько платили авторам самиздата?

Эстетическая оппозиция внесла свой значительный вклад в современную литературу и искусство, но кризис, который она переживает вместе со всей эмиграцией, вызван не чьей-то злой волей, а все той же объективной ситуацией — отсутствием критической массы читателей и зрителей. Авангард и так-то эзотеричен, замкнут, но в диаспоре богема становится уже совсем «вещью в себе».

Без выхода к широкой аудитории, без включения в массовую культуру богема обречена на озлобленное одиночество, на вырождение.

Застой, конечно, невеселое время. Трудно примириться с тем, что новости теперь приходят с той стороны государственной границы. Однако у Третьей волны появились новые надежды. Пока эмигрантский истеблишмент воюет с гласностью, а богема сражается с истеблишментом, жизнь не стоит на месте.

4

се эти годы мы жили в сознании тотального противостояния метрополии и эмиграции. Каждый считался членом одной из двух непримиримых партий.

Гласность разрушила этот абсурдный антагонизм. Сегодня, когда стремительно налаживаются **частные** контакты между «нами» и «ими», личность перестает представлять кого-либо, помимо самой себя. Советские писатели, которые приезжают в Америку, становятся прежде всего писателями, а уже потом — советскими. Ведомственная принадлежность на глазах исчезает.

Процесс этот уже начинает работать в оба конца. Скажем, Юрий Любимов приехал в Москву не как посланец некой обобщенной эмиграции, а как театральный режиссер Любимов — ни больше и ни меньше.

Все это вселяет надежды — налаживается нормальное кровообращение культуры. Выставка Кабакова в Нью-Йорке или стихи Бродского в Москве — приметы того заманчивого будущего, о котором всегда мечтала эмиграция: слияние ее с метрополией, восстановление единого потока, в котором не останется места для нелепого, в сущности, разделения на «там» и «здесь».

Эмиграция — всего лишь трагический эпизод в истории русской культуры, до которого будет мало дела нашим потомкам.

Застой — остановка кровообращения. Чтобы излечиться от этого недуга, Третья волна нуждается в метрополии. Сейчас главный резерв эмигрантской литературы — в Советском Союзе. Единственный для эмигрантских журналов способ выжить заключается в том, чтобы **перестать быть эмигрантскими.** И сейчас такой шанс у русского зарубежья есть.

Нынешняя советская литература легко может попасть в тупик, знакомый по опыту прошлой оттепели. К власти — во всяком случае, редакторской — пришли бывшие шестидесятники, которые принесли с собой прежнюю концепцию литературы как рычага, разрушающего оплоты духовной тирании. Опять идет смертельная схватка между либералами и охранителями.

Литература поделена между двумя лагерями, не оставившими ничейной земли для тех, кто стоит **вне** войны за перестройку. К ним относится эстетическая оппозиция. (Надо сказать, что такая же ситуация сложилась и в 60-е. Именно поэтому для Солженицына в «Новом мире» тех лет место нашлось, а для Бродского — нет.)

Поколение непримкнувших, наученное прошлым опытом, и не ждет от гласности ничего хорошего. Именно сейчас, в расцвет свобод, в Советском Союзе вновь появился обширный самиздат, выходят десятки самодельных журналов, устраиваются чтения в клубах, распространяются рукописи, делаются переводы западных авторов.

В отличие от 60-х, самиздат этот не имеет отношения к политике. Авторы, те самые, которые вне перестройки, оставили надежду пробиться в занятые междоусобицей журналы. Они стремятся к собственным органам, к своим журналам и издательствам.

Однако дело не только в этом. В существующих изданиях для них в любом случае места не хватает.

5

едь сейчас изюминка каждого журнала — публикации книг, уже известных всему миру, за исключением Советского Союза.

Бросившись догонять мировую культуру, советские журналы идут вперед, обернувшись лицом назад. Нынешний читатель живет со сладким, но обманчивым ощущением культурного бума. Представим себе, что каким-то чудом нашли александрийскую библиотеку. И вот журналы печатают первые попавшиеся шедевры — только классиков, только мастеров высшей пробы. Конечно, за столько-то лет собралась достойная компания. От выбора разбегаются глаза. Еще бы! За год-два напечатать всего Набокова. Сейчас за тот же срок предстоит освоить всего Солженицына. А ведь есть еще и дореволюционные авторы — забытые, неперепечатывавшиеся 70 лет философы, историки, критики. А иностранная литература — все то необозримое богатство, которое накопил двадцатый век, пока советская культура презрительно отворачивалась от «реакционной и декадентской» литературы.

Оказавшись в такой беспрецедентной ситуации, толстые журналы не смогли устоять перед искушением снять сливки с мировой культуры. Причем занятно, что в стране, одержимой манией планирования, никак не удается избежать дублирования. Постоянно в разных журналах печатаются одновременно одни и те же вещи. Дело возвращения советскому читателю запретных имен находится в полном хаосе. Вместо строгих, научно выверенных публикаций печатают отрывки, фрагменты, допускаются произвольные сокращения. Идет борьба редакторских амбиций — каждый стремится выделиться за счет самых ярких, самых горячих произведений.

Ясно, что журналы занялись не своим делом. Ясно и то, что решение проблемы в том, чтобы добиться от книжных издательств того же, чего добились от газетно-журнальных,— свободных тиражей, основанных на реальном читательском спросе.

Однако пока из попытки освободить толстые журналы для текущей, сегодняшней литературы ничего не выходит.

Журнал «Москва» на два года отдал множество своих страниц «Истории» Карамзина. «Иностранная литература» на 12 номеров растянула публикацию «Улисса» Джойса. В «Новом мире» публикуется «малое» собрание сочинений Солженицына — главы из «Архипелага», «В круге первом», «Раковый корпус». Уже сейчас, как говорит Залыгин, «Новый мир» завален рукописями. Но публикации Сол-

женицына так заметно потеснят других авторов, что очередь растянется на всю пятилетку.

Создается парадоксальная ситуация: идет спор, перефразируя известную формулу, отличного с хорошим. Замечательные, выверенные годами произведения, которые должны стоять в каждом **книжном** магазине, вытесняют с **журнальных** страниц современную, актуальную, самую, так сказать, свежую прозу, критику, стихи.

Толстые журналы — чисто русский феномен, сыгравший колоссальную роль в истории всей российской культуры,— теряют свою специфику. Теперь редакторы все чаще вместо того, чтобы разыскивать новых авторов, становятся публикаторами, печатающими авторов старых, хорошо известных.

Диалектика сегодняшнего литературного процесса такова, что толстые журналы, преследуя, бесспорно, благородные цели, одновременно закладывают фундамент нового культурного отставания. Знакомя читателя с лучшими явлениями мировой культуры прошлого, пусть и недавнего, журналы не способны справиться со своей главной задачей — формировать и направлять современный культурный процесс. Ликвидируя прошлые пробелы, журналы никак не могут догнать сегодняшний день.

А ведь сейчас Советский Союз переживает поистине судьбоносные годы. В жизнь уже входят дети перестройки — подрастает молодежь, которая считает гласность нормальным, а не экстраординарным явлением. Но пробиться ей в литературу и, что почти то же самое, в толстые журналы в годы перестройки не проще, чем в эпоху застоя. При Брежневе журналы заполняли тусклые, серые произведения. Сейчас — блестящие, а иногда, как в случае с Солженицыным или Набоковым, и выдающиеся книги. Но для молодых-то места по-прежнему не остается.

Эта ситуация чревата конфликтом двух поколений и даже конфликтом двух культур. Искусство молодых — с их странными стихами, с их роком, с их новой прозой, как и в старые времена, вытеснено на обочину. Им приходится обходиться либо «тощими» страничками периферийных журналов, либо самиздатом.

Не этим ли объясняется скудная жатва литературы перестройки? Ведь культура гласности все еще живет в основном заемной славой. Если вычесть из современной советской литературы все, не ею написанное, то в результате останется не больше, чем было в любой другой период — и в сталинский, и в хрущевский, и в брежневский.

Сегодня советская культура не может обеспечить непрерывность литературного процесса, вырастить новую смену, надеждой на которую всегда живет словесность.

И тут на сцене может вновь появиться русское зарубежье. Необходимо наладить контакты с эстетической оппозицией в Советском Союзе. Открыть для них наши журнальные страницы, использовать широко разветвленную издательскую сеть для того, чтобы русский литературный процесс перестал разделяться на два русла.

Авторы из Советского Союза способны оживить засыхающую словесность Третьей волны, которая в свою очередь может дать им возможность выйти на Запад, используя свои налаженные контакты с иностранными славистами и издателями, сеть русской книготорговли с ее многолетними традициями и мировым охватом, достижения современной полиграфии. В перспективе — совместные предприятия, международные издания: альманахи, журналы, газеты. Выход за границу поможет защититься от борьбы партийных пристрастий, вырваться из уз богемного провинциализма.

Колония и метрополия нуждаются друг в друге, чтобы стереть с русской культуры, не дав ему перейти из прошлого в будущее, клеймо застоя.

Нью-Йорк

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

СЛАВА

Бесконечный, астрально высокий и низко бреющий смычок разрезает нашу жизнь надвое.

Я запомнил его в иссиня-черном, мохнатом пальто-бобрик, похожим на отяжелевшего шмеля, неуклюжего с первого взгляда и одновременно летучего, подобно полету смычка в его давних концертах.

Париж? Сыктывкар? Сен-Готард? Сен-Санс?

Его виолончель упирается в пол острым мысиком, повторяя снизу очертания сердца.

Попробуйте собирать музыку с медвяного клевера, когда все цветы полны радиацией и вдобавок опестицидены.

Мы встречаемся с ним обычно ночью. Так уж случается. Первую встречу помню во Владимире, куда мы приезжали с «Поэторией». Он гудел. Гудело послеконцертное пиршество. Столы ломились от тостов. Р. Щедрин, М. Плисецкая, Л. Зыкина, бледный дирижер, с испариной на лбу, хормейстеры, «звезды» оркестра. Солисты хора, местные светила после духовной самоотдачи концерта отдавались языческой, земной стихии. Языковая сочность, в иные часы показавшаяся бы вульгарной, как голая плясунья, отплясывала на столе, поражая онемевших хористов. Олимпийцы отдыхали.

Но самым мощным сгустком бытийственной гудящей энергии был он, летучий увалень, раблезианец в иссиня-черном фраке, с подвижным лицом, округлым мраморным подбородком и умнейшими зрачками. Все называли его «Слава». «Две бутылки «Пшеничной» убрал»,— восхищенно шепнула про него первая скрипка. Так мы познакомились с Ростроповичем. Он страстно доказывал мне что-то о фресках и о каких-то бесхозных трубах, которые видел по дороге из Москвы и которые надо бы пристроить.

Уезжали мы поутру. Слава стоял на балконе и, обтирая торс мохнатым полотенцем, свежий, как стеклышки очков, читал нам вслед на память стихи. Гений и фигура Ренессанса, он легко носил на плечах фрак любимца вельмож, баловня народа, позванивая наградами, ведя свою опасную партию уверенно и виртуозно. Думаю, он первый из музыкантов, обычно аполитичных, бросил вызов Системе, заступившись за судьбу А. Солженицына — поставив на карту свою судьбу. Помню ночь в его парижской гигантской квартире на авеню Жорж Мандель. Он тогда уже был запретной фигурой.

Беседы шли в обществе портретов Боровиковского, Христа кисти А. Иванова, портрета Петра I, копия которого находится в Эрмитаже. Да и сам хозяин и хозяйка редкой красоты и гневной стати были такими же шедеврами русской культуры. Они собирают лишь русское искусство. Коллекции этой позавидовал бы любой музей. На окнах с пуленепробиваемыми стеклами висели кружева с романовскими орлами, которые Галина сама стирает руками, не доверяя их дражайших снежных узоров стиральным машинам и прачкам. На малахитовых столах лежали кубки первых самодержцев, хозяин доставал и зачитывал царские грамоты и письма Солженицына, водил полюбоваться финской баней, которую выстроил в особняке парижского рококо, опускал в прохладу погреба, где шпалерами лежали горизонтальные ряды «Бордо» под номерами. Глядел Николай II кисти Серова.

Вензеля с коронами на столовых приборах прислушивались к разговору. Говорили о многом. Хозяин спустился в погреб за новой бутылкой. Вдруг в передней раздался звонок. В прихожей засуетились. В обеденный зал вошел Л. И. Брежнев. Он приехал без сопровождения. Они с Ростроповичем были знакомы по Москве. Генсек сразу оценил обстановку и занял место тамады. Он поднял тост за хозяйку, потом за гостя. У меня перехолодело в горле. Я читал в газетах, что ожидается правительственный визит в Париж, но думать было некогда — тост с легкой задержкой речи обращался ко мне.

Сначала слова были невразумительны, но добры, потом в них стала нарастать угроза. «Душно»,— сказал Брежнев, снял с головы резиновую, как у Фантомаса, маску и оказался хохочущим и потным от резины Славой. Такие пластиковые маски продавались в магазинах. Шутка была озорной и страшной — это был год Афганистана.

Врезался и другой эпизод — венчание его дочери. Слава и Галя стояли в русской парижской церкви; он, схожий с вельможей прошлого века,— в смокинге, в муаровых лентах и звездах всех держав (советские ордена и медали отняли на границе), она — стройная боярышня в бриллиантовом уборе и в приталенной собольей шубке.

Как он любит ее! Как в застольном повороте вдруг вспыхивал молниеносный абрис «Кармен», от этой великой роли я цепенел когда-то в Большом театре!

В отличие от многих музыкальных собратьев их августейшая пара глубоко образованна. Они просят читать новые стихи, думаю, не только из вежливости. Как-то я прочитал им «Не трожьте музыку руками». Хозяева вежливо выслушали, но мягко сказали: «Ну, это известное, а что-нибудь новое?» Тогда я им прочитал: «Мы были — трубы...». Это было и про них, они были почти первыми слушателями.

Когда Слава, слегка опоздав, вошел в нью-йоркский шекспировский театр Джо Паппа на мой вечер, я в честь него объявил «виолончельные стихи». Зал его приветствовал.

В нем нет сальеризма. Будучи, без сомнения, гением, он не плачется о своих трагедиях, он смачно угощает вас анекдотом, рассказывает байки про своих собачек, возлюбленную «Муху», и ее «дочь», обкакавшихся, когда он их тайно вез в первом классе «Боинга», приняв их грех на себя.

Кто знает, что такое слава? Какой ценой купил он право...

Полжизни он проводит в авиасалонах, порой читая партитуры в небе. Он каторжный труженик. Это у него с детской поры, когда они полуголодные с сестренкой Вероникой водили смычками. Философ, великолепный менеджер, он мог бы быть президентом гигантского концерна, мог бы быть президентом какой-нибудь страны, но он посвятил себя русской, а значит, и мировой культуре, именно он берет не доступную никому в этом мире духовную смычковую ноту.

Все слышат его астральный смычок. Я же попытался просто документально отснять несколько видеоклипов, набросков его живых встреч. Именно этого Славы во плоти, шумного, заразительно хохочущего, с озадаченными очечками, так не хватает сегодня среди нас. Надеюсь, что скоро Москва его увидит. Как не хватает сегодняшней стандартной жизни волшебного деревянного сердца виолончели Ростроповича!

Эти странички были написаны до того, как Г. Вишневской и М. Ростроповичу было возвращено отнятое гражданство. Но сколько еще осталось летучих звезд русской культуры, которым это гражданство еще не вернули!.. Почему бы широким жестом не вернуть гражданство ВСЕМ лишенным его деятелям отечественной культуры?

Вы слышите смычковый звук полета?

«...НЕСЯ В СЕБЕ ВДОХНОВЕНИЕ И ОГОНЬ СВОЕГО НАРОДА»

Случилось наконец через двенадцать лет и это — Указом Президиума Верховного Совета СССР Мстислав Ростропович и Галина Вишневская восстановлены в гражданстве СССР. Одновременно признан утратившим силу Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении их государственных наград и почетных званий народных артистов СССР. Кстати, о существовании второго Указа музыканты, которые живут в Вашингтоне, узнали впервые... Кто первым сообщил Галине Вишневской и Мстиславу Ростроповичу об «амнистии»? Важно ли это?

Важно. Если им оказался наш посол в США, то попросил ли он прощения от имени Советского правительства за содеянное? Без мук совести и отпущения нам грехов мы скоро перестанем быть людьми. ...Весь вечер в тот день в исполнении Национального симфонического оркестра США, которым дирижировал Мстислав Ростропович, звучала музыка Петра Ильича Чайковского... Перед нами некоторые личные документы Галины Вишневской и Мстислава Ростроповича. «Дела давно минувших дней»?

31 октября 1970 года.

Открытое письмо Мстислава Ростроповича главным редакторам газет «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Советская культура»:

«Уважаемый товарищ Редактор!

Уже перестало быть секретом, что Александр Исаевич Солженицын большую часть времени живет в моем доме под Москвой. На моих глазах произошло и его исключение из Союза писателей в то самое время, когда он усиленно работал над романом «1914-й год», и вот теперь награждение его Нобелевской премией и газетная кампания по этому поводу. Эта последняя и заставляет меня взяться за письмо к Вам.

На моей памяти уже третий раз советский писатель получает Нобелевскую премию, причем в двух случаях из трех мы рассматриваем присуждение премии как грязную политическую игру, а в одном (Шолохов) — как справедливое признание ведущего мирового значения нашей литературы. Если бы в свое время Шолохов отказался бы принять премию из рук присудивших ее Пастернаку «по соображениям холодной войны», — я бы понял, что и дальше мы не доверяем объективности и честности шведских академиков. А теперь получается так, что мы избирательно то с благодарностью принимаем Нобелевскую премию по литературе, то бранимся. А что, если в следующий раз премию присудят т. Кочетову? — ведь нужно будет взять?! Почему, через день после присуждения премии Солженицыну, в наших газетах появляется странное сообщение о беседе корреспондента Икс с представителем секретариата Союза писателей о том, что ***вся*** *общественность страны (т. е. очевидно, и* ***все*** *ученые, и* ***все*** *музыканты, и т. д.) активно поддержала его исключение из Союза писателей? Почему «Литературная газета» тенденциозно подбирает из множества западных газет лишь высказывания американских и шведских коммунистических газет, обходя такие несравненно более популярные и значительные коммунистические газеты, как «Юманите», «Леттр Франсез», «Унита», не говоря уже о множестве некоммунистических? Если мы верим некоему критику Боноскому, то как быть с мнением таких крупных писателей, как Бёлль, Арагон, Франсуа Мориак?*

Я помню и хотел бы напомнить Вам наши газеты 1948 года, сколько вздора писалось там по поводу признанных теперь гигантов нашей музыки С. С. Прокофьева и Д. Д. Шостаковича...

...Сейчас, когда посмотришь на газеты тех лет, становится за многое нестерпимо стыдно... Неужели прожитое время не научило нас осторожнее относиться к сокрушению талантливых людей? Не говорить от имени всего народа? Не заставлять людей высказываться о том, чего они попросту не читали или не слышали?

...В 1948 году были списки запрещенных произведений. Сейчас предпочитают устные ЗАПРЕТЫ, ссылаясь, что «есть мнение», что это не рекомендуется. Где и у кого есть МНЕНИЕ — установить нельзя. Почему, например, Г. Вишневской запретили исполнять в ее концерте в Москве блестящий вокальный цикл Бориса Чайковского на слова И. Бродского? Почему несколько раз препятствовали исполнению цикла Шостаковича на слова Саши Черного (хотя тексты у нас были изданы)?..

У кого возникло «мнение», что Солженицына нужно выгнать из Союза писателей? — мне выяснить не удалось, хотя я этим очень интересовался. Вряд ли пять рязанских писателей-мушкетеров отважились сделать это сами без таинственного «мнения». Видимо, МНЕНИЕ помешало моим соотечественникам и узнать проданный нами за границу фильм Тарковского «Андрей Рублев», который мне посчастливилось видеть среди восторженных парижан. Очевидно, МНЕНИЕ же помешало выпустить в свет «Раковый корпус» Солженицына, который уже был набран в «Новом мире». Вот, когда бы его напечатали у нас, — тогда б его открыто и широко обсудили на пользу автору и читателям.

...Я знаю, что после моего письма непременно появится МНЕНИЕ и обо мне, но не боюсь его и откровенно высказываю то, что думаю...»

...Мстислав Ростропович не ошибся — МНЕНИЕ появилось. 29 марта 1974 года Галина Вишневская и Мстислав Ростропович пишут письма. Первое — П. Н. Демичеву:

«Дорогой, глубокоуважаемый Петр Нилович! К великому нашему огорчению, к этому письму мы прилагаем также письмо к товарищу Л. И. Брежневу, которое мы просим передать Леониду Ильичу.

Мы Вас сердечно и горячо благодарим за все то, что Вы хотели для нас сделать. Но даже Вы смогли нам помочь только на один день. На следующий день все наши надежды на просвет в нашей жизни на нашей Родине рухнули.

Мы едем за границу, чтобы получить работу, достойную нас, по нашей квалификации. Как Вы знаете, много раз письменно и устно по разным вопросам мы обращались к министру культуры СССР Е. А. Фурцевой, но все оказалось безрезультатно...

Достигнув творческой зрелости, мы обязаны свое умение отдать людям. Мы уверены, что в нашей стране существует организованная группа людей, обладающих силой и возможностями, которая в полный противовес интересам нашего государства ***затравливает*** *(выделено мной.—* **Т. К.**) *талантливых и нужных государству людей, оставляя им только два выхода: самоубийство или выезд за границу.*

Надеемся, что мы не дали и не дадим повода плохо о нас вспоминать».

...Уезжая, они были уверены, что вернутся домой, и даже надеялись, что за это время в нашей стране «изменится то невыносимое, оскорбительное отношение, которое послужило причиной отъезда». К сожалению, этого не произошло. Началось продление контрактов опять же с надеждой на «прощение» за «человечное отношение к писателю Александру Исаевичу Солженицыну».

В ожидании, по их словам, «амнистии» они аккуратно каждый раз являлись в советское посольство в Вашингтоне и писали просьбы о продлении паспортов. Такое заявление в связи с подписанными на три года контрактами они оставили там и 16 февраля 1978 года — срок паспортов истекал 25 марта...

9 марта Галина Вишневская и Мстислав Ростропович выехали во Францию, условившись, что посольство перешлет туда распоряжение, которое придет из Москвы.

15 марта в пять часов вечера им позвонил советник посольства СССР во Франции по культуре Ю. Борисов и сказал, что ответа ждут в самые ближайшие дни. А через пару часов, сидя в Париже у телевизора, они узнали о лишении их советского гражданства...

Через три дня безо всякого на то предупреждения к ним явились два сотрудника из нашего консульства для того, чтобы забрать их советские пас-

порта. Галина Вишневская и Мстислав Ростропович отказались сделать это, считая все происшедшее «актом беззакония»...

Газета «Известия». Четверг, 16 марта 1978 года. Сообщение под заголовком «Идейные перерожденцы»:

«Выехавшие несколько лет назад в зарубежную поездку М. Л. Ростропович и Г. П. Вишневская, не проявляя желания возвратиться в Советский Союз, вели антипатриотическую деятельность, порочили советский общественный строй, звание гражданина СССР. Они систематически оказывали материальную помощь подрывным антисоветским центрам и другим враждебным Советскому Союзу организациям за рубежом. В 1976—1977 годах они дали, например, несколько концертов, денежные сборы от которых пошли в пользу белоэмигрантских организаций.

Формально оставаясь гражданами Советского Союза, Ростропович и Вишневская по существу стали идейными перерожденцами, ведущими деятельность, направленную против Советского Союза, советского народа.

Учитывая, что Ростропович и Вишневская систематически совершают действия, наносящие ущерб престижу Союза ССР и не совместимые с принадлежностью к советскому гражданству, Президиум Верховного Совета СССР постановил на основании ст. 7 Закона СССР от 19 августа 1938 года «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик» за действия, порочащие звание гражданина СССР, лишить гражданства СССР М. Л. Ростроповича и Г. П. Вишневскую».

...Париж. 17 марта 1978 года.

«К ОБЩЕСТВЕННОМУ МНЕНИЮ.

Мы обращаемся к нашим друзьям, любителям музыки, ко всем людям доброй воли с просьбой в этот тяжелый для нас час выразить свое отношение к бесчеловечному и незаконному акту лишения нас права жить и умереть на своей (выделено мной.— **Т. К.**) земле. Мы не занимались и не занимаемся политикой ни у себя на родине, ни за рубежом, а отдаем свои силы музыке, чтобы красота ее согревала мир.

Предъявленные нам формальные обвинения не имеют никакой связи с подлинными мотивами этого решения, которое явилось лишь актом мести за проявленную нами человеческую солидарность по отношению к гонимым людям...

Галина Вишневская,
Мстислав Ростропович»

Л. И. Брежневу.

«Гражданин Председатель Верховного Совета Союза ССР!

Верховный Совет Союза ССР, который Вы возглавляете, лишил нас советского гражданства... Мы — музыканты. Мы живем и мыслим музыкой... Вы не хуже других знаете, что единственной нашей «виной» было то, что мы дали приют в своем доме писателю Александру Солженицыну. За это с Вашей санкции на нас были обрушены всяческие преследования, пережить которые было для нас невозможно,— отмены концертов, запреты гастролей за рубежом, бойкот со стороны радио, телевидения, печати, попытка парализовать нашу музыкальную деятельность.

Трижды, еще будучи в России, Ростропович обращался к Вам: первый раз с письмом и дважды с телеграммами с просьбой помочь нам, но ни Вы, ни кто-либо из Ваших подчиненных даже не откликнулись на этот крик души.

Таким образом, Вы вынудили нас просить об отъезде за границу на длительный срок, и это было оформлено как командировка Министерства культуры СССР. Но, видимо, Вам не хватило наших слез на родине. Вы нас и здесь настигли.

Теперь Вашим именем «борца за мир и права человека» нас морально расстреливают в спину по сфабрикованному обвинению, лишая нас права вернуться на родину.

...Мы требуем над нами суда в любом месте СССР, в любое время с одним условием — чтобы этот процесс был открытым.

Мы надеемся, что на это четвертое к Вам обращение Вы откликнетесь, а если нет, то, может быть, хотя бы краска стыда зальет Ваши щеки.

Г. Вишневская,
М. Ростропович»

Мстислав РОСТРОПОВИЧ
Ответ ТАССу

26 марта 1978 года

ТАСС: «Несколько лет назад в зарубежную поездку выехал Мстислав Ростропович вместе со своей женой Галиной Вишневской. В самом этом факте нет ничего особенного. Ведь Ростропович, как и другие деятели искусства, не впервые выезжал за границу в соответствии с широким культурным обменом, который осуществляет наша страна».

26 мая 1974 года после тщательного обыска на таможне, где не были разрешены к вывозу ордена и медали, которыми я был награжден (в их числе медали Ленинской и Сталинской премий, Британского королевского филармонического общества, Лондонского симфонического оркестра, Израильской филармонии и т. д.), я прибыл в Лондон со своей собакой. Уже начало не совсем обычного турне! От меня избавились так поспешно, что я свалился в Лондоне, как снег на голову англичан,— без концертов, без единого контракта и без денег. Я почти три месяца не имел ни одного концерта за границей и жил на деньги, одолженные мне друзьями. Семья приехала через два месяца.

Почему же мне, жене и детям разрешили выехать на два года, хотя на столь длительный срок ни один артист еще не выезжал? Разрешение на выезд мы получили в ответ на два заявления, посланные нами 29 марта 1974 года,— Л. И. Брежневу и П. Н. Демичеву, который в то время работал Секретарем ЦК КПСС по культуре и через которого мы передали заявление Брежневу. Через полчаса после подачи заявлений нас вызвал к себе заместитель министра культуры В. Кухарский и сказал, что Советское правительство согласно на наш выезд. Наши заявления прилагаются.

ТАСС: «Супруги Ростропович не раз публично заявляли, что они не намерены возвращаться в Советский Союз».

Это чистейшая ложь. 16 февраля 1978 года мы подали заявление на имя Брежнева в советское посольство в Вашингтоне с просьбой продлить наши визы на три года в связи с уже подписанными нами контрактами на концерты за границей. Это ясно указывает на то, что мы не хотели терять связи с нашей Родиной и при благоприятных обстоятельствах вернулись бы домой.

ТАСС: «...В интервью газете «Франс суар» Ростропович заявил: «Советский Союз — страна мертвых душ, там умерщвляется все живое и прогрессивное».

Да, мы продолжаем так думать — что у нас в стране не существует свободы творчества и что у нас стараются умертвить все живое и прогрессивное. Разве можно у нас напечатать крупнейшие произведения лучших прозаиков и поэтов — Бродского, Владимова, Войновича, Максимова, Некрасова, Пастернака, Солженицына? Все они были исключены из Союза писателей СССР. Только сравнительно недавно увидели свет запрещенные Ахматова и Булгаков. А травля Прокофьева и Шостаковича в музыке, увековеченная в «историческом» постановлении ЦК партии 1948 года о так называемом формализме в музыке? А уничтожение выставки художников при помощи бульдозеров, как это было сделано в Москве?

...За три с половиной года пребывания за границей наши имена не только никогда не были произнесены по советскому радио или напечатаны хотя бы в одной из советских газет, но даже были изъяты из периодических изданий, яркий пример чему — изданные в 1976—1977 годах юбилейные альбомы и книги Большого театра, где Вишневская пела двадцать два года...

ТАСС: «...Организовали 63 концерта, сборы от которых передали белоэмигрантским организациям, десятилетиями ведущим подрывную работу против СССР...»

Я дал 63 благотворительных концерта, включая и мастер-классы, на многие из которых продавались билеты...

Является ли белоэмигрантской организацией Фонд серебряного юбилея английской королевы, или Фонд Клод Помпиду, или ЮНИСЕФ — организация при ООН для помощи больным детям — пусть это останется на совести ТАССа. Список всех моих благотворительных концертов я прилагаю... Или это преступление — помогать людям?

«Нет слов, чтобы выразить мое возмущение этим бесчеловечным поступком. Прикрываясь именем народа, Советское правительство лишило нас гражданства. Милостиво оставляя советскими гражданами наших детей, правительство действует подобно работорговцам, разбивает мою семью и лишает нас семейного крова.

*...Советское правительство показало, что в Советском государстве судьбу людей решают не законы, а люди, управляющие (выделено мной.— **Т. К.**) этими законами. Я не признаю права этих людей насильно лишать меня земли, данной мне Богом.*

На XXII съезде КПСС тогдашний председатель КГБ А. Шелепин, документально нарисовав ужасающие картины массового террора Сталина и бывших в то время членов Политбюро: Молотова, Кагановича, Маленкова и Ворошилова, с возмущением воскликнул: «Иногда задумываешься, как эти люди могут спокойно ходить по земле и спокойно спать? Их должны преследовать кошмары, им должны слышаться рыдания и проклятия матерей, жен и детей невинно погибших товарищей» (XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. III, стр. 404—405, 1961 год).

И эти люди, объявленные преступниками перед своим народом, не были судимы или лишены гражданства? Нет, они спокойно доживают свой век в бесплатных роскошных дачах и цинично получают огромные пенсии от тех самых вдов и сирот «невинно погибших товарищей». Но они имеют право жить и умереть на своей земле.

Под Ленинградом в братской могиле лежит моя погибшая от голода во время блокады семья. Я отдала моему народу большую часть моей жизни, родила и воспитала двоих детей. И я никому не позволю распоряжаться моей семьей, как рабами.

Галина Вишневская»

Мстислав РОСТРОПОВИЧ

Ответ корреспонденту еженедельной газеты «Голос Родины» Л. Павлову на статью «Зачем Ростроповичу был нужен советский паспорт?», опубликованную в № 13 (2105) за 1978 год.

Я не хочу отвечать на эту статью в ее тоне, где в изобилии не только вранье, но и грубые, оскорбительные слова в мой адрес. Хотя в этой статье в основном использованы идеи, уже опубликованные ТАССом, но есть и коекакие новые обвинения, на которых я хочу остановиться.

«...В январе 1975 года супруги Ростропович нанесли во время гастролей в Израиле по своей инициативе визит президенту Израиля и встретились с Голдой Меир... За этими встречами последовали другие».

...Моя жена и я в последнее время встречались также с Джимми Картером, Жискар д'Эстеном, Раймондом Барром, Вальтером Шеелем, Хельмутом Шмидтом, Вилли Брандтом, Бруно Крайским, Пьером Трюдо и другими государственными деятелями, посещавшими наши концерты.

«...При этом событии присутствовал известный на Западе сионист Бернстайн...»

Л. Бернстайн известен не только на Западе, а хорошо известен и в СССР, и известен не как сионист, а как пианист (выделено мной.— **Т. К.**), выдающийся композитор и блестящий дирижер — один из крупнейших музыкантов США, музыку которого я играю и дирижирую с большим удовольствием, а дружбу с ним считаю для себя за честь...

«...Чего, например, стоит его заявление корреспонденту «Голоса Америки»: «...Я здесь очень, очень счастлив».

Да, это правда, даже если она вам, бюрократам и гонителям из Москвы, колет глаза. Но не только я один здесь счастлив. Р. Нуриев, М. Барышников, Н. Макарова, В. Ашкенази и многие другие талантливые артисты могут добиться здесь куда большего в своем искусстве, чем раньше на своей Родине. И, право, вам, руководству страной, есть над чем подумать.

«...в соответствии с существующими правилами,— а М. Ростропович весьма досконально изучил их! — при наличии советского гражданства он освобождался от уплаты значительных налогов на сборы, получаемые от своих гастрольных выступлений. Вот в чем, оказывается, фокус! Чисто торгашеский расчет — шуметь о «свободе творчества», о «высоких политических материях» и жульнически не платить налогов...»

О высоких политических материях я вообще никогда не рассуждаю, ибо, как я всегда повторяю, я не политик, а музыкант. Что касается налогов, то советские паспорта нигде и никогда не освобождали нас от налогов, которые мы аккуратно платим в каждой стране, где выступаем, или поручаем нашим импресарио платить их из наших гонораров...

«...За три с небольшим года оборотистые гастролеры успели купить две громадные квартиры в Нью-Йорке и Париже, за 175 тысяч фунтов стерлингов приобрести дом в Лондоне и, наконец, виллу под Лозанной в Швейцарии».

Вот что на самом деле имеют «оборотистые гастролеры» на Западе. В Нью-Йорке учатся и постоянно живут наши две дочери — Ольга 22 лет и Елена 19 лет. Для них мы сняли квартиру в три маленьких комнаты общей площадью 42 кв. метра, за которую мы ежемесячно платим 500 долларов.

В Париже мы снимаем квартиру, за которую платим 800 долларов в месяц, так как где-то на земле мы должны иметь место, где можно держать наши вещи и ноты.

...До сегодняшнего дня мы имеем только одну нашу собственность — это квартира в Москве и дача под Москвой. Нигде никогда ни домов, ни квартир, ни вилл мы не покупали, так что с лишением гражданства нас не хотят впустить в наш единственный дом...

«...Они имели не только большую зарплату, но среди музыкантов и артистов получали самые высокие гонорары, не говоря уже о том, что имели громадную квартиру в Москве, большую дачу, четыре автомобиля и даже трактор для работы на дачном участке».

Правильно! Единственный раз газета сказала правду! Мы все это купили на заработанные честным трудом деньги и не рассматриваем наше имущество как взятку от государства за наше молчание и согласие со всем, что происходило или произойдет с нами. Мы никогда никому не жаловались, что в материальном отношении плохо жили. Но не подумали ли советские бюрократы, какие же должны быть трагические обстоятельства, чтобы со всей семьей бросить этот земной рай и уехать на долгий срок из дома?..

«...Еще в декабре 1976 года «Голос

Америки» определил Г. Вишневскую, как «уходящую певицу». Тем не менее М. Ростропович, как правило, ставил одним из обязательных условий заключения контрактов выступление Г. Вишневской в его концертах да еще вместе с дочерьми...»

Как часто в этой статье ссылаются на «Голос Америки»! ...Безусловно, это является показателем того, что эту радиостанцию больше не глушат у нас. Даже тогда, когда говорят не только об «уходящей певице», но и о престарелом, но все еще не уходящем Советском правительстве.

Между прочим, Французская музыкальная академия грамзаписи удостоила Галину Вишневскую международного приза «Лучшей оперной певицы в мире» за 1977 год. Она получила «Гран-при» за пластинки опер «Тоска», «Пиковая дама», «Царская невеста» (последняя ее запись в СССР!), за альбом романсов М. Мусоргского, П. Чайковского и Д. Шостаковича, за романсы М. Глинки и С. Рахманинова. Несколько месяцев назад с триумфальным успехом пела она Тоску в лондонском театре Ковент-Гарден. Как известно, ей посвящены многие произведения разных композиторов...

Она была первой советской певицей, выступавшей с огромным успехом в оперных спектаклях лучших театров мира — Метрополитен, Ла Скала, Гранд-опера и Ковент-Гарден. Она первая принесла мировое признание советской вокальной школе. Как не стыдно советской газете швырять камни в свою народную артистку, которая столько сделала для советского вокального искусства, сколько еще не сделали все «восходящие» и «уходящие», вместе взятые!

Именно ей, Галине Вишневской, ее духовной силе я обязан тем, что мы уехали из СССР тогда, когда во мне уже не оставалось сил для борьбы и я начал медленно угасать, близко подходя к трагической развязке. То, что Галина Вишневская в это время своей решительностью спасла меня, хорошо знают «компетентные органы», которые теперь стараются как можно больше оскорбить и унизить ее, а на самом деле унижают только советское искусство и — главное — Большой театр, не понимая при этом, что лучшую его певицу, народную артистку СССР, право же, никакому импресарио навязывать не нужно...

В заключение мне самому хочется ответить на главный вопрос статьи: «Зачем Ростроповичу был нужен советский паспорт?»

Представители советской бюрократии! Не ищите ответа только в доступных вам областях — финансовой и бытовой. Допустите мысль, что художники, родившиеся на своей Родине, отдавшие ей всю свою жизнь и продолжающие творить в других странах, неся в себе вдохновение и огонь своего народа, могут надеяться на уважение своих соотечественников...

Вы, возможно, думаете, что человеку нужен советский паспорт, чтобы свободнее и безнаказаннее распоряжаться чужими жизнями и судьбами, запугивать или морально уничтожать людей, учить гениальных композиторов сочинять музыку или великих писателей создавать книги.

Жаль, что вам никогда не приходила в голову простейшая мысль, что русскому нужен паспорт своей страны из-за его любви к своему Отечеству.

Мстислав РОСТРОПОВИЧ

Публикацию подготовила Татьяна КАЛИНИНА

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА, 1966.

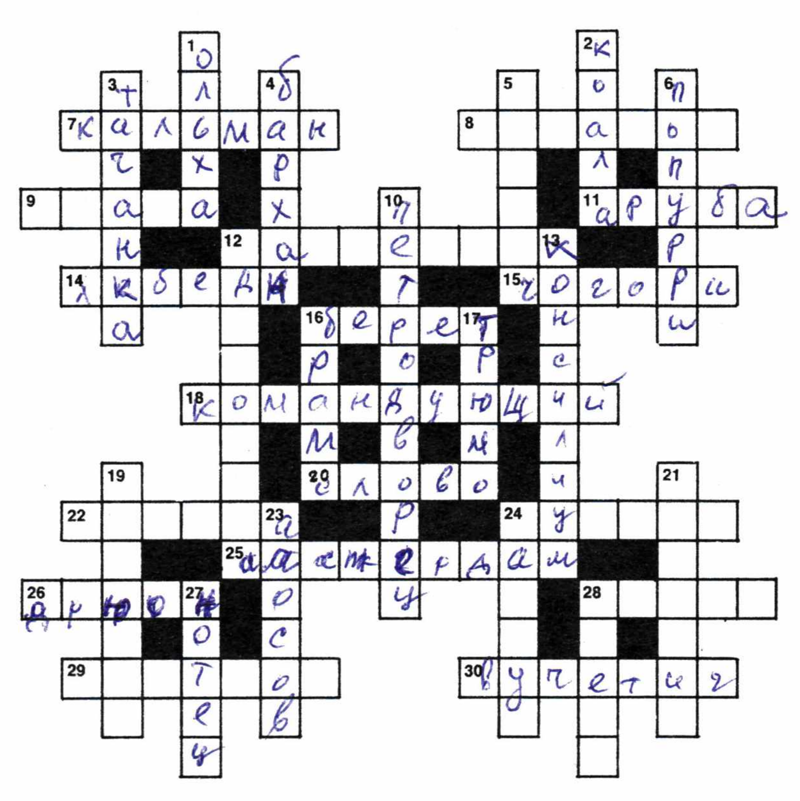
ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Венгерский композитор, мастер оперетты. 8. Устройство для автоматического отмеривания жидких или сыпучих материалов. 9. Действующее лицо в пьесе А. Н. Островского «Без вины виноватые». 11. Один из Малых Антильских островов. 12. Советский писатель. 14. Большая водоплавающая птица. 15. Высочайшая вершина Каракорума. 16. Головной убор. 18. Начальник крупного войскового соединения. 20. Единица языка. 22. Приток Печоры. 24. Балет Ф. З. Яруллина. 25. Столица западноевропейского государства. 26. Французский писатель, автор серии исторических романов. 28. Картина Н. К. Рериха. 29. Вид зимнего спорта. 30. Скульптор, народный художник СССР, лауреат Ленинской премии.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Лиственное дерево или кустарник семейства березовых. 2. Сумчатый медведь. 3. Одноконный двухколесный экипаж. 4. Песчаный наносный холм в пустыне, степи. 5. Тюлень. 6. Музыкальная пьеса, составленная из различных мелодий. 10. Город в Ленинградской области. 12. Сценическое искусство при помощи жестов и мимики. 13. Совещание врачей. 16. Немецкий композитор, пианист и дирижер XIX века. 17. Высокое зеркало. 19. Ученый в области управления ракетоносителей, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 21. Мягкая хлопчатобумажная или шерстяная ткань с ворсом. 23. Хирург, Герой Социалистического Труда. 24. Французский живописец XVIII века. 27. Река на западе Польши. 28. Духовой музыкальный инструмент.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Живописец. 7. Волынов. 8. Анероид. 13. Гимн. 14. Казахстан. 16. Шпон. 17. Дейнека. 18. Илиамна. 19. Карадаг. 20. Тбилиси. 22. Арабеск. 24. Плуг. 25. Венявский. 28. Трак. 31. Артикул. 32. Городки. 33. Смедерово.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Воевода». 2. Кипарис. 3. Жмых. 4. Цирк. 5. Доронин. 6. Кинешма. 9. Гипербола. 10. Балакирев. 11. Навигация. 12. Горностай. 15. Хабаров. 21. Леггорн. 23. «Батраки». 26. Ясельда. 27. Снегирь. 29. Фирс. 30. Коло.

40 коп.
Индекс 70663